КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ

ТОМЪ LXXXVII.

1904 г.

ОКТЯБРЬ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская. № 6.
1904.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 22 сентября 1904 г.

Кіевъ въ 1654—1855 гг.

(Продолженіе [1]).

VIII.

Какъ мы видѣли, Кіевъ въ теченіе продолжительнаго времени былъ то религіознымъ центромъ (какимъ онъ всегда оставался), то съ одной стороны военнымъ городомъ, а съ другой замкнутой въ самое себя общиной. Съ теченіемъ времени старые устои расшатались, а новые (какъ введеніе общихъ учрежденій съ 1782 г.) не могли еще дать опредѣленныхъ результатовъ. Совѣстный судъ, которому Екатерина придавала такое широкое значеніе [2], не имѣлъ успѣха вслѣдствіе укоренившейся привычки къ тяжбамъ, но онъ указывалъ свою долю вліянія тамъ, гдѣ имѣли мѣсто дѣла, связанныя съ суевѣріями, волшебствомъ и т. п. [3]). Расширеніе больницы (на 100 чел., съ двумя отдѣл., мужскимъ и женскимъ), принятой на счетъ города (на сборъ отъ город. вѣсовъ), по рѣшенію почетнѣйшихъ гражданъ, Дума прямо приписывала «вліянію» новыхъ учрежденій [4]). Причиною медленнаго роста города

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1904 г., № 9.

[2]) Храповицкій, Дневникъ, 1.

[3]) Кіев. Стар. 1891, № 7, с. 119—120.

[4]) Матер., изд. Андріевскимъ, 130—135. Въ 1790 г. въ ней содержалось свыше 100 чел.

и его промышленнаго процвѣтанія, одинъ изъ современныхъ наблюдателей считаетъ то, что магистратъ не давалъ права на гражданство пришельцамъ и не позволялъ имъ имѣть собственные дома [1]). Печальное состояніе торговли Кіева во второй половинѣ XVIII ст. (почти лишь одной мелочной) отчасти подтверждается признаніемъ самаго магистрата [2]). Такимъ образомъ, въ 1775 г., на запросъ коммерцъ-коллегіи о состояніи фабрикъ и торговли въ городѣ и уѣздахъ, Кіевскій магистратъ, по требованію ген. губ. Воейкова, сообщилъ, что здѣшніе мѣщане и нѣкоторые ремесленники (цеховые) производятъ торгъ въ лавкахъ *нѣмецкими и великороссійскими* шелковыми, бумажными, шерстяными, пушными и желѣзными товарами, а нѣкоторые держатъ отъѣзжіе торги за границу: въ Польшу, въ Цесарію, Саксонію, въ Пруссію, въ Гданскъ, возятъ товары *великороссійскіе* пушные, китайку, холстъ, крашенину, *малороссійскіе* говяжье сало и воскъ. Цеховые питаются рукодѣліемъ, а чернь, находящаяся въ сотняхъ, работаетъ у партикулярныхъ людей. Въ городѣ имѣются казенный шелковый и партикулярные кожевенные и кирпичные заводы, ткацкіе станы, на которыхъ работаютъ здѣшніе ткачи для своихъ и обывательскихъ *домашнихъ нуждъ*. а также на продажу холстъ и другія надобности, какъ-то шерстяпой мухояръ, изъ котораго монахи одѣяніе носятъ, сермяжпыя сукна и т. п., а никакихъ *особенно достойныхъ*, по знатости ихъ, примѣчанія промысловъ (металическихъ, минеральныхъ и др.), казенныхъ и частныхъ, какому либо мѣсту или народу принадлежащихъ, нѣтъ [3]).

---

[1]) Закревскій, 86. «Каменныхъ домовъ очень мало», прибавляетъ по этому поводу Лерхе. «Дома почти всѣ деревянные и съ номерами; названія также находятся на угловыхъ домахъ», замѣчаетъ путешественникъ въ 1787 г. (J. W. Möller, Reise von Wolhynien nach Cherson in Russland, Hamb. 1802; ср. К. Стар. 1895, № 9, стр. 64).

[2]) Матер. изъ арх. Кіев. губ. правл., VIII, 173; ср. II, 13.

[3]) Матер. изъ арх. губерн. правл., V, 158—161. Въ пунктахъ 1754 г., повторенныхъ въ 1767 г., губерн. канцел. высказывается, что въ Кіевѣ «множество есть народа празднаго безъ всякаго

Въ свою очередь, изъ таможенныхъ книгъ за 1762—1785 гг. видно, что вывозъ изъ Малороссіи былъ самый ничтожный, главнымъ образомъ состоящій изъ мѣховъ соленой рыбы, крашенины, шерстяныхъ одѣялъ и поясовъ. Всѣ же мануфактурныя произведенія, англійскія и силезскія сукна, льняныя и шелковыя матеріи и т. п. доставлялись изъ-за границы [1]). Такъ, за 1762 г. по межигородской таможнѣ значилось въ доходѣ 4685 р. съ ввозныхъ пошлинъ и всего 860 р. вывозныхъ. Кіевъ являлся тогда полнымъ отраженіемъ страны въ отношеніи производства. Заводовъ и фабрикъ, за ничтожными исключеніями, не существовало въ немъ [2]). А между тѣмъ онъ не могъ сдѣлаться, подобно горо-

---

дѣла», который заботится о ежедневной пищѣ, не думая о завтрашнемъ днѣ, «ибо фабрикъ никакихъ нѣтъ и работы сыскать негдѣ». При этомъ рекомендовалось заведеніе *суконной* фабрики, для которой съ пользой могла бы идти овечья шерсть; упорядоченіе красильнаго производства и т. п. (К. Стар. 1888, № 5, с. 39—40). При обиліи кожевенъ (22 двора) не существовало выдѣлки кожъ, между тѣмъ какъ въ раскольничьихъ слободахъ было нѣск. кожевенныхъ заводовъ (Матеріалы, VI, 1—9). Предметы первой необходимости получались изъ-заграницы (напр. чиненныя кожи), юфть, свѣчи и мыло шли черезъ Кіевъ изъ Россіи, не говоря о такихъ товарахъ какъ шелковыя ткани и ревень, которые получались изъ Москвы (К. Стар. 1895, № 9, стр. 66), или о такихъ издѣліяхъ какъ оружіе—оно было восточное или западное. О зависимости такого порядка отъ самаго строя тогдашнихъ юго-запад. городовъ см. В. Б. Антоновичъ, „О промышл. Юго.-зап. края въ XVIII стол. (Зап. Ю. З. отд. И. Р. Геогр. общ., I, 179—191).

[1]) Для пріѣзжихъ купцовъ былъ устроенъ на Подолѣ гостиный дворъ, который предоставлялся имъ три раза въ годъ во время ярмарокъ, но они предпочитали останавливаться у мѣстныхъ купцовъ, почему гост. дворъ доставлялъ мало дохода (Матер., I, 137—138).

[2]) Первый и единственный заводъ мѣдныхъ, желѣзныхъ и чугунныхъ издѣлій въ 40-хъ годахъ XIX стол. принадлежалъ братьямъ Дехтеревымъ, переселившимся въ первой четверти этого стол. изъ Калуги (Опис. Кіев. губ., III, 168; Калужскіе купцы Дехтеревы, А. И.

дамъ—лѣваго берега Днѣпра, чисто земледѣльческимъ поселеніемъ: мѣшала почва, песчаная въ большей своей части, не годная для обработки [1]). А потому главнымъ и почти единственнымъ источникомъ существованія и доходовъ города попрежнему является винокуреніе. Фабрикація водки и напитковъ, столь прыбыльная тогда, была, можно сказать, единственною формою производства, существовавшаго въ Кіевѣ. Крещатикъ былъ обращенъ чуть не въ сплошную винокурную слободу. Винокурни были разбросаны вокругъ всего Кіева. На одномъ Подолѣ, въ магистратскихъ шинкахъ выписывалось ежегодно 25—30 тысячъ ведеръ водки, доставлявшихъ доходовъ магистрату до 10000 р. [2]). Понятно отсюда, почему винокуреніе вызывало въ Кіевѣ такую ожесточенную борьбу между мѣщанами и казаками, магистратомъ и монастырями. Послѣдніе не уступали въ этомъ отношеніи другимъ. Печерская лавра, монастыри Софійскій, Михайловскій, Никольскій имѣли свои многочисленныя винокурни и вели эту торговлю на самыхъ широкихъ основаніяхъ [3]). Въ виду массы шинковъ, украшавшихъ тогда

Маркевича, Од. 1892); заводъ сальныхъ свѣчей былъ устроенъ лишь въ 1811 г. на Печерскѣ, купцомъ Ходуновымъ (тамъ же, 159). Кіев. мѣщане не охотно допускали и великорусскихъ прикащиковъ для торговли (Мат., VIII, 161). Ср. Нѣск. дан. о великорус. купеч. въ XVIII стол. и объ отнош. къ нему мѣст. магистрата, А. А. Андріевскаго (Чт. въ Общ. Нест. Л., VI, 171—189).

[1]) Мы знаемъ уже какъ сказывались недостатокъ хлѣба или неурожаи въ Кіевѣ. Ср. данныя о голодѣ въ Кіев. губ. въ 1799 г. съ цифровыми свѣдѣніями о питающихся въ извѣстной долѣ лебедою или одною лебедою и о запрещеніи винокуренія помѣщикамъ, если крестьяне ихъ не будутъ имѣть хлѣба (Матер., изд. Андріевскимъ II, 187—191; VIII, 161).

[2]) Кіев. Ст. 1887, № 8, с. 579. И. В. Лучицкій. Кіевъ въ 1766 г., по описанію малорос. полковъ Румянцова (ibid. 1888, т. XX, 1—74).

[3]) Болѣе важные эпизоды и черты изъ этихъ отношеніи см. въ Матер., III, 1—24; Кіев. Стар. 1886, № 12, стр. 664—708; 1893, № 2, с. 738; 1894, № 10, с. 154—155; 1895, №№ 7—8, с. 14—20; 1897, № 1, с. 137. Цѣны на крѣпкіе напитки (Матер., I, 128, 135;

почти всѣ улицы города, и предмѣстья, понятнымъ становится и смыслъ фразы извѣстнаго уже намъ путешественника Лукьянова о жителяхъ Кіева: «На Подолѣ строеніе узорочное, тщательны, лихоманы и много у нихъ чудотворныхъ иконъ, а письмо иное кажется живопись; сердечная вѣра у нихъ велія къ Богу; и къ нищимъ податливы вельми. Да шинки ихъ въ конецъ разорили, да кабы изъ того у нихъ сильно скаредно; и добрый человѣкъ худымъ будетъ» [1]).

Гетманъ Разумовскій повидимому понималъ это зло и еще въ универсалѣ 6 іюля 1761 г. пытался положить предѣлъ столь широко распространенному, во вредъ хозяйству, обычаю. «Малороссіяне, писалъ онъ, не только пренебрегаютъ земледѣліемъ и

VIII, 214); два док. о монаст. хоз. (Соф. и Выдуб. мон.) въ XVIII ст. (К. Стар. 1893, № 8, с. 719—734); о хоз. хлопотахъ духовенства (1884, № 3, с. 465—470; ср. Матер., VII, 136—156). Духовенство въ своихъ заявленіяхъ въ Екатер. ком. признаетъ, что винокуреніе содѣйствуетъ паденію земледѣлія, но хлопочетъ о разныхъ льготахъ въ свою пользу, а монастыри ходатайствуютъ о правѣ содержать шинки (Сборн. Р. Ист. Общ., XLIII, 440—441, 492—493). О разореніи населенія отъ продажи вина (Кіев. Стар. 1903, № 11, с. 57—58); Къ ист. пьянства въ Малороссіи—два распор. гр. Румянцова-Задунайскаго (1894, № 8, с. 286—288). Купецъ Зябкинъ, содержавшій питейные сборы въ Кіевѣ, Нѣжинѣ и Переяславѣ въ 1775—1779, потерпѣлъ убытокъ отъ незаконно заведенныхъ шинковъ и недоимка съ него была снята въ 1807 г. (Архивъ Государств. Совѣта, III, ч. I, 354—355).

[1]) Въ значительной степени этими привычками населенія объясняется замѣчаніе Екатерины II, во время пребыванія ея въ Кіевѣ: «Здѣсь по улицамъ не безопасно: грабятъ и бьютъ людей. Сказать должно фельдмаршалу (Румянцову), чтобъ приказалъ городничему умножить о семъ бдѣніе» (апр. 11-го 1787 г.). Сборн. Р. И. Общ., XXVII, 407). Ср. любопытное дѣло объ ограблене въ 1780 г. подъ Кіевомъ корон. польск. хорунж. Стан. Потоцкимъ съ реестромъ вещамъ и деньгамъ (орд. гр. Румянцова кіев. об. коменд. Елчанинову, Кіев. Стар. 1903, № 11, стр. 64—66).

скотоводствомъ, отъ которыхъ притекаетъ богатство народное, но еще, вдаваясь въ непомѣрное винокуреніе, часто покупаютъ хлѣбъ по торгамъ дорогою цѣною не для пріобрѣтенія себѣ какихъ-либо выгодъ, а для одного пьянства; истребляя лѣсныя свои угодья и нуждаясь отъ того въ дровахъ, необходимыхъ къ отапливанью ихъ хижинъ. Во избѣжаніе происшедшихъ отъ сего безпорядковъ опредѣляемъ: 1) чтобы винокуреніемъ занимались одни только владѣльцы и казаки, имѣющіе грунты и лѣсныя угодья, кромѣ духовенства, купечества и посполитаго народа; 2) полковникамъ и сотникамъ, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ, лишенія мѣстъ, надзирать за точнымъ исполненіемъ сего; 3) запрещается имѣть винокурни и шинки великороссіянамъ и вообще не тамошнимъ владѣльцамъ, въ особенности купцамъ и крестьянамъ; 4) возбраняется также полковникамъ и полковымъ старшинамъ занимать бѣдныхъ, хотя и имѣющихъ грунты, казаковъ для произведенія подъ ихъ именами винокуренія и шинкарства, но каждому предоставляется производить оныя на своихъ земляхъ и изъ собственнаго имущества» [1]). Легко понять, что подобныя палліативныя мѣры не достигали цѣли. Уже въ 1816 году, во время пребыванія въ Кіевѣ, императоръ Александръ I замѣтилъ: «Винокуреніе привело Малороссію въ совершенное изнеможеніе; она находится въ такомъ положеніи, какъ человѣкъ разслабленный. Но нельзя пенять на помѣщиковъ, что они обратили вниманіе на сію отрасль промышленности, казна даетъ имъ въ семъ примѣръ: главнѣйшій доходъ ея состоитъ въ откупѣ; министръ финансовъ называетъ оный жемчужиною нашихъ доходовъ» [2]).

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Ист. Мал. Россіи, III, 205—206. Ср. какъ исполнялся универсалъ Разумовскаго (К. Ст. 1901, № 11, с. 57—60).

[2]) Дневникъ Михайловскаго-Данилевскаго (Шильдеръ, Императ. Александръ I, т. IV, 66). Необходимо прибавить, что крупные помѣщики и въ великорос. губ. широко пользовались винными откупами. Въ одной жалобѣ к. XVIII стол. сообщается о злоупотребленіяхъ продажей вина въ имѣніяхъ Теплова, Зиновьева, Панина и др. «Графъ такъ опузатѣлъ отъ вина, что ему любо», говорится объ одномъ изъ помѣщиковъ (Р. Стар. 1875 XII, 402—405).

Послѣдствія такого односторонняго развитія города можно видѣть въ оффиціальной вѣдомости о населеніи Кіева, представленной гр. Румянцовымъ импер. Екатеринѣ въ 1785 г. Такъ, въ ней показано: на Подолѣ купеческихъ домовъ 10, мѣщанскихъ 1974, разночинческихъ 89, владѣльческихъ поданныхъ 37; на Печерскѣ: купеческихъ 20, мѣщанскихъ 46, разночинческихъ 315, солдатскихъ 632, владѣльческихъ подданныхъ 172; на Старомъ городѣ купеческихъ домовъ 1, мѣщанскихъ 54, разночинческихъ 222, солдатскихъ 305; всего 3899 домовъ [1]).

Введеніе духовныхъ штатовъ въ Малороссіи (1786), произведшее большой переполохъ въ Кіевѣ [2]), значительно сокращало количество монастырей (на 42), монаховъ и монахинь (на 1000) въ епар-

---

[1]) Аскоченскій, Кіевъ, II, 339. По количеству населенія показано на Подолѣ съ предмѣстьями—6034, въ томъ числѣ купцовъ 334 и мѣщанъ 4566; остальное количество приходилось на польскихъ выходцевъ и иностранцевъ (37), великорос. и малорос. городовъ (51), казен. крестьянъ, отпущен. на волю (26). Въ 1795 г. пришлаго элемента было 875 чел., купцовъ христіан. закона лишь 281, за то появляется статья о евреяхъ (94), какъ вслѣдствіе присоединенія юго-запад. областей, такъ и духа терпимости, почти одновремено заявленнаго въ Австріи (1782) и Россіи (1786). См. Кіев. Стар. 1884, № 2, 352—54; 1901, № 1, с. 74; Матер., II, 13). По даннымъ 1792 г. евреевъ было 73 (польск. 61, бѣлорус. 12); одинъ изъ нихъ былъ надв. совѣт. польской службы (Бен. Шпееръ), пріѣх. для лѣченія и поставки провіантовъ въ Черн. губ., одинъ для продажи винъ оптомъ, одинъ прус. евр. съ зятемъ, содерж. трактиръ, съ 1786 г., еще одинъ, съ 1781 г. (дольше всѣхъ), изъ Богеміи (Полнеръ) и два другихъ, въ качествѣ подрядчиковъ; остальные были ремесленники, поселившіеся съ 1779—80 гг. и только два хозяина-портные съ 1783, изъ Сатанова. По магистр. вѣдом. значилось 4 порт., 1 серебрен., 2 шмукл., 1 сапож., 1 тракт., 1 рѣзч. Всѣ они внесли (кромѣ рѣзч., дѣлав. натурою), 275 р. въ приходъ городу (Матер. I, 154—155). «Жидовъ очень мало» (Вигель, I, 47).

[2]) См. Кіевская пертурбація 1786 г. (К. Стар. 1883, № 4, с. 895—899). Ср. Плачъ кіев. монаховъ. Сатира въ виршахъ, рук. 1792 г. славян. шрифт., Рус. Стар. 1881, XXXII, 435—444.

хіи, вслѣдствіе чего должны были потерпѣть многіе кіевскіе монастыри. Дух. академію предполагалось перевести въ лавру, Глав. нар. училище помѣстить въ Соф. митр. домѣ, мон. Братскій, Межигорскій и Кирилловскій отдать на больницы, госпиталь и помѣщеніе для инвалидовъ. Впрочемъ м. Самуилу, по ходатайству гр. Румянцова, удалось сохранить ихъ на прежнемъ положеніи [1]); только Кирил. мон., по настоянію Потемкина, былъ обращенъ въ инвалидный домъ для престарѣлыхъ и увѣчныхъ воиновъ и, кромѣ того, въ помѣщеніе для богоугодныхъ заведеній и дома умалишенныхъ [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшился, въ интересахъ города, жгучій для него вопросъ о правѣ куренія водки. Въ рескр. на имя гр. Румянцова, дан. 17 апр. 1787 г., указывалось, чтобы деньги на устройство въ Кіевѣ больницы для прилипчивыхъ болѣзней были взяты изъ городскихъ доходовъ, которые должны значительно увеличиться, такъ какъ, за упраздненіемъ монастырскихъ шинковъ, вся вообще винная продажа, находящаяся во всѣхъ частяхъ города, по высоч. повел., отдана въ пользу города [3]). Однако уже 14 авг. 1791 г., по представленію и. д. ген. губ. Кречетникова, послѣдовалъ сенатскій указъ, гласившій, чтобы въ городахъ и на городскихъ и казенныхъ земляхъ винокурни, какъ заведеніе не свойственное городамъ, были уничтожены [4]).

Въ это время Россія утверждала свои завоеванія въ предѣлахъ Новороссійскаго края, къ которому, по многимъ причинамъ, съ такимъ вниманіемъ относилась Екатерина II,—и вотъ являлась мысль о неизбѣжности и даже необходимости перемѣщенія русской столицы изъ Петербурга на югъ—въ древнее ея мѣсто-

---

[1]) Ibid. 1887, № 4, с. 895—99; 1890 № 12, с. 492—93.

[2]) Закревскій, 357; Днев. м. Серафима (К. Стар. 1884, VIII, 431—32). Содѣйствовало тому, вѣроятно, противодѣйствіе, оказанное администраціи консисторіей и монастыремъ въ 1771 г., по случаю помѣщенія чумныхъ больныхъ, за что было Синодомъ наложено взысканіе (К. Ст. 1898, т. LVII, № 6, с. 165—459).

[3]) Матеріалы, I, 133; К. Стар. 1892, № 9, с. 424—25.

[4]) Арх. Госуд. Сов., II, 399.

пребываніе—Кіевъ и даже южнѣе, гдѣ красовался уже своимъ именемъ Екатеринославъ [1]). Но вотъ что отвѣчала Екатерина на эти мечтанія своему постоянному корресподенту, барону Гримму: «Изъ исторіи Россіи видно, писала она, что народы, жившіе на сѣверѣ государства, легко подчиняли себѣ народы, жившіе на югѣ; южные же жители, предоставленные самимъ себѣ, были всегда слабы и не имѣли прочнаго могущества, тогда какъ сѣверъ легко обходился безъ юга или безъ южныхъ странъ. Но, по моему мнѣнію, настоящая столица имперіи еще не найдена и, по всей вѣроятности не мнѣ ее найти. Еслибъ въ шведскую войну меня здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) не было, то потребовалось бы шестьдесятъ тысячъ лишняго войска для противодѣйствія стремительному нападенію шведовъ» [2]). И она радовалась, что «народная ненависть» къ Петербургу уменьшилась [3])...

Еще 10 апрѣля 1786 г. [4]) послѣдовалъ высочайшій указъ, которымъ повелѣвалось при бывшемъ каѳедральномъ Кіевософійскомъ монастырѣ помѣстить Главное народное училище Кіевскаго намѣстничества, заводимое отъ коммиссіи объ установленіи народныхъ училищъ; но въ бытность Екатерины II, предположеніе это было отмѣнено [5]); а открытіе училища состоялось лишь 1 мая 1789 г., одновременно съ училищами, основанными въ другихъ южныхъ губерніяхъ. Зданіе для училища въ Кіевѣ было приготовлено на Подолѣ, какъ наиболѣе населенной и важной по торговлѣ части города. Первыми учителями этого училища были четверо молодыхъ людей, отправленныхъ въ 1788 г. изъ Кіевской академіи въ Петербургъ для приготовленія къ своимъ обязанностямъ въ тамошней учительской семинаріи. Октрытіе училища происходило въ обычной торжественной обстановкѣ, при сте-

---

[1]) Сборн. Рус. Истор. Общ., т. XLIV, 560, 643.

[2]) Сборн. Рус. Ист. Общ., т. XXIII, 648—649.

[3]) Рус. Стар. 1873, VIII, 648.

[4]) Кромѣ духов. школъ въ Кіевѣ упоминается гарнизон. школа въ 1784 г. (Кіевъ, изд. Кіев. ком., 128).

[5]) Аскоченскій, II, 353—354.

ченіи многочисленной публики [1]), съ молебствіемъ, совершеннымъ м. Самуиломъ, причемъ прот. Леванда сказалъ слово «о важности открываемаго училища», а одинъ изъ преподавателей рѣчь «о пользѣ наукъ»; рѣчь была сказана и однимъ изъ учениковъ [2]). Во время торжества изъ магистратскихъ пушекъ произведены были 31 выстрѣлъ. Курсъ былъ пятилѣтній, въ числѣ учащихся находились и дѣвочки, но онѣ заканчивали курсъ двумя низшими классами. Впрочемъ и мальчики не всегда проходили полный курсъ. Полугодичныя испытанія совершались въ присутствіи почетныхъ гостей и публики и также сопровождались рѣчами учителей, учениковъ и ученицъ, а иногда производились физическіе опыты. Содержаніе на училище отпускалось изъ кіевскаго приказа общественнаго призрѣнія, которому на общемъ основаніи были подчинены училища. Основаніе въ Кіевѣ училища встрѣтило полное сочувствіе въ тогдашнемъ обществѣ, что и выразилось тотчасъ же разнообразными пожертвованіями на бѣдныхъ учениковъ и библіотеку. Эти книжныя пожертвованія и покупки легли въ основаніе библіотеки 1-ой гимназіи, такъ какъ библіотека училища цѣликомъ перешла къ ней. Въ такомъ видѣ Кіевское главное народное училище существовало съ 1789—

---

[1]) По донес. губ. Ширкова до 3000. Временно училище было помѣщено въ домѣ, принадл. Ассигн. банку и проданномъ почтамту, а въ 1789 г. переведено въ свой домъ, купленный у ген. Нилуса (на Рожд. ул., въ приходѣ Николая Добраго). Кіевск. Стар. 1900, № 9, стр. 5). Въ помѣщеніе училища (при открытіи) были допущены именитыя лица и родители.

[2]) Училище открывалось для мальчиковъ и дѣвочекъ (поступило первыхъ 58 и вторыхъ 18). См. Откр. въ Кіевѣ Главн. нар. училища, Н. Рыжкова (К. Стар. 1893, № 7, с. 136—138). Повидимому произнесеніе рѣчей, быть можетъ подъ вліяніемъ академіи, вошло въ обычай у кіевлянъ при торжественныхъ встрѣчахъ и въ другихъ случаяхъ; такъ, передъ обѣденнымъ столомъ, предложеннымъ Екатеринѣ II магистратомъ (на 65 персонъ) 11 апрѣля, об. камерг. Шуваловъ представилъ ей купеч. старосту Ефима Митюка, который сказалъ рѣчь отъ купечества (К. Стар. 1893, № 3, с. 413).

1803 г., когда начинается постепенный переходъ его въ гимназію [1]).

Къ царств. Екатерины II относится начало въ Кіевѣ масонства. Это была «Ложа безсмертія», основанная русскими офицерами, но любопытно, что она возникла безъ всякой связи съ петербургскимъ и московскимъ масонствомъ и находилась въ подчиненіи ложи польскаго «Великаго Востока», а попытка основать такую же ложу въ Петербургѣ относится уже къ 1787 г. Въ 1788 г. въ Кіевѣ была основана Еллизеномъ, по эклектической системѣ, ложа «Трехъ колоннъ», но она скоро закрылась [2]).

Въ концѣ XVIII ст. русское общество въ Кіевѣ представлялось чрезвычайно разношерстнымъ. «Кіевъ былъ проѣзжій, пограничный городъ и почти столица Малороссіи; кругомъ его были расположены войска, въ немъ стекались и воинскія чиновныя лица, и украинскія помѣщики по дѣламъ и тяжбамъ, и великороссійскіе набожные дворяне съ семействами для поклоненія святынямъ, и наконецъ просто путешественники, которые для развлеченія посѣщали тогда южную Россію, какъ нынѣ ѣздятъ въ чужіе края». Въ ряду служащихъ лицъ авторъ записокъ (Вигель) называетъ кн. Хованскаго

---

[1]) Ѳ. И. Яновичъ-де-Миріево или народ. училища при Екатеринѣ II, А. Воронова, 93—94; Городскія училища въ царств. имп. Екатерины II, гр. Д. А. Толстого, Спб. 1886; Андріяшевъ, Кіев. главное народное училище (въ Отчетѣ о состояніи 1-й Кіев. гимназіи за 1885—86 г.); Столѣтіе Кіев. 1-й гимн., Садовскаго (Кіев. Стар. 1889, т. XVII); Матер. Арх. кіев. губ. правл., IX, 225; Къ начальной исторіи Кіевскаго народн, учил. 1789—1803, В. Д. (Кіев. Стар., 1900, т. LXXI, № 10, стр. 1—10;—объ учебн. персоналѣ и преподаваніи). Число учащихся колебалось 58—218, а въ числѣ первыхъ преподавателей встрѣчается и имя препод. исторіи, географіи и естествен. наукъ—Макс. Берлинскаго. Кромѣ того преподавались: священная ист., ариѳм., геом., физика, механ., архитектура, рус. и нов. языки, латин. яз., о должностяхъ человѣка и гражданина, рисов. и чистописаніе.

[2]) Лонгиновъ, Новиковъ и москов. мартинисты, стр. 215—216; Пыпинъ, Хронологич. указатель русскихъ ложъ отъ перваго введенія масон. до запрещ. его, 1731—1822, Спб. 1873, стр. 23, 27, 28.

(в.-губ.), жена котораго, урожд. Нарышкина, отличалась привѣтливостью; кн. Дашкова, сына извѣстной Екатерины Романовны, командовавшаго Сибирскимъ полкомъ, но поссорившагося съ матерью изъ-за неравнаго брака; губ. предв. двор. Дем. Дем. Оболонскаго, владѣльца 8000 душъ крестьянъ, державшаго зимою открытый домъ, чтобы «покормить бѣдняковъ», какъ онъ выражался о своихъ пріемахъ; предсѣд. гражд. пал. Ив. Гр. Туманскаго, судившаго по законамъ, «слѣдственно къ неудовольствію половины тяжущихся», но не было ни одного человѣка, который не любилъ бы и не уважалъ его, и др. Въ Кіевъ нерѣдко наѣзжала по своимъ дѣламъ А. В. Браницкая, урожд. Энгельгардтъ, племянница Потемкина, знаменитая своимъ богатствомъ и скупостью. Изъ лицъ нерусскаго происхожденія назовемъ инж. ген. де-Шардона, въ домѣ котораго давались маленькія пьесы и пантомимы, неизвѣстныя еще кіевлянамъ, артил. ген. Нилуса, пастора Граля, семью Бунге... («Почтенный старецъ Г. Ф. Бунге († 1792) живетъ здѣсь уже 36 лѣтъ, говоритъ Мёллеръ (въ 1787 г.»). Кромѣ ботаники, химіи и фармакологіи, онъ занимается еще электричествомъ, приготовленіемъ барометровъ и термометровъ, токарнымъ искусствомъ, а также дѣлаетъ и оттиски медалей. Его комната украшена портретами древнихъ мудрецовъ, а также двумя прекрасными перспективными китайскими картинами на бумагѣ, которыя онъ получилъ въ наслѣдство отъ одного настоятеля базиліанскаго ордена, бывшаго въ Китаѣ. Тщетно я разспрашивалъ, прибавляетъ тотъ же путешественникъ, объ ученыхъ и коллекціяхъ минераловъ или картинъ; но здѣсь все дышетъ Беллоной или слѣдуетъ за Меркуріемъ. За исключеніемъ двухъ токарей, въ Кіевѣ напрасно было бы искать художниковъ». Кромѣ того, Мёллеръ упоминаетъ Еллизена изъ Гойи, губернскаго врача, любителя охоты, и хирурга штаба Бланка, которыхъ хвалили за познанія въ ихъ наукѣ. Изъ нѣсколькихъ сыновей Бунге—Андрей наслѣдовалъ его аптеку [1]); Иванъ основалъ новую, а Христіанъ потомъ служилъ врачемъ при госпиталѣ и учебныхъ заведеніяхъ (духовн. академіи и др.).

---

[1]) Къ Г. Ф. Бунге она перешла отъ вдовы Анны Гуннингеръ, на дочери которой (отъ перваго брака) Ек. Гейтеръ онъ былъ женатъ.

Балы начинались тогда рано (не позже 7 часовъ), на которыхъ можно было видѣть и малороссійскую метелицу, и голубца, и казачка; плясали и порусски и поцыгански, но всегда танцы должны были начинаться польскимъ и оканчиваться алагрекомъ. Вальсовъ еще не знали [1]). Карты составляли необходимую принадлежность этихъ вечеровъ, а въ среднемъ классѣ они доводили часто до разоренія [2]). Комнаты освѣщались довольно плохо, въ богатыхъ домахъ восковыми свѣчами, что тогда считалось роскошью [3]). У одного кн. Дашкова (получившаго образованіе за границей) начинался новый вѣкъ, у него были уже и трубки, и пуншъ, и смѣлое обхожденіе безъ разбора лѣтъ и пола. Жители черниговскихъ уѣздовъ, а еще болѣе новгородъ-сѣверскихъ сохранили или приняли много русскихъ обычаевъ. Жители южной Малороссіи остались почти такими же казаками, какими были они еще при Хмельницкомъ [4]). Богатѣйшіе изъ тогдашнихъ кіевскихъ помѣщиковъ весьма рѣдко покидали свои хутора; съ крестьянами своими, которые лѣтъ 20—30 назадъ были имъ равными, имѣли одинаковые вкусы, обычаи, пищу [5]). Румянцовъ [6]) и Разумовскій имѣли свои дома въ Кіевѣ, но это были хотя и обширные, но деревянные дома. Въ послѣднемъ, дотолѣ необитаемомъ, при Павлѣ жилъ воен. губ.

---

[1]) Воспом. Вигеля, I, 63.

[2]) Воспом. Тимковскаго (Р. Арх. 1874, стр. 1418). «По несчастію эта язва тогда свирѣпствовала. Я самъ видалъ въ Кіевѣ тѣхъ же щеголей, выходящихъ изъ трактиревъ полумертвыми, въ одной рубахѣ и солдатской шинели».

[3]) Роскошь была весьма неразорительна, такъ какъ цѣны на съѣстные припасы были самыя низкія (Вигель, I, 62). Впрочемъ, цѣны часто колебались по случайнымъ причинамъ (неурожай, военныя событія, К. Стар. 1884, т. XI, 431, 434, 435).

) Объ образѣ жизни ихъ, даже въ 1-й четв. XIX ст., не отличавшемся отъ стараго быта, но проникнутомъ уже крѣпостническими порядками (съ указаніемъ лицъ), см. въ дневн. Михайловскаго-Данилевскаго (Рус. Стар. 1900, т. CIV, № 10, с. 212—214).

[5]) Воспоминанія Вигеля, I, 36, 48, 46—76.

[6]) Р. Стар. 1893. № 7, с. 8. Близъ лавры (К. Стар. 1895, № 9, стр. 65; ср. 1904, № 1, 04).

гр. И. П. Салтыковъ. Домъ этотъ висѣлъ надъ стремниной и открывалъ чудные виды за Днѣпръ. Онъ казался волшебнымъ, когда въ лѣтнюю ночь блисталъ огнями, говоритъ Вигель. Въ царскіе дни бывали фейерверки, иллюминаціи, а иногда спускались небольшіе воздушные шары [1]).

Домашнее воспитаніе высшаго класса предоставлялось иностраннымъ гувернерамъ и гувернанткамъ, преимущественно нѣмцамъ. Нѣсколько позже (при Павлѣ) прибылъ въ Кіевъ проф. Граафъ, который не хотѣлъ заводить школы, а устроилъ у себя небольшой пансіонъ [2]). Болѣе широкіе интересы ума удовлетворялись по прежнему академіей [3]). Даже послѣ пожара 1780 г. библіотека ея все еще представляла выдающееся, по выбору, собраніе книгъ. Здѣсь были и древніе классики и сочин. Эразма Роттердамскаго, и математическія произведенія [4]). Для выписки книгъ изъ Москвы находился при академіи коммиссіонеръ, а въ торго-

---

[1]) Вигель, I, 85, 997—98. Легенда о домѣ (Васильчиковъ, 461). Въ 1798 г. наѣзжалъ въ Кіевъ принцъ Конде съ герц. Ангіенскимъ и своей свитой (Вигель, 101).

[2]) Вигель, I, 37, 69, 73, 149.

[3]) О состояніи академіи, личномъ составѣ, преподаваніи и содержаніи учителей въ 1798 г. см. Матер. для ист. Кіев. дух. академіи (К. Стар. 1894, т. LXXXIV, № 4, стр. 6—13). По прежнему она сохраняла общеобразовательный характеръ. Въ ней прибавлено было рисованіе и выражено желаніе ввести опытную физику и возстановить преподаваніе франц. языка, прекращенное въ дух. учебныхъ заведеніяхъ вслѣдствіе бывшихъ во Франціи событій.

[4]) Въ 1780 г. академическая библіотека заключала въ себѣ до 12000 рукописей и печатныхъ книгъ, которыя собирались со времени Петра Могилы, но пожаръ этого года истребилъ ихъ почти безъ остатка, а вновь собранная библіотека (до 4000 т.) отчасти пострадала въ 1811 г. (Макарій, 135—136). «Библіотека хотя не велика, но хороша, говоритъ кн. И. М. Долгоруковъ, составлена изъ книгъ отборныхъ и во вкусѣ словесности, много иностранныхъ сочиненій на разныхъ языкахъ» (Путеш. въ Одессу и Кіевъ 1810 г., Чтен. въ Общ. ист. и древн. рос. 1869, III, 290).

выхъ рядахъ помѣщался и антикварій, скупавшій и продававшій старыя и рѣдкія книги. Но праздниками для насъ были, говоритъ И. Ѳ. Тимковскій, пріѣзды итальянцевъ изъ Ломбардіи, всякій годъ весною, на мѣсяцъ, съ большою лавкою латинскихъ и французскихъ книгъ, эстамповъ и учебнаго снадобья; а какъ рисованіе было почти общимъ у всѣхъ, то намъ пріятно было въ той же лавкѣ получать образцы и матеріалы, а при выборѣ наглядѣться и другихъ новостей... Я весь былъ въ моихъ урокахъ и, по обычаю, съ весны, для оживленія ихъ, часто ходилъ съ товарищами на Крещатицкія горы, нависшія по Днѣпру вдоль Царскаго сада[1]). Тамъ горы, кусты и пригорки наполнены были шумомъ учащихся, а подъ ногами бьетъ священный ключъ свой Геликонъ». Въ размытыхъ же провальяхъ этихъ горъ иногда можно было набрести на кувшинъ съ древними монетами, въ томъ числѣ и кіев. гривнами, а также кольцами и перстнями, которые тутъ же сбывались серебренику и пріѣзжимъ итальянцамъ. Кіевлянинъ не былъ прихотливъ еще на удовольствія. Онъ пробавлялся захожимъ чудакомъ изъ Бѣлоруссіи, одѣтымъ арлекиномъ съ высокою пестро окрашенною жердью и большимъ колокольчикомъ на верху ея, который разсказывалъ народу о постѣ 12 пятницъ въ году,

---

[1]) Ежегодные разливы Днѣпра, причинявшіе вредъ Подолу, побудили въ 1788 г., по случаю голода, чтобы дать работу «вольноприходящимъ», предпринять отводъ Днѣпра, для чего разрывали у лѣваго берега рукавъ его Черторый; а когда обмелѣлъ Днѣпръ, то полагали запереть этотъ рукавъ (Сборн. матер. о Кіевѣ, 167). Постоянные разливы Днѣпра и дурное санитарное состояніе Подола, порождавшія болѣзни, отражались какъ на приростѣ населенія, такъ и на большей смертности сравнительно съ возвышенными частями города. Цифра умершихъ 40—60 лѣтъ значительно превосходитъ среднюю и указываетъ на неблагопріятныя для жизни условія (И. Пантюховъ. Статист. и санит. очерки Кіева, К. 1875, по метрич. книгамъ съ 1781 г.). Только послѣ чумы 1771 г. въ Кіевѣ устроены были отдѣльныя кладбища для каждой части города (Подола, Стар. гор. и Печерска, К. Стар. 1897, № 6, с. 453—59) и еще въ 1766 г. магистратъ не желалъ принимать на свое содержаніе врача (ib. 1903, № 12, стр. 141). О частной аптекѣ на Подолѣ упоминаетъ Гильденштедтъ (1774 г.).

страданія в. муч. Екатерины, дѣянія апостоловъ и т. п., или страннымъ астрологомъ и провѣщателемъ, который занялъ большой домъ въ переулкѣ возлѣ Духовской церкви и ежедневно появлялся на крыльцѣ, выходящемъ на улицу, въ чудныхъ креслахъ, въ парчевомъ стянутомъ платьѣ до колѣнъ, съ перекинутымъ на шеѣ широкимъ зодіакомъ, въ золотой островерхой митрѣ. Когда приходили къ нему любопытные, онъ бралъ плату, смотря по лицу и вопросу, вводилъ въ темную комнату, освѣщаемую семисвѣчникомъ и за обрядами представлялъ свои мистеріи-фокусы, а больше еще, поглядывая на разложенные листы съ знаками, высказывалъ свое искусство въ физіогноміи и хиромантіи. Повидимому онъ былъ венгерецъ. Въ Кіевѣ «провѣщатель» этотъ пробылъ двѣ или три недѣли [1]).

IX.

Въ 1797 г. образовалась Кіевская губернія въ настоящемъ ея составѣ и Кіевъ былъ назначенъ въ ней губернскимъ городомъ [2]); предположеніе объ уничтоженіи Подола, какъ части города, было отмѣнено [3]); а 19 сентября 1798 г. возобновлены прежнія права и привелегіи Кіева и магистратъ былъ возстановленъ въ прежнемъ составѣ и съ прежними названіями членовъ. Права эти въ цар. Александра I еще разъ были подтверждены. Между тѣмъ

---

[1]) Записки И. Ѳ. Тимковскаго (Москвит. 1852, кн. 17-я; Рус. Архивъ 1874, № 6).

[2]) Въ кратковременное царств. Павла I въ Кіевѣ смѣнилось 9 воен. губернаторовъ, а именно: М. Н. Кречетниковъ, гр. И. П. Салтыковъ, А. Г. Розенбергъ, гр. И. В. Гудовичъ (не доѣхавъ, перемѣщенъ въ К.-Подольскъ), кн. П. М. Дашковъ, А. А. Беклешовъ, С. А. Беклешовъ, Повало-Швыйковскій, А. С. Феншъ (Fenchaw).

[3]) Статистич. опис. Кіев. губ., изд. Фундуклеемъ, I, 324.

Съ отмѣною екатеринин. учрежденій, въ Кіевѣ было возстановлено и званіе полиціймейстера (П. С. Зак., № 18829; Сенат. Арх., I, 480).

13 іюля послѣдовало высочайшее повѣленіе «дабы впредь церковныхъ парадовъ не было, предоставляя сіе единственно резиденціи». Тогда кіевляне стали хлопотать объ отмѣнѣ сдѣланнаго распоряженія. Императоръ Павелъ I снизошелъ къ просьбѣ кіевскихъ граждапъ и снова позволилъ отправлять издавна введенную въ Кіевѣ 1-го января и 1-го августа церемонію, т. е. «всѣми цехами при сабляхъ и ружьяхъ съ хоругвями выходить, а почетнымъ гражданамъ въ одинаковомъ одѣяніи на лошадяхъ выѣзжать на р. Днѣпръ при освященіи воды и пальбу производить». Если возстановленіе означенныхъ привелегій кіевлянъ послѣдовало по ходатайству воен.-губ. А. А. Беклешова, пользовавшагося вниманіемъ у импер. Павла, то вѣроятно не послѣднее мѣсто занимало въ данномъ случаѣ и воспоминаніе императора о чрезвычайномъ пріемѣ, оказанномъ ему нѣкогда кіевлянами [1]). Независимо отъ того магистратъ получилъ въ свое вѣдѣніе (по ходатайству Беклешова), вновь учрежденную въ 1798 г., на мѣстѣ остатковъ погорѣвшаго древняго Межигорскаго мон., фабрику фаянсовыхъ издѣлій (образцы ихъ были доставлены еще Екатеринѣ II, въ 1796 г.), отъ успѣшнаго дѣйствія которой ожидали значительнаго дохода [2]); но, въ дѣйствительности, она стоила гораздо большихъ издержекъ, а въ 1810 г. пожаръ истребилъ почти

---

[1]) Кіевское представительство прежняго времени (Кіев. Стар. 1882, т. II); А. А. Беклешовъ, малорос. воен. ген.-губ., кіев. воен. губ. и ген. прокуроръ (тамъ-же, 1890, т. XXVIII). По поводу испрошенія о подтвержденіи городу привилегій отправлена была въ Петербургъ депутація (Матер. изъ арх. Кіев. губ. правл., X, 129).

[2]) Къ ней причислено было 370 д. крестьянъ казен. сел. Петровецъ, 4000 десят. лѣса и 31 дес. земли. По оффиціальнымъ даннымъ (1803 г.) она доведена была тогда «до того совершенства, что приносила весьма значущій доходъ и издѣлія ея недоставало на удовлетвореніе покупщиковъ» (см. Журн. Ком. министровъ. Царств. Александра I, т. II, 75). Однако, кн. Долгоруковъ замѣчаетъ: «я видѣлъ работы тамошнія: можно ихъ назвать лучшими въ Россіи; конечно, далеко еще фаянсъ нашъ отъ иностраннаго: не чистъ въ отдѣлкѣ и не всегда выдерживаетъ горячую воду» (293).

всѣ ея строенія, машины и запасы. Накопившійся долгъ (въ количествѣ 90000 руб. асигн.) былъ возвращенъ городу въ 1822 г., по передачѣ фабрики въ вѣдомство кабинета, а въ 1874 г. она совсѣмъ прекратила свое существованіе и только въ послѣднее время на мѣстѣ фабрики снова устроенъ (вм. мужскаго женскій) монастырь [1]).

До насъ дошла вѣдомость о числѣ домовъ и зданій, бывшихъ въ Кіевѣ въ 1797 г. Не считая лавры, въ ней показано: каменныхъ церквей 26, деревянныхъ 20, монастырей и церк. строеній камен. 29, публичныхъ строеній камен. 18, част. домовъ камен. 12, деревян. 3672, изъ нихъ на Подолѣ 2068, на Старомъ городѣ 506, на Печерскѣ 1098. Въ 1796—1800 г.г. жителей въ Кіевѣ насчитываютъ до 19,000, а нѣкоторые до 30000. Умноженію населенія и распространенію города въ концѣ XVIII стол., какъ полагаютъ, способствовало перенесеніе въ 1797 г. крещенской ярмарки изъ г. Дубно (сюда же переведена она въ 1774 г. изъ Львова, по присоединеніи Галиціи къ Австріи) въ Кіевъ, называемой *контрактами* (такъ какъ при этомъ совершались разныя сдѣлки), на которую стали съѣзжаться, въ количествѣ нѣсколькихъ (до 5) тысячъ, преимущестенно помѣщики, дворяне и купцы, и производить здѣсь обороты на значительныя суммы [2]). Благодаря этимъ съѣздамъ, Кіевъ становится многолюднымъ и шумнымъ городомъ [3]).

---

[1]) Опис. Ків. губ., изд. Фундуклеемъ, III, 187—210; Закревскій, 497—501; Сементовскій, 252.

[2]) Контрактовый домъ (зданіе построено въ 1737 г.) находился на Подолѣ, близъ Покровской церкви, и состоялъ изъ двухъ этажей, нижняго каменнаго и верхняго деревяннаго. Послѣ пожара 1811 г. онъ былъ обращенъ въ ремесленную управу (Закревскій, 390); а послѣ вторичной передѣлки въ 1878 г.—въ женскую гимназію (Сементовскій, 230).

[3]) Опис. Кіевской губерніи, I, 323—26, III, 529—531; Закревскій, 115, 390. Общія свѣдѣнія можно найти въ брош. Henryk'a Ulaszyn'a, Kontrakty Kyowskie. Szkic histor.-obyczajowy 1798—1898. Petersb. 1900, 108 стр. Пять ярмарокъ (3 на Печерскѣ и 2 на Подолѣ), бывшія до того въ Кіевѣ, считались не важными (Гильденштедтъ).

Тѣмъ не менѣе улучшеніе въ матеріальныхъ условіяхъ города не могло такъ скоро измѣнить вкусовъ и понятій жителей древней столицы относительно самыхъ необходимыхъ удобствъ и потребностей. «Нѣтъ домовъ каменныхъ, нѣтъ порядка въ строеніи, нѣтъ регулярности и архитектуры. Улицы не мощены, пески покрываютъ ихъ! восклицаетъ В. В. Измайловъ, одинъ изъ самыхъ горячихъ и ревностныхъ карамзинистовъ, потомъ издатель журналовъ, переводчикъ и авторъ «Сентиментальнаго путешествія въ полуденную Россію» (ч. I, М. 1800; ч.ч. I—IV, М. 1802). «Самый Подолъ, говоритъ онъ, болѣе населенный, нежели другія части города, не имѣетъ совсѣмъ вида города. Деревянныя кровли, низкія хижины [1]) прикрываются церквами и монастыремъ. Улицы такъ узки на Подолѣ, что едва ли двое дрожекъ могутъ разъѣхаться. Сообщеніе между тремя частями города чрезвычайно затруднительно. Кажется, что вы видите три разныя селенія. Я говорю селенія, ибо и весь Кіевъ едва ли заслуживаетъ названія города»,—какъ будто бы авторъ повторяетъ здѣсь отзывы Екатерины II и ея спутниковъ о Кіевѣ, конечно, ничего не подозрѣвая объ ихъ мнѣніяхъ на счетъ этого предмета [2]). Между тѣмъ городское хозяйство въ к. XVIII ст. представляется далеко не въ удовлетворительномъ видѣ. Такъ, ежегодный доходъ города составлялъ 46830 р. (въ 1780-хъ годахъ онъ не превышалъ 15—20000 р.), расходъ въ 1799 г. свыше 138370 р., а въ 1800 г. свыше 140000 р. Главный доходъ опять доставлялъ винный откупъ, которымъ завѣдывалъ магистратъ [3]); далѣе слѣдовали налоги на

---

[1]) Попросту «убогія избы, выстроенныя по украинскому способу изъ плетня снаружи, извнутри облѣпленныя глиной», говоритъ Эренстремъ (Рус. Стар. 1893, т. LXXIX, № 6, с. 9). По словамъ Гильдентштедта почти при каждомъ домѣ были сады съ орѣхомъ и шелковицей, а на Подолѣ и шелковичная плантація, но жители шелководствомъ не занимались.

[2]) Кіевъ въ 1799 г. (Кіев. Стар. 1885, XI, 581—592). Ср. В. Горленко, Южно-русскіе очерки и портреты, К. 1898.

[3]) Постройка новыхъ четырехъ городскихъ питейныхъ домовъ въ 1800 г. обошлась въ 4562 р.

разныя торговыя предпріятія въ городѣ и предмѣстьяхъ, оброчныя статьи, проценты съ капитала, отданнаго въ кредитъ купцамъ и мѣщанамъ (въ 1800 г. въ долгу числилось 68556 р.) [1]). Что же касается расходовъ, то весьма тяжкимъ бременемъ на городѣ лежали военныя повинности въ разныхъ видахъ (въ 1799—16885 р.; въ 1800—до 15000 р.), содержаніе фаянсовой фабрики (въ 1799 г. 23180 р., въ 1800—18240 р.) и конной почты въ городѣ (въ 1799 —9206 р., въ 1800 г.—9683 р.). Изъ другихъ расходовъ заслуживаютъ упоминанія: 1) содержаніе городской богадѣльни для нищихъ обоихъ половъ (2543 и 2030 р.); 2) содержаніе больницъ, народнаго училища и другихъ заведеній (оспеннаго дома), приказа общ. призрѣнія (7000 и 5000); 3) исправленіе по взвозамъ дорогъ и на покупку фашинъ (2628 и 3334); 4) засыпка провала на Печерскѣ (3066 р.); 5) освѣщеніе города фонарями (1105 и 901); 6) исправленіе пожарныхъ инструментовъ (1320 и 939 р.); 7) жалованье городскому архитектору, его помощнику и ученику (544 и 744 р.) и т. п. Представленныя смѣты вызвали въ свое время рядъ замѣчаній со стороны казенной палаты и ген.-губернатора (Фенша), а вопросъ объ отягощеніи города военными повинностями восходилъ къ генералъ-прокурору (Беклешову) и разрѣшенъ былъ до извѣстной степени въ благопріятномъ для жителей смыслѣ [2]).

Съ открытіемъ въ 1782 г. намѣстничества въ Кіевѣ и причисленіемъ къ его губерніи почти всей южн. Полтавской и части Черниговской губ., составъ служебной администраціи въ губернскихъ учрежденіяхъ, начиная съ высшихъ должностей и кончая

---

[1]) Городъ же состоялъ въ долгу купцамъ Котляревскому и Долинному 37 т. р.

[2]) Магистратское хозяйство въ Кіевѣ въ 1799 и 1800 г. (Матер. изъ арх. Кіев. губ. правл., X, 101—149). Въ числѣ другихъ статей городской смѣты упоминается расходъ по содержанію городскихъ музыкантовъ, «магистратскихъ башенныхъ и комнатныхъ часовъ» и «артиллеріи». По представленію же Беклешова отпущено было (въ 1799 г.) 12956 р. на починку пришедшаго «въ ветхость» дворца въ Кіевѣ (Сенат. Архивъ, I, 545).

канцеляріями, наполнился почти всецѣло лицами изъ лѣвобережной Украины. Съ 1797 г., по отдѣленіи лѣвобережныхъ уѣздовъ, число русскихъ чиновниковъ и малороссійскихъ дворянъ начало уменьшатся и въ такой же степени увеличивалось количество служащихъ польскаго происхожденія [1]). Въ цар. Павла, какъ извѣстно, послѣдовало облегченіе въ употребленіи польскаго языка въ судопроизводствѣ юго-западныхъ губерній [2]), что̀ еще болѣе укрѣпило положеніе служебнаго персонала польскаго происхожденія въ означенномъ краѣ. Теперь въ Кіевѣ сдѣлались постоянными жителями или посѣтителями гр. Ржевускій, Чацкій, Грохольскій, Дульскій, Олизаръ и мн. другіе, люди отмѣнно вѣжливые, хорошаго тона, остатки лучшаго варшавскаго общества, говоритъ Вигель. Нужно ли повторять здѣсь, прибавляетъ онъ, что въ нихъ не было замѣтно и тѣни недоброжелательства къ Россіи; они предпочитали ее Австріи и Пруссіи, гдѣ ихъ обирали и гнули въ дугу, и даже, какъ умѣли, говорили они порусски. Въ числѣ женщинъ выдавались княгиня Яблоновская, связанная родствомъ со многими польскими домами, владѣтельница Стѣблева, бившая въ глаза своими выѣздами и титулами, подробно перечисленными на огромной визитной панкартѣ, и кн. Шуйская, влад. Ясногородки; а въ числѣ молодежи блистали двѣ Залѣскихъ, Гурковская, Росцишевская и др. [3]). Поляки хорошо уживались и съ администраціей, а къ воен.-губ. Беклешову даже благоволили, несмотря на то, что онъ нисколько не поступался своими требованіями [4]). Требованіе имп. Павла относительно одежды, хотя и поздно, распространилось въ Кіевѣ и значительно измѣнило физіогномію высшаго общества. Евреи по прежнему оставались жителями

---

[1]) О составѣ кіевскаго общества въ 1782—1797 г., А. Андріевскаго (Кіев. Стар. 1894, № 2).

[2]) П. С. Зак., т. XXIV, стр. 727—733; т. XXV, с. 552—555, причемъ прибавлено, чтобы сношенія главнаго суда съ присутственными мѣстами велись непремѣнно на россійскомъ яз., что̀ подтверждено и въ 1807 г. (т. XXIX, стр. 1026). Подробнѣе скажемъ ниже.

[3]) Воспом. Вигеля, I, 85—88.

[4]) Ibid. 123—124; Mém. de prince Ad. Czartoryski, I, 225—26.

города [1]). Въ 1799 г. представленъ былъ проектъ о способѣ увеличенія дохода съ нихъ «въ Кіевской губ., Подоліи и Волыніи» посредствомъ продажи мяса [2]).

Постояннаго театра въ Кіевѣ еще не было [3]); но въ 1897 г. послѣдовало распоряженіе о сборѣ не только съ постоянно существующихъ, но и съ временныхъ общественныхъ и въ частныхъ домахъ открываемыхъ театровъ въ пользу воспитательнаго дома нѣкотораго взноса. По этому поводу узнаемъ, что въ Малороссійской губ. никакихъ публичныхъ увеселеній и позорищъ не оказалось; а въ Кіевѣ, по донесенію коменд. Вигеля воен. губ. Розенбергу, имѣлись: театръ во флигелѣ государева дворца и «редута» (собраніе) въ городскомъ домѣ на Печерскѣ, «въ которомъ италианецъ представлялъ на стене тень одинъ разъ (sic!) и концертъ игранъ одинъ такъ же разъ». По собраннымъ справкамъ выяснилось что, съ нихъ выручено было (за вычетомъ на освѣщеніе и музыку) 745 р. (театръ далъ 193 р., «редута» 486 р., концертъ 40 р., тѣни—26 р.), изъ которыхъ десятая часть и была взыскана въ пользу Спб. воспит. дома [4]).

---

[1]) При Павлѣ I относительно пребыванія ихъ въ Каменецъ-Подольскѣ было выражено: «Оставить на томъ основаніи, какъ они и въ другихъ городахъ свободное пребываніе имѣютъ» (П. С. Зак., т. XXIV, с. 725). Ср. Арх. Госуд. Совѣта, т. П, 535.

[2]) Архивъ Госуд. Сов., т. П, 534—36.

[3]) Воспом. Вигеля, I, 163.

[4]) Кіев. Стар. 1897, LVI, № 2, стр. 038—39. Напомнимъ здѣсь о сатирическомъ произведеніи офицера Уманскаго стоявшаго съ полкомъ въ Кіевѣ въ к. XVIII в., въ которомъ онъ описываетъ кіевское общество: клубъ и домашнія собранія, мужчинъ и дамъ, русскихъ и поляковъ, разбогатѣвшаго на «шинкахъ» еврея, нѣмцевъ и т. п.

Но во всѣхъ домахъ здѣсь съ тономъ
Испыталъ я самъ не разъ,
Угощаютъ лишь бостономъ
И злословятъ на заказъ...
(К. Стар. 1885, т. XIII, с. 543—551).

X.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ, имп. Александръ I подписалъ жалованную грамоту г. Кіеву, которой подтверждались всѣ его права и преимущества, какими онъ издавна пользовался. «По этому поводу 16 февр. 1802 г, въ 11 час. утра состоялось торжественное шествіе изъ магистрата всѣхъ его чиновниковъ, въ сопровожденіи коменданта (Массе) въ Успенскій соборъ (на Подолѣ), при пушечной пальбѣ, во время котораго по обѣ стороны пути до собора стояли всѣхъ 15 цеховъ мѣщане въ надлежащемъ вооруженіи, съ ихъ начальниками и «корунгвами». Высоч. грамотѣ предшествовали въ народномъ одѣяніи съ обнаженными саблями по три въ рядъ всѣ почетнѣйшіе, такъ наз. *реестровые граждане*. Потомъ несены были штандартъ и золотое магистратское знамя при игранiи градской духовой музыки. Государственная грамота несена была на бархатной съ золотою бахрамою и кистями подушкѣ войтомъ «Именитымъ Гражданиномъ» Георгіемъ Рыбальскимъ и двумя депутатами, Именитымъ Гражданиномъ Сем. Балабухою и Степеннымъ Гражданиномъ, бургом. Петр. Барщевскимъ. Затѣмъ слѣдовалъ комендантъ съ полицейскими чиновниками, а за ними члены магистрата и почетнѣйшее гражданство. Во время литургіи, которую совершалъ митр. Гавріилъ (Бодони [1]), присутствовали воен. губ. А. С. Феншъ [2]), гражд. губ. М. С. Коробьинъ [3]), генералитетъ, важнѣйшіе воинскіе и гражданскіе чиновники. Высоч.

---

[1]) О немъ статьи В. Чеховскаго (Тр. К. Д. академіи 1904).

[2]) Родомъ англичанинъ, вынужденный вслѣдствіе какой-то несчастной исторіи оставить отечество, команд. Елецкимъ, а потомъ Московскимъ полкомъ (Вигель, I, 209—210).

[3]) По Закревскому Коробинъ (809), а по другимъ Коробкинъ (К. Стар. 1900, № 11, с. 92), но Вигель, лично его знавшій, говоритъ: «Коробьинъ (какъ и оффиціально, см. Арх. Госуд. Сов., Ш, ч. I, 1596), старый артиллеристъ, хорошій, добрый и честный человѣкъ, и не безъ состоянія, любилъ приглашать иногда къ себѣ; другіе русскіе чиновники жили всѣ про себя, а въ Кіевѣ, какъ казенномъ городѣ, общество только и поддерживалось служащими лицами». (Воспом., I, 209).

грамота лежала на особомъ для того приготовленномъ столѣ передъ образомъ Спасителя; по окончаніи литургіи говорена была пристойная случаю проповѣдь, а по окончаніи ея читана была среди церкви магистратскимъ писаремъ грамота. Наконецъ, совершено было молебствіе, а во время многолѣтія окроплена была грамота св. водою, послѣ чего производились колокольный звонъ и пушечная пальба. Такимъ же порядкомъ грамота была несена въ магистратъ, для храненія ея вмѣстѣ съ прочими въ особливомъ ковчегѣ. Обѣденный столъ въ тотъ день состоялъ на 112 кувертовъ въ новопостроенномъ контрактовомъ домѣ, по особому приглашенію. При питіи за Выс. здравіе, изъ пушекъ, поставленныхъ противъ означеннаго дома на Андреевской горѣ, учинено было 150 выстрѣловъ, а вечеромъ контрактовый домъ, магистратъ, и Андреевская церковь, были иллюминованы и вообще весь городъ освѣщенъ; передъ домомъ же, гдѣ былъ балъ и ужинъ, поставлены были иллюминованные щиты съ вензелями именъ Ихъ И. Вел. и пристойными прозрачными картинами. Балъ продолжался до 2 ч. по полуночи и за ужиномъ производима была пальба. Подобное же празднество, сопровождаемое балами и иллюминаціей, продолжалось въ теченіе 3-хъ дней, причемъ вольнаго состоянія граждане и другіе городскіе обыватели были приличнымъ образомъ угощены отъ магистрата[1]). Описаніе этого торжества свидѣтельствуетъ объ общей радости гражданъ, которые въ знакъ «вѣрноподданнической благодарности», по общему согласію, собрали сумму въ 10000 р. для постройки, вмѣсто обветшалой новой, на каменномъ фундаментѣ съ надлежащими службами, богадѣльни, «для 100 чел. дряхлыхъ, увѣчныхъ и бѣдныхъ сего города мѣщанъ», и, кромѣ того, опредѣлено было соорудить каменный па-

---

[1]) Такими же торжествами праздновались рожд. у государя дочери Елисаветы, заключеніе мира и т. п. (К. Стар., IX, 432, 457). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ (1814), по словамъ м. Серапіона, былъ данъ 101 пуш. выстрѣлъ, а вечеромъ устроена иллюминація, причемъ на соф. колокольнѣ горѣло 100 плошекъ, а на лаврской—200, „къ великому удовольствію гражданъ“.

мятникъ съ фонтаномъ, на Крещатицкомъ источникѣ, на мѣстѣ бывшаго крещенія сыновей Владиміра св., и учредить тамъ ежегодно «торжественнѣйшій крестный ходъ» 15 іюля, *въ воспоминаніе будущимъ* родамъ нынѣ дарованныхъ сему городу, яко древней столицѣ, монаршихъ милостей» [1]).

Такъ торжествовали и повѣствовали о своемъ празднествѣ граждане Кіева въ оффиціальномъ тогда изданіи—«Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1802 годъ, 30 апрѣля, среда, № 35, стр. 519—520), не предполагая, что это будетъ послѣднее подобное празднество невиннаго чествованія ихъ старинныхъ правъ и привилегій.

Въ цар. импер. Александра I въ Кіевѣ возникаетъ рядъ общественныхъ построекъ и учрежденій, соотвѣтствовавшихъ современнымъ потребностямъ города. Такъ, въ 1805—1809 гг. воздвигнуто было на Печерскѣ трехъ-этажное зданіе (на мѣстѣ нынѣшняго дворцоваго сквера) для присутственныхъ мѣстъ, въ которомъ помѣщались послѣднія до 1850-хъ гг., когда, по случаю войны и постройки крѣпости оно было срыто [2]); въ 1806 г. состоялось открытіе Кирилловскихъ богоугодныхъ заведеній, освященныхъ м. Серапіономъ въ присутствіи магистрата, сопровождавшееся «богатымъ завтракомъ» [3]); въ 1808 г., на Подолѣ устроенъ былъ фонтанъ, извѣстный подъ именемъ Сампсона (раздирающаго челюсти льва), у котораго совершалось водоосвященіе 1-го августа съ особенной церемоніей до 1835 года [4]); въ 1809 г. заложенъ

---

[1]) Кіев. Стар. 1896, т. LIV, № 9, стр. 65—69 (Изъ жизни Кіева въ нач. исход. стол.).

[2]) Кіев. Стар., т. IX, 429—430, 440 (освящ. 14 окт.). «Домъ присутственныхъ мѣстъ великъ, каменный, съ колоннами и строенъ по новѣйшей архитектурѣ» (Путеш. кн. И. М. Долгорукова въ 1810 г., Чтен. въ Общ. исторіи 1869, III, 261).

[3]) «Примѣчанія достоинъ домъ для сумасшедшихъ, гдѣ многія комнаты съ кольцами на стѣнахъ желѣзными» м. Серапіонъ (К. Стар. 1884, IX, 431). Богоуг. заведенія находились въ вѣд. прик. общ. призрѣнія.

[4]) Закревскій, 875—876.

(тамъ же) каменный гостиный дворъ, имѣющій въ длину 50 саж. (съ 52 магазинами), значительно улучшенный въ 1828 г; въ 1809—16 г.г. устроенъ былъ Инвалидный домъ [1]) фельдм. кн. Прозоровскаго на Печерскѣ [2]). Послѣ большого пожара, постигшаго Кіевъ 9-го іюля 1811 г. и истребившаго почти весь Подолъ [3]), отъ котораго пострадали магистратъ [4]), а также монастыри и

---

[1]) На 6 офицеровъ и 24 солдатъ (Варадиновъ, ч. II, кн. I, 112).

[2]) Закревскій, 247. Кіев. Стар. IX, 493—440. Объ устр. инвалид. дома въ Кіевѣ (Арх. Госуд. Сов., III, ч. 1, с. 879). Въ 1809 г. открыта была старая дорога къ Днѣпру, назв. Панкратьевскою (Закревскій, 193, 408, 532), прежде Спасская.

[3]) Въ теченіе 10—15 часовъ превращено было въ пепелъ 1176 домовъ и магистратъ, 11 камен. церквей, 8 деревян., 3 монастыря (Братскій, Петропавловскій и Флоровскій) со множествомъ имущества церковнаго и обывательскаго. О рядѣ пожаровъ, бывшихъ въ 1808—1811 см. современныя записи (Кіев. Стар. 1884, VIII, 690, и записки митр. Серапіона, IX, 443, 446—447, 461); подр. донес. дир. гимн. Мышковскаго (1896, LIV, № 12, с. 72—79); Закревскій, 116—119. Ср. „Тревожные годы. Очеркъ изъ обществ. и политич. жизни г. Кіева и Ю. З. края въ 1811—12 гг.“. (Кіев. Стар. 1891, т. XXXV, 1—21, 170—194). Есть указаніе, что во время пожара 1811 г. пропалъ столъ Кіев. обществен. коммиссіи, въ которомъ хранилось на 600000 руб. ас. векселей. Так. обр., безслѣдно исчезъ первый кіев. банкъ, устроенный въ к. XVIII ст., какъ ссудное учрежденіе, и въ балансѣ Кіев. город. думы до позднѣйшаго времени сохранялся счетъ общественной ком. въ суммѣ ок. 14000 р. (Кіевлян. 1898, № 106).

[4]) Послѣ пожара магистратъ помѣщался временно въ городскомъ домѣ противъ Воскресенской церкви, а въ 1838 г. для него пріобрѣтенъ частный домъ (Наз. Сухоты) «именитаго купца, ктитора церкви Николая Добраго» (Дневн. м. Серапіона, 435), близъ той же церкви, который по перемѣщеніи Думы на Крещатикъ (1878) былъ совершенно перестроенъ (на что городомъ употреблено 120000 р.) и отданъ для помѣщенія 3-ей гимназіи. Въ свое время сообщалось, что оставшійся отъ пожара гербъ арханг. Михаила и старинная серебряная посуда, употреблявшаяся для торжественныхъ пріемовъ, были проданы управленіемъ перваго состава думы, избранной по городскому положенію 1870 г. (Кіевлянинъ 1896, № 93. Къ вопросу объ устройствѣ

академическая библіотека (см. выше), былъ выстроенъ новый контрактовый домъ (составляющій впрочемъ часть ранѣе проектированныхъ большихъ построекъ). Послѣ этого пожара Кіевъ представлялъ весьма жалкій видъ; вскорѣ, однако, было ассигновано правительствомъ 200000 р. на возобновленіе Братскаго и Флоровскаго монастырей, частнымъ же лицамъ выдавались пособія [1]) и собирались пожертвованія, а отечественная война (1812) значительно отдалила и возможное улучшеніе города. Не задолго до этого пожара митр. Платонъ, посѣтившій Кіевъ (1804), писалъ: «Подолъ есть жилище гражданъ кіевскихъ, состоитъ изъ строенія деревяннаго, весьма мало гдѣ каменнаго, невиднаго, тѣснаго и *еще въ порядокъ не приведеннаго*, по низкости мѣста и по тѣснотѣ улицъ по мѣстамъ грязнаго. Нѣсколько отличнѣе строеніемъ каменнымъ ратуша, на башнѣ которыя сдѣланъ ангелъ, который, сказываютъ, ударяетъ копіемъ, означаетъ часы; *но при насъ сего не случалось*» [2]). Нѣсколько раньше механизмъ дѣйствовалъ, но дѣйствіе его Гильденштедтъ описываетъ иначе.

музея въ Кіевѣ; Перестройка зданія бывшаго магистрата, ibid. 1901, № 342). Гербъ, какъ выяснилось потомъ, помѣщенъ былъ надъ входомъ въ церковь Щекавицкаго кладбища (статуя частью вызолочена, частью посеребрена). Что же касается мѣдной статуи Ѳемиды, украшавшей фасадъ зданія магистрата до 1811 г., о которой упоминаетъ Закревскій, то, какъ говорятъ, она хранилась въ м. Ходорковѣ Сквирского у. у мѣстнаго миров. судьи (Кіевлян. 1896, №№ 93, 96, 109 и 110). Кромѣ того, изъ оффиц. показаній видно, что фигура арх. Михаила, статуя Ѳемиды и двугл. орелъ съ изображ. Петра В. на щитѣ въ 1836 г. находились въ домѣ быв. войта Киселевскаго (К. Стар., 1901, № 3, с. 156). Гетманскія регаліи, по нѣк. показаніямъ, также находились въ Кіевѣ (1893, № 12, с. 436).

[1]) Воен. губ. Милорадовичъ ходатайствовалъ о выдачѣ жителямъ въ ссуду на 10 лѣтъ 790000 р., но, вслѣдствіе затрудненія госуд. казначейства, отпущено было 12850 р. безвозвратно (Журн. Комит. мин., I, 244, 317, 417).

[2]) Путеш. въ Кіевъ въ 1804 г., въ прилож. къ соч. И. М. Снегирева „Жизнь митр. Платона“, стр. 40; Свѣдѣнія о его пребываніи въ дневн. м. Серапіона (К. Стар. 1884, IX, 424—426). Встрѣча по-

Между тѣмъ, политическія обстоятельства отвлекли на нѣкоторое время вниманіе правительства отъ Кіева, а опасности грозившія Россіи передъ отечественной войной, вызвали новыя мѣры по усиленію и расширенію кіевскихъ укрѣпленій [1]). Такъ, въ 1810 г. къ югу отъ Печерской крѣпости основана была Звѣринецкая крѣпость [2]); въ 1812 г. прибыли въ Кіевъ военные инженеры, которые устроили рвы и валы надъ самыми пещерами для помѣщенія батарей, и хотя, по ходатайству митрополита (черезъ Аракчеева), работы были ограничены, а вскорѣ затѣмъ

четнаго гостя происходила за Днѣпромъ, гдѣ уже существовалъ „трактиръ", а переѣздъ на кіевскую сторону совершился на паромѣ (ibid., 424). Подобный способъ переправы объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что понтонный мостъ, находившійся не вдали отъ пещеръ, былъ поврежденъ, какъ случилось и передъ пріѣздомъ Екатерины II (1889, № 5, с. 388; 1900, № 9, с. 66). Перевозы на Днѣпрѣ находились въ рукахъ лавры, Выдубецкаго мон., магистрата и казны и доставляли значительный доходъ, отчего и происходили постоянные споры между ихъ владѣльцами (К. Стар., 1882, № 11, с. 268; 1897, №№ 7—8, стр. 26—33). При отъѣздѣ м. Платона ему поднесены были лавр. братіей книги, образа, 16 арш. малиноваго бархата и два погребца, одинъ съ водкой старою сахарною о 8 штофахъ, а другой въ 12 бут. венгерскаго. Такіе же подарки дѣлались и м. Серапіону: такъ, могил. еп. Даніилъ, проѣздомъ въ свою епархію, поднесъ м-ту 32 арш. матеріи и 12 бут. венгерскаго. (Дневн., 456). Отъѣзжая изъ Кіева, м. Платонъ прибылъ къ Неводницкой прист., гдѣ сѣлъ въ большую лодку, наз. *дубъ*, и въ сопровожденіи полиціймейстера перевезенъ былъ на другой берегъ Днѣпра (ib., 426).

[1]) Князь И. М. Долгоруковъ (1810) замѣчаетъ: «Крѣпость въ большомъ содержится порядкѣ; видно что въ нее смотритъ попечительное око. Внутри ея, кромѣ лавры, замѣтить можно арсеналъ, онъ окруженъ еще и другими строеніями, какъ-то комендантскимъ домомъ, въ которомъ разведенъ большой садъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ пещерами, и провіантской коммиссіей; но домъ ея не краситъ этой части города» (291).

[2]) Закревскій, 322, 433. Въ городѣ постоянно размѣщены были два полка (Вигель, I, 207; Кіев. Стар. VIII, 690; IX, 428).

и валы были срыты [1]), но въ то же время возникла мысль о заложеніи на Печерскѣ каменной крѣпости, на случай враждебнаго вторженія съ западной границы. Опасность эта, однако, пока миновала, а вопросъ о постройкѣ крѣпости не возобновляяся до 1830 г. [2]).

Въ этотъ періодъ дважды посѣтилъ Кіевъ (1810, 1817) извѣстный въ свое время писатель и авторъ путешествій по разнымъ провинціямъ Россіи, преимущественно южнымъ, кн. И. М. Долгоруковъ, внукъ злосчастной Нат. Бор. Долгоруковой. Въ 1810 г. онъ писалъ: «Вообще городъ великъ и хорошо устроенъ; онъ имѣетъ 15 верстъ длины и много домовъ со вкусомъ. Безпрестанно надобно всходить или сходить съ горы [3]); до сихъ

---

[1]) Дневн. м. Серапіона (К. Стар. 1884, X, 451—58). Въ 1812 г. записано: 30 іюня митр., возвращаясь изъ лавры, нашелъ, что крѣпость была уже заперта, и ходили уже на главную гофъ-вахту докладываться въ пропускѣ (451). 14 іюля: съ полов. іюля стали приводить плѣнныхъ французовъ. 15 іюля комендантъ просилъ у м-та позволенія въ пѣвческомъ корпусѣ поставить плѣнныхъ французовъ, коихъ ведутъ 290 чел., да вслѣдъ за симъ будутъ до 400. 29 сент. лекарь Бунге сказывалъ м-ту, аки бы Москва была сдана французамъ на капитуляцію. Наконецъ 3 окт. м-ту удалось получить прямое извѣстіе о Москвѣ (453—54). 20 сент., въ полдень многіе въ Кіевѣ видѣли при солнечномъ сіяніи луну и подъ нею малую звѣзду, «изъ чего разныя дѣлали заключенія» (454) и т. д. рядъ извѣстій о текущихъ событіяхъ.

[2]) Закревскій, 123. Работами этими завѣдывалъ инж. ген. Глуховъ, вѣроятно Ил. Алексѣевичъ, состоявшій при Суворовѣ, по плану котораго взята штурмомъ Прага (ib., IV, 622), оставшійся затѣмъ въ Кіевѣ.

[3]) Отмѣчая посѣщенія церквей на Печерскѣ, Аскольдовой мог. и арсенала м. Платономъ, м. Серапіонъ выражается «ходилъ большею частью пѣшкомъ» (Дневн., 426), а м. Платонъ говоритъ, что «съ горы (Андреевской) на Подолъ по крутизнѣ сходили пѣши» (Пут. въ Кіевъ, 40), такъ трудны были тогда сообщенія. Когда «разбирали старокіевскія крѣпостныя ворота», то Серапіонъ ѣхалъ въ лавру че-

поръ ихъ обрабатываютъ и углаживаютъ. Улицы не мощеныя. Недавно разломаны ворота, такъ наз. Золотыя, какъ и во Владимірѣ, для употребленія матеріаловъ съ большею пользою въ другомъ мѣстѣ. Трактировъ нѣсколько, модныхъ лавокъ болѣе 10, музыкальные магазины и книжныя лавки; одна изъ нихъ съ надписью: «Cabinet de lecture». Дворецъ—строеніе огромное, залы большія и прекрасный садъ; въ немъ живетъ военный губернаторъ и часто даетъ роскошные праздники [1]). Музыка военная, а иногда роговая, почти ежедневно забавляетъ публику въ его саду и онъ всегда наполненъ [2]), а, идучи отъ дворца къ монастырю, отдѣлываютъ бульваръ и деревья при насъ садили [3]). Ремесленниковъ въ городѣ очень много; все нужное есть; на каждомъ домѣ вывѣски три, четыре, разнаго мастерства: жить здѣсь въ свободѣ пріятно, я очень этому вѣрю; но, по обязанностямъ службы, думаю, что очень тягостно, потому что губернія наполнена вся-

---

резъ нѣмецкое кладбище (Дневн., 444), которое находилось тогда въ концѣ Крещатика близъ нын. бульвара (Закревскій, 385).

1) Рѣчь идетъ о М. А. Милорадовичѣ. Нѣсколько позже во дворцѣ жилъ нач. 4-го корпуса Раевскій, который также славился своими пріемами (кн. Долгоруковъ, Пут. 1817, с. 112—113, 117, 119; Зап. Миславскаго, 690).

2) Для отдохновенія сдѣлана въ саду большая галерея, изъ которой виденъ Днѣпръ съ разными излучинами и Подолъ—прелесть всѣхъ видовъ кіевскихъ. Садъ содержится не совсѣмъ въ хорошомъ состояніи, есть оранжерея, а музыка и пѣсенники безпрестанно готовы къ услугамъ гуляющихъ (291), прибавляетъ кн. Долгоруковъ. Оркестръ роговой музыки принадлежалъ кн. Лобанову, который, женясь на дочери гр. Безбородка, жилъ въ Кіевѣ и давалъ (1817) зимою праздники народу (121).

3) Это, конечно, были «Липки», лучшая улица, назв. такъ по аллеѣ великолѣпныхъ липъ въ ея срединѣ (К. Стар., 1882, IV, 615). Сады въ Кіевѣ содержались вообще дурно (Гольденштедтъ) и фрукты были дороги (Долгоруковъ). Однимъ изъ первыхъ хорошо устроилъ фруктовый садъ Хр. Бунге, большой любитель садоводства, пріобрѣвъ усадьбу въ 1818 г. въ Липкахъ.

кимъ народомъ; въ ней поляки, малороссы и россіяне; разность правъ, нравовъ и обычаевъ каждаго изъ нихъ наносятъ служащимъ большія хлопоты и затрудненія. На Подолѣ выгорѣли ряды и строятся новые; между тѣмъ купцы торгуютъ по домамъ [1]). Тутъ рынки, торги, лавки, магазины. Ничто такъ не удивляетъ, какъ магазинъ Губарева, у котораго вы найдете все, что можетъ обворожить самаго равнодушнаго къ прелестямъ роскоши скупца; все выписное: стекло, фарфоръ, бронзы; о мелочахъ уже и говорить нечего: сюрпризы, какихъ лучше нѣтъ и въ Москвѣ; все это завелось здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ сюда перенесены контракты [2]). Это очень возвысило красоту города и воспособило его отстройкѣ. Домъ для контрактовъ выстроенъ превеликій на Подолѣ... Всѣ знаютъ, что такое контракты. Они начинаются въ январѣ и продолжаются недѣли три. Въ эту бѣшеную пору всѣ магазины, лавки опустошаются, все распродаютъ. Поляки наѣзжаютъ кучами отвсюду для своихъ продажъ, размѣновъ, арендъ и откуповъ [3]). Изъ кармановъ ихъ сыплются кучи золота, и я видѣлъ такіе дома, которые даютъ невѣроятный доходъ хозяину [4]), напр. домъ Сперанскаго занимается уже нѣсколько лѣтъ сряду во время контрактовъ граф. Потоцкой, которая за двѣ недѣли найма платила до 4000 р., а домъ деревянный и далекъ отъ того, чтобы

---

[1]) Это былъ пожаръ 21 нояб. 1808 г., начавшійся въ лавкахъ, у самой Успенской церкви, отъ котораго сильно пострадала послѣдняя («такъ, что жалостно смотрѣть») и «до 300 разныхъ лавокъ сгорѣло» (Днев. м. Серапіона, 437).

[2]) По словамъ автора пут., въ немъ было на нѣсколько сотъ тысячъ товара. Другой магазинъ,—галантерейный, соперничавшій съ московскими,—Маслакова (Пут. 1817, с. 108).

[3]) Во время контрактовъ заняла уже видное мѣсто хлѣбная торговля (Журн. Комит. мин. II, 211—112).

[4]) Посѣтившій въ 1806 г. Кіевъ путешественникъ Гунъ, упоминая о контрактахъ, сравниваетъ ихъ съ одной изъ знаменитѣйшихъ ярмарокъ въ Европѣ—лейпцигской, получившей начало за три столѣтія до кіевскихъ контрактовъ. (К. Стар. 1893, № 2, (251). Ему нравится мостовая изъ брусьевъ, «по которой ѣздить пріятно», а также онъ хвалитъ бѣлый хлѣбъ и варенье.

быть обширнымъ [1]). Вотъ крупныя черты города. Кіевъ старъ, но древность его не такъ видна, не такъ осязательна, какъ новгородская, тамъ столѣтія на всякомъ церковномъ зданіи, на всякомъ шпицѣ колокольни явственно изображены и свидѣтельствуютъ долговременность города; здѣсь все что-то новое, больше моды, меньше старины. Такое отсутствіе большой древности авторъ видитъ и въ церквахъ: Софійскому собору онъ отдаетъ преимущество передъ лаврой [2]), и, будучи человѣкомъ вполнѣ религіознымъ, дѣлаетъ, однако, не лишенные интереса замѣчанія въ бытовомъ отношеніи. Заведенія приказа общ. призрѣнія разсѣяны на нѣсколькихъ верстахъ вокругъ города. Я не ѣздилъ ихъ смотрѣть, потому что они не имѣютъ тамъ большой славы» [3]). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же путешественникъ замѣчаетъ: «не совѣтую никому ѣздить смотрѣть Кіева ни въ Успенскій постъ [4]), ни въ контракты. Въ первое время тьма богомольцевъ и суеты набожныхъ посѣтителей, въ послѣднее—толпа поляковъ и роскошные праздники не дадутъ времени ни о чемъ подумать, все въ развлеченіи: и монахъ, и міряне, всѣмъ недосугъ» [5]).

---

[1]) Дѣлая визиты, она надѣвала брилліантовъ на милліонъ рублей (К. Стар., т. IX, 427).

[2]) Подобный же взглядъ на церковныя древности высказываетъ и м. Платонъ (Путеш. въ Кіевъ, 28—42).

[3]) Чтен. въ Общ. ист, 1869, стр. 259—302).

[4]) Около Усп. дня въ Кіевѣ, говоритъ кн. Долгоруковъ, всѣ норки набиты народу, а наемъ домовъ порядочныхъ отмѣнно дорогъ (Пут. 1817 г., 107).

[5]) Путеш. 1817 г. (ibid. 1870, II, 125). Къ этому онъ присоединяетъ, что «для осмотра полезныхъ заведеній надобна протекція; а у кого нѣтъ ни знакомыхъ въ городѣ, ни покровительства, тотъ можетъ сто разъ пріѣхать въ Кіевъ, и меньше будетъ его знать, нежели англичанинъ, шведъ, нѣмецъ, который привезетъ отъ министра письма и для котораго всегда дверь растворяется настежъ. Жаль, что это такъ затруднительно въ нашемъ государствѣ; разсужденіе мое о семъ основано на собственномъ опытѣ; присоедините къ этому еще и образъ жизни россіянъ... Всякой требуетъ визита и поклона, по-

Въ 1812 г. утвержденъ былъ планъ для Подола, распланировано опустошенное мѣсто, обозначены кварталы и улицы, а спустя пять лѣтъ тотъ же путешественникъ, замѣчаетъ: «Вся эта часть опять устроена и пожаръ способствовалъ ея украшенію. Улицы разбиты гораздо правильнѣе, дома построены въ порядкѣ и по хорошимъ рисункамъ; вездѣ промежутки наблюдены въ пристойной мѣрѣ. Нѣтъ прежней тѣсноты, которой опасность доказана была столь пагубнымъ опытомъ». Но авторъ съ упрекомъ относится къ магистрату и купцамъ, которые не хотѣли удовлетворить требованіе «начальства» относительно починки Андреевской церкви (она принадлежитъ дворцовому вѣдомству, а казна денегъ не даетъ) и въ этомъ спорѣ проходятъ годы, а зданіе примѣтнымъ образомъ разрушается и скоро на развалинахъ старинныхъ будутъ указывать развалины нашего времени, если казна не придетъ на помощь» [1]).

Само собою понятно, что упорядоченіе Печерска и постройка присутственныхъ мѣстъ въ этой части города, содѣйствовали умноженію частныхъ домовъ въ ней (графа Безбородка, кн. Прозоровской, Ипсиланти, быв. Вигеля, «прекрасный домъ», Оболонскаго, гр. Самойлова, Бѣгичева, ген. Бухгольца, Корта (зятя Массе [2]), увеличенію населенія [3]), развитію торговгли [4]) и воз-

---

томъ станутъ васъ посѣщать. Куча незнакомыхъ сдѣлаются пріятелями, но на пользу ни отъ одного не жди ни шага, ни слова, былъ бы соблюденъ этикетъ, а время убито» (124).

[1]) Чтен. въ Общ. ист. 1870, II, 106—107. О ней см. Данныя архива св. Синода о кіев. цер. св. ап. Андрея первозв., К. Здравомыслова, со снимк. 1809 г. (К. Стар. 1897, № 4, с. 1—12); зам. по пов. брош. А. М. Кіев. храмъ св. ап. Андрея первозв., К. 1898 (ib. 1898, № 10, стр. 31—32, Н. М.).

[2]) Долгоруковъ, Пут. 1810 г., 299, 301; Пут. 1817, с. 117; Зап. книж. гражд. Миславскаго (К. Стар. 1884, VIII, 690; Днев. м. Серапіона (ib., IX, 447); зап. Сем. Сулимы (1882, IV, 621).

[3]) Послѣ пожара 1811 г. Подолъ по числу домовъ уменьшился почти въ 5 разъ, зато значительно распространились Старый городъ и Печерскъ (Фундуклей, I, 327), которые начинаютъ преобладать.

[4]) Въ февр. (16) 1824 на Печерскѣ сгорѣли всѣ (деревянныя) лавки (Записи Миславскаго, 691).

никновенію новыхъ потребностей въ означенной части города [1]). Не смотря однако, на эти существенныя перемѣны, городъ мало улучшился въ смыслѣ благоустройства. Въ Кіевѣ царила тогда ужасная пыль лѣтомъ и бездонная грязь осенью и весной, не исключая и лучшей части города,—Липокъ; а какъ тогда, кромѣ рабочаго люда, никто еще не ходилъ пѣшкомъ, а ѣздилъ, какъ могъ, то улицы «матери всѣхъ городовъ русскихъ» и днемъ не были безопасны отъ множества собакъ... Тогда въ Кіевѣ часто вспыхивали пожары, выгорѣлъ весь Подолъ (1811), на перекресткахъ ходили часовые «ратники», въ предохраненіе отъ поджоговъ, въ которыхъ въ народѣ подозрѣвали «жидівъ и ляхівъ» [2]). И тотъ же наблюдатель, возвратившись въ Кіевъ спустя (съ 1817) нѣсколько лѣтъ (1824), пишетъ: «Кіевъ почти въ такомъ же положеніи, какъ я его оставилъ, прибыло нѣсколько новыхъ каменныхъ домовъ и убыло лачужекъ. Подъ великолѣпными липами устроили нѣчто въ родѣ бульвара, но все та же пыль по улицамъ и все тѣ же искони враждующія между собою партіи монтекки и капулетти, грязныхъ жидовъ и тощихъ псовъ. Изрѣдка несущаяся четверня барина съ визгливымъ форейторомъ или цугъ

---

[1]) Въ 1817 г. здѣсь былъ уже книжный магазинъ (Долгоруковъ, 117).

[2]) Былъ пожаръ во дворцѣ у воен. губ.—сгорѣлъ правый корпусъ; погорѣлъ митр. садъ на Кудрявцѣ; горѣли большія дома въ Липкахъ и на Печерскѣ, аптека, домъ войта Рыбальскаго и др., Выдубецкій мон.; у митр-та кареты на конюшнѣ вытаскивали. «Весь городъ наполненъ горячимъ дымомъ, такъ что дышать было трудно и вдали мало что было видно, страху много причинено, ходили слухи объ угрозахъ, говорили, что 8 чел. подозрительныхъ отосланы въ Петербургъ, а 6 содержатся здѣсь» (Дневн. Серапіона, 445—448). Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ насчитывали 20 зажигательствъ (К. Стар., VIII, 690), погорѣли люди, и въ крѣпости подымались мосты и никого даже въ церкви не пропускали безъ билета отъ коменданта. По поводу пожара было схвачено нѣсколько поляковъ, евреевъ, а также французовъ (К. Стар. 1896, т. LV, № 12, с. 73—74; 1891, т. XXXV, №№ 11 и 12).

съ бичемъ яснаго пана, обращали на себя вниманіе воюющихъ партій, изъ которыхъ дѣти Израиля, остановясь торопливо, подъ палящимъ солнцемъ, трясли свои мѣховыя шапки, чтобъ не завязли въ нихъ ермолки, и униженно кланялись, а собаки, съ воплемъ отчаянія, бросались за лошадьми» [1]).

Политическія обстоятельства, заставившія сосредоточить значительныя войска на югѣ Россіи [2]), и экономическое оживленіе, вызванное торговыми сдѣлками, въ свою очередь привлекали сюда на болѣе или менѣе продолжительное время окрестныхъ русскихъ помѣщиковъ и дворянъ. То было великое и славное время русскаго представительства въ древней столицѣ русской и во всей древней Кіевщинѣ, пишетъ современникъ. Послѣ заграничныхъ походовъ, въ Кіевѣ жилъ со своей семьей Н. Н. Раевскій, командиръ 4-го корпуса 1-й арміи, штабъ которой находился также здѣсь. Раевскіе были изъ числа богатѣйшихъ помѣщиковъ Кіевской губ. (м. Болтышка). Пышно жили они въ Кіевѣ, какъ и ихъ богатые родственники: графиня Браницкая (м. Бѣлая Церковь), ея братъ Энгельгардтъ (м. Ольшаны), ген. временъ Потемкина, извѣстный силачъ гр. Николай Алдр. Самойловъ (м. Смѣла), Алкивіадъ того времени, его сестра Елена Захаржевская (Жаботинъ), Давыдовы (Грушевка, Каменка), Высоцкій (Золотоноша), Лопухины (м. Шпола), Бороздины, Поджіо и мн. др., какъ Орловы (м. Матусово), Кудашевы, Могилянскій и т. д. Могучъ былъ тогда не только въ Кіевѣ, но и во всей Украинѣ блестящій русскій элементъ» [3])...

---

[1]) Замѣтки стар. кіевлян. (К Стар. 1882, IV, 615—616, 619).

[2]) Быть можетъ это обстоятельство отразилось и на назначеніи въ Кіевъ военныхъ губернаторовъ. Такъ, въ цар. Александра I здѣсь были: А. П. Тормасовъ (1803—1806), М. Л. Голенищевъ-Кутузовъ (1806—1810), М. А. Милорадовичъ 1810—1812). Въ 1812 г. онъ былъ отозванъ для формированія войскъ, а въ 1818 г. назначенъ с.-перб. воен. губ. (О родѣ двор. Милорадовичъ, см. 84). Послѣ него воен. губ. въ Кіевъ не назначали до 1827 г. (ср. Вигель, VI, 70; Закревскій, 895), а управляли имъ губернаторы.

[3]) С. Сулима, Замѣтки стараго кіевлянина (К. Стар. 1884, т. IV, стр. 623, 624).

Во время войнъ первыхъ лѣтъ цар. Александра и 1812 г. въ Кіевѣ появились новыя лица—эмигранты (француз. ген. Пупаръ) и военно-плѣнные. «Трогательное было зрѣлище, говоритъ тотъ же свидѣтель, когда на зимнихъ балахъ вводили на костыляхъ выздоравливающихъ русскихъ офицеровъ и плѣнныхъ французскихъ и саксонскихъ (французовъ приглашали по списку, данному ихъ ген. Раппъ). Начинались танцы, плѣнные весело плясали, и кончались уже къ утру веселымъ ужиномъ... Французскій ген. Раппъ и саксонскій Эргардтъ были вездѣ желанными и пріятными гостями. Эргардтъ рисовалъ, а Раппъ писалъ стишки въ альбомы. Многіе же французы и нѣмцы изъ плѣнныхъ пристроились гувернерами въ разныхъ домахъ [1]).

XI.

Двумя указами Павла I, изданными въ 1797 г., польскимъ дворянамъ въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ предоставлялось право избирать изъ своей среды на сеймикахъ губернскихъ и уѣздныхъ маршаловъ и другихъ чиновниковъ, а также генеральныхъ судей въ главные суды и предсѣдателей въ прочіе суды, причемъ возстановлялось дѣйствіе Литовскаго статута и судопроизводство на польскомъ языкѣ, съ прибавкою, однако, чтобы сношенія главнаго суда съ присутственными мѣстами велись непремѣнно на россійскомъ діалектѣ, что подтверждено было и въ 1807 г. [2]). Съ тѣхъ поръ почти всѣ административныя и судебныя должности въ юго-западныхъ губерніяхъ исключительно были заняты поляками. Общая численность русскаго дворянства въ Кіевской губерніи (въ числѣ которыхъ были: кн. Лопухинъ, гр. Самойловъ, гр. Бобринскій, Трощинскій и др.) вмѣстѣ съ безпомѣстными русскими чиновниками въ 1812 г.

---

[1]) Ibidem, 616, 618, 620.

[2]) П. С. Р. Зак. т. XXV, № 18850, 552—555; т. XXIX, стр. 1026.

простиралась всего лишь до 1170 лицъ, тогда какъ польскихъ дворянъ считалось свыше 43677 чел., изъ которыхъ около 3000 были собственно помѣщики, а остальныя составляли такъ наз. шляхту [1]). Когда въ 1806 г. было объявлено о созывѣ чрезвычайнаго ополченія на защиту отечества, то дворяне Кіевской губ. сформировали десятитысячную земскую милицію, въ составѣ которой находился особый конный отрядъ въ 600 чел., набранный исключительно изъ польскихъ шляхтичей. Главнымъ начальникомъ этого ополченія былъ помѣщикъ Кіевской губ. гр. А. Н. Самойловъ, но званія повѣтовыхъ начальниковъ милиціи, тысячныхъ и далѣе до сотенныхъ командировъ и другія должности польскіе дворяне исключительно распредѣлили между собою. По этому случаю состоялся дворянскій съѣздъ въ Кіевѣ. Кіевскому ополченію не пришлось принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, но милиція продолжала существовать еще нѣкоторое время; однако вскорѣ ее распустили. Замѣчательно также, что, по случаю назначенія кіевскаго воен. губ. Тормасова (1805) командовать выступившими къ границѣ полками, временное управленіе Кіевскою губ. поручено было предсѣдателю гражданской палаты Моршковскому [2]). Губернскими маршалами въ этотъ періодъ состояли: Козловскій [3]), гр. Ад. Ржевускій, Фр. Потоцкій. Изъ повѣтовыхъ

---

[1]) Между тѣмъ въ 1782 г., на запросъ о выборѣ фискала въ Кіевѣ, Малорос. коллегія отвѣчала, что въ этомъ послѣднемъ и его округѣ дворянъ нѣтъ (К. Стар. 1898, № 9, с. 83). Съ 1784—1795 г. въ родосл. книгу дворянъ г. Кіева и его округа внесено было всего 175 лицъ (Стат. опис. Кіев. губ., изд. Фундуклеемъ—трудъ Журавскаго, I, 189—192).

[2]) Дневн. м. Серапіона (К. Стар. 1884, т. IX, стр. 429).

[3]) «Поляки даже семейные, говоритъ Вигель, жили на холостую ногу. Одинъ только изъ нихъ, весьма почтенный человѣкъ, богатый вдовецъ, губ. маршалъ, т. с. Козловскій имѣлъ открытый домъ. Когда судьба отечества его рѣшилась, не прежде, чистосердечно онъ сдѣлался преданъ Россіи и двухъ сыновей своихъ опредѣлилъ въ гвардію (одинъ изъ нихъ командовалъ потомъ Преображенскимъ полкомъ). Онъ, безъ различія, принималъ поляковъ и русскихъ, и какъ съ тѣми, такъ и съ другими обходился вѣжливо и ласково» (Воспом., I, 209).

маршаловъ только въ двухъ уѣздахъ—черкасскомъ и чигиринскомъ были русскіе, въ остальныхъ же всѣ поляки [1]).

Выборы (дворянъ и чиновниковъ), происходившіе въ Кіевѣ, бывали чрезвычайно многочисленны и шумны [2]). «Католики имѣли перевѣсъ не только въ числѣ, но и въ знатности, и въ богатствѣ», замѣчаетъ м. Серапіонъ. Православныхъ депутатовъ владыка называетъ «мелкотравчатыми», а между католиками отмѣчаетъ т. с. Козловскаго и нѣсколькихъ «съ кавалеріями польскими» (въ первый разъ 5, а въ другой до 10 [3]). Дворянство имѣло свои собранія въ собственномъ домѣ (на мѣстѣ нын. конторы государств. банка [4]), на которомъ значилась огромными золотыми буквами надпись: «Dworzańska Kommissja». Представители дворянства обыкновенно употребляли польскій языкъ [5]). Въ 1817 г. состоялась

---

[1]) Кіев. губ.-ръ указывалъ, что въ его губерніи земская полиція состоитъ большею частью изъ мелкопомѣстныхъ и нечиновныхъ польскихъ дворянъ, находящихся въ полной зависимости отъ дворянства, поэтому въ дѣлахъ нѣтъ ни справедливости, ни успѣшнаго теченія (С. М. Середонинъ, Ист. обз. дѣят. Комит. мин., 279).

[2]) Кандидатура Олизара (1821) была принята 400 голосами, т. е. почти всѣми польскими помѣщиками Кіевск. губ. За свои рѣчи онъ имѣлъ непріятности (см. Pamiętniki, 203—208). О политич. характерѣ выборовъ въ Подольск. губ. (1808). Вслѣдствіе безпорядковъ на выборахъ были отмѣнены (1809) довѣренности (Середонинъ, 260—261).

[3]) Дневникъ (Кіев. Стар. 1884, IX, 430—431, 457—460); (К. Стар. 1892, № 11, 198, 200). Православныхъ приводилъ къ присягѣ митрополитъ, а католики приносили присягу въ костелѣ. Съ 1805—1808 губ. марш. состоялъ Козловскій, 1808 по 1811—Ржевускій, 1811 по 1820—Потоцкій. Въ 1808 г., послѣ присяги, м. Серапіонъ принималъ у себя всѣхъ дворянъ. Вслѣдствіе неутвержденія Потоцкаго, испр. должн. маршала (1820—1821) Фр. Моршковскій и Вал. Росцишевскій (Pam. G. Olizara, 130). Съ 1821 г. губ. марш. былъ Олизаръ, отличавшійся наклонностью къ сближенію съ русскими.

[4]) Постройка эта значительной величины состояла тогда изъ двухъ деревянныхъ корпусовъ на каменномъ фундаментѣ (Закревскій, 278).

[5]) Подъ 4 ноября 1809 г. митр. Серапіонъ отмѣтилъ: „Былъ у митрополита гражданскій губернаторъ Панкратьевъ и между прочимъ

закладка костела въ Кіевѣ во имя св. Александра, близъ Михайловскаго монастыря (вмѣсто деревяннаго, построеннаго въ 1799 г. на Печерскѣ и сгорѣвшаго въ 1817 г., при которомъ, какъ и послѣ, служили доминикане), постройка котораго закончена была лишь въ 1838 г.[1]). Съ образованіемъ Варшавскаго

показывалъ табакерку, отъ дворянства кіевскаго ему поднесенную, съ надписью на польскомъ языкѣ бриліантовыми словами: „за добродѣтели и труды отъ шляхты кіевской!“ (стр. 440); а подъ 13 марта 1810 г. онъ же пишетъ: „Скончался гражд. губ. П. П. Панкратьевъ. Погребеніе было въ субботу 19 марта. Въ 9 часу утра митрополитъ поѣхалъ въ домъ скончавшагося для поднятія тѣла... Затѣмъ читана была у самаго гроба на польскомъ языкѣ рѣчь председат. граждан. суда Проскурою. Шествіе продолжалось $2^1/_2$ часа. Въ провожаніи народу была тьма. Едва не весь городъ былъ. И были несены (въ Кирилловскій мон.) отъ шести цеховъ шесть пустыхъ гробовъ (при погребеніи войта Рыбальскаго несли 12 гробовъ; при погребеніи Ипсиланти участвовали 15 цеховъ со своими гробами, см. дневн. м. Серапіона, 455, 458), накрытыхъ покрывалами, шитыми очень богато и хорошо золотомъ по красному бархату“ (441—442). Дворянство Кіевской губ. приняло на свой счетъ содержаніе дѣтей умершаго губернатора. (Тревожные годы въ Кіевѣ 1811—1812, О. И. Левицкаго, Кіев. Стар. 1892, № 11, 196—197). Заслуги его были оцѣнены поляками еще въ рѣчи васильк. марш. Хоецкаго въ собр. дворянъ Кіев. губ. 28 дек. 1806 г. Необходимо замѣтить, что онъ былъ губернат. съ 1806—10 г., когда воен. губ. состоялъ М. И. Кутузовъ, занятый военными дѣлами и не всегда проживавшій въ Кіевѣ (ibid., 189, 198—199). Олизаръ благосклонно отзывается о русскихъ губернаторахъ въ Кіевѣ (Бухаринѣ и Ковалевѣ) и, напротивъ, рѣзко выражается о польской администраціи на Волыни (137, 150, 171—175; ср. Вигель, II, 70). Въ этомъ случаѣ еще заслуживаетъ вниманія рѣчь м. Евгенія въ Соф. соборѣ къ дворянамъ, адресъ къ нему всѣхъ дворянъ и раздача имъ этой рѣчи на польскомъ языкѣ (К. Стар. 1899, № 8, стр. 46).

[1]) Дневникъ Серапіона (462); Закревскій, 455. Сборъ однако продолжался и въ 1842 г., не исключая православныхъ помѣщиковъ (К. Стар. 1897, т. LVII, № 5, с. 68—69). Другой бытописатель, размышляя объ этомъ сборѣ, замѣчаетъ, что гр. Браницкая не дала,

герцогства, а затѣмъ царства Польскаго, настроеніе польскаго общества въ Кіевѣ значительно измѣнилось и вмѣстѣ съ тѣмъ обострились отношенія къ мѣстной администраціи (при ген. губ. Милорадовичѣ и позже). Образованіе народнаго ополченія въ 1812 г. встрѣтило большія затрудненія со стороны польскаго общества. Весьма удобнымъ временемъ для общихъ собраній являлись кіевскіе контракты. Мѣстное дворянство обыкновенно устраивало въ это время свои собранія, выборы; магнаты давали балы и вечера, на которые приглашались мѣстныя власти и представители русскаго общества. Сюда съѣзжались не одни помѣщики юго-западныхъ губерній, но и жители другихъ областей Рѣчи Посполитой. Теперь польская молодежь стала часто отправляться въ Варшаву и тамъ оставалась; много толковали о политикѣ и хотя въ публичныхъ собраніяхъ (на контрактахъ, въ театрѣ) соблюдалась «благопристойность» (по донесеніямъ администраціи), но тишина эта казалась подозрительной. Министръ полиціи требовалъ имѣть строгое наблюденіе за поведеніемъ жителей[1]). Съ своей стороны, администрація (губ. де-Санти) указывала на лицъ, какъ совершенно неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи, хотя безъ явныхъ выраженій, на марш. гр. Потоцкаго, быв. маршала гр. Ржевускаго, звенигор. повѣтоваго марш. Обремскаго, предсѣд. 2 департ. кіев. глав. суда Проскуру и сообщала рядъ сомнительныхъ характеристикъ относительно многихъ другихъ дворянъ, въ томъ числѣ и Ѳад. Чацкаго; но гр. Потоцкій и Чацкій являлись главными виновниками настоящаго возбужденія умовъ и хотя серьезныхъ послѣдствій отъ этого настроенія польскаго общества не произошло, но образованіе ополченія не состоялось[2]).

какъ православная: „Графиня скупа, рада привязкѣ, и не дала ни гроша“ (Долгоруковъ, Пут. 1817, с. 138—139). Ср. еще Воспомин. Олизара (131—138).

[1]) Требованіе это распространялось и вообще на иностранцевъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ высылали за границу (Журналъ Комит. министровъ, I, 488, 687).

[2]) Тревожные годы въ Кіевѣ. Очерки общественной и политич. жизни г. Кіева и Ю.-З. края въ 1811 и 1812 гг., О. И. Левицкаго,

Съ развитіемъ экономической жизни города нѣкоторое вліяніе сталъ пріобрѣтать и другой элементъ, мало проявлявшій пока значеніе,—еврейскій; но кіевскій магистратъ держался прежней точки зрѣнія на этотъ вопросъ. Въ дек. 1809 г. послѣдній обсуждался въ Комитетѣ министровъ, изъ журналовъ котораго видно, что Сенатъ препроводилъ на разсмотрѣніе мин. вн. дѣлъ просьбу магистрата о переселеніи въ другіе города евреевъ, живущихъ въ Кіевѣ, и о воспрещеніи имъ впредь тамъ селиться, приводя въ основаніе своей просьбы, съ одной стороны, прежнія привилегіи, которыми воспрещалось евреямъ записываться, жить и торговать въ Кіевѣ, а, съ другой, происходящія отъ нихъ многочисленныя тяжбы и ссоры. При этомъ по справкѣ оказалось: 1) что евреи начали селиться въ Кіевѣ по общему дозволенію съ 1794 г. и ихъ теперь тамъ 452 души и домовъ собственныхъ 25; 2) что ук. 1797 г. всѣ древнія привелегіи Кіева подтверждены во всей силѣ; 3) что въ 1801 г. выс. повелѣно евреевъ изъ города не переселять; 4) что грамота, въ томъ же году данная Кіеву, подтверждаетъ привилегіи, если онѣ не противны государственнымъ постановленіямъ; 5) что положеніемъ о евреяхъ въ 1804 г. дозволено записываться имъ въ города, коихъ привилегіи тому не противны и тамошній губернаторъ мнѣніемъ своимъ полагаетъ переселить евреевъ только изъ Подольской части города, а оставить ихъ въ Печерской и Софійской. Мин. вн. дѣлъ, по уваженію къ тому, что евреи записывались въ Кіевѣ съ законнаго дозволенія уже болѣе 15 лѣтъ и тамъ основали свои жилища и что по самому положенію о нихъ преимущественно назначены для ихъ жительства города, а не села и деревни, гдѣ они не столько могутъ быть *полезны*, а прекращеніе безпорядковъ зависитъ отъ бдительности мѣстнаго начальства, полагалъ, что не должно выселять сихъ людей изъ Кіева и запрещать имъ записываться въ цехи и гильдіи. Комитетъ мин. опредѣлилъ, согласно съ мнѣніемъ мин. вн. дѣлъ, оставить евреевъ въ Кіевѣ въ на-

---

К. Стар. 1892, т. XXXIX, №№ 11 и 12. При Кутузовѣ Чацкій былъ выселенъ въ Харьковъ (ib. 1893, № 2, с. 343). Многіе изъ означенныхъ данныхъ получены были мѣстной полиціей черезъ евреевъ.

стоящемъ положеніи[1]). Такое разрѣшеніе вопроса несомнѣнно стояло въ связи съ той общей точкой зрѣнія на улучшеніе быта и положенія евреевъ, съ какой онъ разсматривался въ началѣ цар. Александра и если не былъ рѣшенъ тогда, то въ значительной степени по стараніямъ самихъ евреевъ[2]). Нѣсколько раньше (1808) въ Госуд. Совѣтѣ было обращено вниманіе, что, не смотря на частый переводъ мѣдныхъ денегъ въ Кіевъ, замѣчался постоянный ихъ недостатокъ, что́ вліяло на положеніе курса, вслѣдствіе того, что въ Кіевской губ. и во всѣхъ отъ Польши пріобрѣтенныхъ губ. почти всѣ мѣдники евреи и занимаются передѣлываніемъ монеты въ мѣдь, потому что цѣна на нее возвысилась до 30 рублей и болѣе за пудъ; однако открыть это злоупотребленіе не удалось[3]). Въ дневн. м. Серапіона находимъ также любопытную черту изъ кіевскихъ нравовъ. Во время освященія церкви Николая Добраго (13 сент. 1807 г.) «вдругъ сдѣлался на мостовой чрезвычайный крикъ у самой церкви... И крикъ сей учинили жиды, человѣкъ 30; они для послѣдняго дня празднованія кущей ходятъ по улицамъ и поютъ. И были изъ нихъ многіе взяты въ полицію. 20 ноября эти жиды явились къ митрополиту съ просьбою о прощеніи ихъ неумышленнаго проступка»[4]). Въ другой разъ м. Серапіонъ записалъ: «Былъ у митрополита раввинъ жидовскій и просилъ прощенія въ ложномъ доносѣ самому государю, аки-бы дочь его (раввина), будучи выкрадена, была окрещена»[5]).

Въ 1803 г. (начатъ въ 1801, а открытъ 9 сент. 1803 г.) возникаетъ въ Кіевѣ постоянный театръ (деревянный, на мѣстѣ нын. Европейской гост.), не пользовавшійся вначалѣ хорошей

---

[1]) Журн. Комит. мин., I, 412. Подобное же отношеніе къ евреямъ, изъ боязни захвата ими торговли, выражено было въ прошеніи гражданъ Нѣжина обращенномъ къ гр. Салтыкову о запрещеніи евреямъ розничной торговли (К. Стар. 1898, № 6, с. 86—89; 1902, № 7—8, с. 12).

[2]) Богдановичъ, I, 107—109.

[3]) Арх. Госуд. Сов., III, ч. I, 459.

[4]) К. Стар. 1884, IX, 435.

[5]) Ibid., 461. Въ 20-хъ годахъ на Печерскѣ существовалъ уже „еврейскій трактиръ“ (Воспом. Вигеля, VI, 69). Евреи принимаютъ участіе въ откупахъ (Берлинскій, 28).

репутаціей. Кн. Долгоруковъ пишетъ о немъ (въ 1810 г.): «Театръ хотя и есть въ Кіевѣ, и снаружи хорошъ и великъ, но, за недостаткомъ актеровъ, въ немъ игры нѣтъ. На одни только контракты наѣзжаетъ какое-то иноплеменное сборище скомороховъ и что-то представляетъ; роскошь и мотовство болѣе, нежели вкусъ къ театру, его наполняютъ» [1]). Въ акустическомъ отношеніи онъ былъ превосходенъ. Въ немъ было 2 яруса ложъ (32), кресла и партеръ (за креслами, гдѣ стояли), амфитеатръ и галерея, всего на 470 чел. При трудности имѣть постоянно хорошихъ актеровъ, антрепренеры часто мѣнялись. Преимущественно это были содержатели польскихъ труппъ, которыя имѣли мѣсто даже до 60-хъ годовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ давались русскія и малорусскія пьесы. Афиши печатались на русскомъ и польскомъ яз. Одно время здѣсь имѣла представленія малорусская труппа помѣщика Ширая, а въ 1821 содержалъ театръ пріѣхавшій изъ Полтавы, знаменитый впослѣдствіи моск. актеръ М. С. Щепкинъ. Въ этотъ періодъ изъ пьесъ преобладали произведенія романтической школы. Изъ переводныхъ и передѣланныхъ пьесъ встрѣчаются произведенія Шекспира (Гамлетъ, Графъ Эссексъ), Шиллера (Карлъ Моръ), Мольера (Скупой и др.), Расина, Скриба, но особеннымъ вниманіемъ пользовались пьесы Коцебу. Часто давались также оперы, преимущественно «волшебнаго» характера, и особенно часто передѣлка изъ нѣмецкой оперы «Днѣстровская русалка» и Дюваля «Іосифъ въ Египтѣ», но ставились и «Цирюльникъ Севильскій», и «Донъ-Жуанъ или наказанный вольнодумецъ»; а изъ русскихъ «Мельникъ» Аблесимова и «Филаткина свадьба» Княжнина и на малорусскомъ яз. «Украинка или волшебный замокъ». Кромѣ того, ставились въ театрѣ пантомимы, балетъ и интермедіи. Русскія пьесы часто играла польская труппа; а игра актеровъ иногда соединялась съ пѣніемъ и танцами проѣзжихъ артистовъ. Въ 1823 г. между дѣйствіями представленія пѣли артистка львовскаго театра Герлетцъ и пѣвецъ Крулинскій, а польскіе танцоры

---

[1]) Путеш. 1810 г., с. 262. Поэтому нын. Крещатикъ носилъ тогда названіе Театральной улицы (К. Ст. 1892, № 5, с. 199).

и танцорки исполняли русскіе, фрацузскіе и др. танцы. И въ томъ же году давала большой концертъ пѣвица Каталани[1]). Преобладаніе польскаго репертуара объясняется тѣмъ вліяніемъ, какимъ сталъ пользоваться польскій элементъ въ Кіевѣ съ конца XVIII стол., благодаря политическимъ условіямъ края, преобладанію польскаго дворянства въ общественныхъ дѣлахъ и преимущественному участію его въ экономическихъ сдѣлкахъ со времени перенесенія контрактовъ въ Кіевъ. Какъ видно изъ оффиціальнаго донесенія, въ театрѣ тишина не всегда соблюдалась, часто сидѣли въ шапкахъ, а отсутствіе благопристойности бывало иногда причиною, что публика уклонялась отъ посѣщенія представленій[2]). Во время контрактовъ два раза въ недѣлю давались балы въ контрактовомъ домѣ, куда поляки обыкновенно являлись «въ народномъ костюмѣ» и танцовали мазурку въ шапкахъ, причемъ, во время танцевъ, происходили нерѣдко столкновенія между поляками и русскими, оканчивавшіяся часто крупными ссорами. Шалости пріѣхавшей на контракты публики принимали иногда и болѣе крупные размѣры. «Къ счастію, замѣчаетъ Вигель, до поединковъ не доходило. Феншъ, разумѣется, держалъ сторону поляковъ и офицеровъ сажалъ подъ караулъ». На вечерахъ, которые давалъ Феншъ во дворцѣ, гдѣ онъ жилъ, также выдавалась полька Моршковская, урожденная Ворцель[3]). Настроеніе общества, господствовавшее при немъ и нѣсколько позже, значительно измѣнилось при Милорадовичѣ[4]).

---

[1]) Къ ист. польскаго театра въ Кіевѣ, П. Т. (Кіев. Стар. 1890, № 6, стр. 533—540); Н. И. Николаевъ, Драм. театръ въ Кіевѣ (1803—1893), К. 1898, с. 14—18. О труппѣ Ширая (К. Ст. 1901, №№ 7—8, с. 010).

[2]) Кіев. Стар. 1892, № 11, с. 207.

Подобныя же черты нравовъ тогдашней ярморочной и театральной публики см. „Бердичевская ярмарка 1823 г. по воспомин. шляхтича“ (К. Стар. 1893, № 6, стр. 428—458), какъ бывало и позже (1901, №, 3, с. 154).

[3]) Воспомин., I, 210—212.

[4]) К. Стар. 1892, № 11, с. 207. Отношенія его къ предвод. дворянства гр. Ржевускому и гр. Потоцкому крайне обострились (ibid., 197—198; № 12, с. 353—356).

Пріемы у Фенша[1]), имѣли скучный и чопорный характеръ; Кутузовъ часто отсутствовалъ; но нравы дворца измѣнились, когда въ немъ поселился богатый и тароватый представитель власти. Подъ 30 августа 1810 г. м. Серапіонъ записалъ: «По случаю царскихъ имянинъ былъ у воен. губ. М. А. Милорадовича хорошій фейерверкъ съ пушечною пальбою. И народу была тьма до полночи, и былъ балъ и угощеніе веліе всѣмъ»[2]). Въ другой разъ онъ далъ блестящій праздникъ въ честь Мятлевой, ур. Салтыковой, пріѣхавшей изъ Рима, и затѣмъ гр. Безбородко устроилъ чай въ своей, роскошно убранной усадьбѣ, въ Липкахъ[3]).

Въ 1811 г. въ Кіевѣ побывалъ гр. де-Лагардъ, роялистъ, оплакивающій прошлое и предпочитающій Франціи чужіе края въ то время, когда въ ней господствуетъ «узурпаторъ» (Voyage de Moscou à Vienne, P. 1824). Въ Кіевѣ онъ представлялся военному губернатору и познакомился съ поселившимся тамъ господаремъ Молдавіи и Валахіи Ипсиланти. «Озабоченный весь благосостояніемъ своихъ подданныхъ, замѣчаетъ де-Лагардъ, онъ не оставляетъ заботъ о своемъ состояніи, которое громадно». У Милорадовича путешественникъ былъ на великолѣпномъ балѣ. «Сады были иллюминованы до самаго низу горъ и въ чащахъ деревьевъ спрятаны были хоры музыки, которые сообщали этой прекрасной ночи какой-то волшебный колоритъ. За нѣсколько дней передъ

---

[1]) Вигель говоритъ, что «въ военномъ дѣлѣ онъ мало понималъ, а въ гражданскомъ ровно ничего, самая наружность его не вселяла уваженія...; онъ не имѣлъ ни одной оригинальной черты англичанина, отличался самымъ безцвѣтнымъ характеромъ и физіогноміей, не умный и не глупый, не добрый и не злой, не привѣтливый и не грубый. Находили, однако, что онъ имѣетъ нѣкоторую ученость, потому, что хорошо умѣетъ говорить поанглійски и знаетъ, что такое парламентъ, о которомъ немногіе у насъ тогда слыхали. Жена его, Софія Карловна, напоминала собою нянекъ и ключницъ своей націи и пофранцузски англійскимъ нарѣчіемъ говорила очень забавно" (Воспом., I, 210). Польское общество весьма охотно у нихъ собиралось (209).

[2]) Дневникъ (К. Стар. 1884, т. IX, 443—444).

[3]) Подробное описаніе у кн. Долгорукова (299—300).

тѣмъ разосланы были гонцы къ дамамъ, которыя почти всѣ теперь по деревнямъ. Генералъ открылъ балъ съ одной изъ прелестнѣйшихъ особъ, какую я видѣлъ въ жизни, госпожей Давыдовой, рожденной Аглаей де-Грамонъ»[1]). Не менѣе того французъ восхищается и ужиномъ. Въ два часа ночи былъ концертъ, въ которомъ соперничали между собою на віолончели и скрипкѣ Ромбергъ и Лафонъ. Потомъ танцовали до свѣта. Въ 9 час. утра поданъ былъ въ саду завтракъ. Спустя два дня онъ пишетъ: «Ген. Милорадовичъ возилъ меня вчера къ гражд. губ. Панкратьеву. Народу было мало и общество удалилось въ гостиную, установленную цвѣтами, гдѣ рѣшили разсказывать по очереди разныя исторіи. Дамы потребовали, чтобъ исторіи были страшныя, чѣмъ и воспользовался словоохотливый путешественникъ. Здѣсь же, въ Кіевѣ, онъ встрѣтилъ ген. Чаплица, друга принца де-Линя, который разсказалъ ему эпизодъ изъ путешествія Екатерины II въ Крымъ. На пути изъ Кіева онъ взглянулъ на Б. Церковь Браницкой и посѣтилъ Тульчинъ и Умань Потоцкихъ, причемъ сообщаетъ объ образѣ жизни ихъ богатыхъ владѣльцевъ, основанномъ на трудѣ массы крѣпостныхъ, громадныя цифры которыхъ онъ здѣсь и приводитъ[2]).

Изъ другихъ семействъ выдавался пріемами домъ Юл. Конст. Веселицкой, по первому мужу Бѣлухи-Кохановской. Второй мужъ ея былъ послѣднимъ русскимъ посланникомъ при крымскомъ ханѣ... «Домъ ея былъ столь же веселый, какъ названіе ея и она сама. Постоянное ея веселонравіе, приличная ея лѣтамъ шутливость и украинскій ея языкъ дѣлали ее для всѣхъ пріятно-оригинальною; хлѣбосольство ея не знало предѣловъ, за ея столомъ сливались обычаи и нравы, общіе Руси—восточной и западной, великой и малой. У нея обыкновенно гостили ея малороссійскіе родствен-

---

[1]) Говорится о женѣ А. Л. Давыдова, урожд. графинѣ Агл. де-Грамонъ, къ которой позже писалъ Пушкинъ извѣстное стих. „Къ Аглаѣ“ (изд. Литер. фонда, I, 237—238), какъ писалъ и къ дочери ея Адели (281), и къ самому А. Л. (301). Въ 1820 г. Пушкинъ гостилъ у нихъ въ Каменкѣ (VII, 11).

[2]) Кіев. Стар. 1885, т. XIII, № 12, стр. 749—757.

ники: Иваненки, Гудимы, Масюковы и др.; они никуда не выѣзжали, въ ея домѣ видѣли весь Кіевъ, и, пробывъ нѣкоторое время, возвращались восвояси» [1]).

Бывали удовольствія другого рода. Однажды (21 апр. 1807) митрополитъ на переходахъ у себя съ гостями ожидалъ спуска шара изъ дворцоваго сада; но шаръ не полетѣлъ, а спустя мѣсяцъ (21 мая), въ Шулявской рощѣ, принадлежавшей митрополичьему дому, въ присутствіи митрополита, кн. Кутузова, множества дамъ и другихъ людей «шаръ пущалъ цесарецъ». Шаръ поднялся саженей на сто, пролетѣлъ около 10 минутъ и спустился на дорогѣ близъ рощи. Развлекались и болѣе замысловатыми представленіями. Такъ, «въ присутствіи владыки, ректора и префекта акедеміи, знатнѣйшихъ лаврскихъ и домовыхъ старцевъ, въ прихожемъ покоѣ митрополита иностранецъ съ ученою лошадкою и принадлежностями фокусъ-покуса представлялъ разныя штуки». Изъ послѣднихъ всего болѣе удивило то, что въ часы, лежащіе передъ глазами зрителей фокусникъ вкладывалъ карточки, не касаясь часовъ. Въ заключеніе «живыя птички аки бы крѣпость осаждали и палили изъ пушечекъ, и вся крѣпость при пальбѣ зажжена была порохомъ и имѣла видъ аки бы фейерверка». Фокусникъ получилъ отъ митрополита 50 рублей [2]). Представленія эти, конечно, повторялись и въ другихъ кіевскихъ домахъ, а можетъ быть и публично.

Какъ и прежде, игра въ карты занимала большую часть досуга у праздныхъ кіевлянъ; но во время контрактовъ она достигала грандіозныхъ размѣровъ. Все съѣхавшееся общество вело игру на тысячи и на десятки тысячъ... Уѣхать съ контрактовъ было гораздо труднѣе, чѣмъ собраться туда, говоритъ одинъ изъ свидѣтелей этого «бѣшенаго времени». «Можно сказать, прибавляетъ онъ, что Варшава танцовала, Краковъ молился, Львовъ влюблялся, Вильна

---

[1]) Воспом. Вигеля, I, 208—209. Путешественники вообще хвалятъ гостепріимство кіевлянъ (Долгоруковъ, Пут. 1810, с. 300—301; 1817, с. 140—141). Измайловъ выражается: «Въ Кіевѣ болѣе красавицъ, но въ Москвѣ болѣе грацій; москвички милѣе для холоднаго разсудка, а кіевлянки для пламеннаго сердца».

[2]) Дневникъ м. Серапіона (К. Стар. 1884, IX, 433—434, 436).

охотилась, а старый Кіевъ игралъ въ карты и, въ виду этого передъ возрожденіемъ университета, забылъ, что онъ преднареченъ Богомъ и людьми быть столицей всеславянства» [1]).

XII.

Малороссійскіе депутаты въ Екатерининской коммиссіи ходатайствовали объ учрежденіи университета въ Кіевѣ [2]); по вступленіи на престолъ импер. Александра I и учрежденіи новыхъ университетовъ (въ Казани и Харьковѣ), Кіевъ былъ поставленъ на очередь. Въ 1805 г. посѣтилъ Кіевъ гр. П. В. Завадовскій [3]) и велъ рѣчь («аки бы по волѣ государя») съ митр. Серапіономъ о соединеніи академіи съ университетомъ, который предполагалось здѣсь открыть [4]); но не встрѣтилъ сочувствія этому проекту со стороны высшаго духовенства (какъ бывало, впрочемъ, и раньше, напр. при Екатеринѣ II относительно образованія богословскаго факультета [5]). Между тѣмъ, еще въ 1803 г. состоялось отчисленіе

---

[1]) Записки Чайковскаго (Р. Стар. 1895, № 12, стр. 153, 157—158.

[2]) О постепенномъ закрытіи школъ въ Малороссіи въ связи съ екатерин. учрежденіями (К. Стар. 1904, № 1, с. 023; № 7—8, с. 14—17).

[3]) Онъ остановился въ контрактовомъ домѣ (Кіев. Стар. 1884, т. IX, с. 430).

[4]) Эту мысль поддерживалъ и гражд. губ. Панкратьевъ, указывая, что теперь (академія) почти въ „одно только духовное училище превращена“ (Замѣт. о Кіев. акад. въ Чтен. Общ. ист. и древн. 1861, I, 166—172).

[5]) Дневникъ Серапіона (Кіев. Стар., IX, 430). М. Самуилъ (въ 1786), повидимому, былъ сговорчивѣе и склонялся къ совмѣстному помѣщенію академіи и училища въ соф. митр. домѣ; онъ указывалъ даже на возможность заимствованія академіей „ученія въ народныхъ училищахъ преподаваемаго, коему сообразоваться и всѣмъ дух. училищамъ (указаніе на распоряженіе 1785 г.) предписано“; однако, онъ находилъ, что помѣщеніе ихъ на Старомъ городѣ неудобно, который

Кіева и главнаго училища изъ управленія Приказа общественнаго призрѣнія въ вѣдѣніе Виленскаго университета и о назначеніи на содержаніе училища суммы въ размѣрѣ 3736 р. Въ это время попечителемъ Виленскаго учебнаго округа назначенъ былъ кн. Адамъ Чарторыйскій, ректоромъ университета гр. Стройновскій, а визитаторомъ училищъ губерній Кіевской, Волынской и Подольской—Ѳаддей Чацкій. Въ 1804 г. Чацкій въ первый разъ посѣтилъ главное народное училище и внесъ въ книѓу актъ объ этомъ на польскомъ языкѣ. Чацкій высказываетъ въ своей визитѣ неудовольствіе, что учителя не знаютъ попольски, что въ библіотекѣ училища нѣтъ польскихъ книгъ и т. п. [1]). Тогда же началась подготовка училища въ гимназію. Въ это время оно находилось, какъ всякое учрежденіе въ переходный періодъ, почти въ упадкѣ [2]). Но въ 1809 г. состоялось уже назначеніе директоромъ Кіевской гимназіи и училищъ Кіевской губ. Як. Мышковскаго [3]). До 1812 г.

есть мѣсто *пустое*, *безлюдное*, *безводное*, *бездровное* и, по причинѣ горъ, всегда разрушающихся, *непроходимое* (К. Стар. 1900, т. LXXI, № 10, с. 04) и, какъ мы видѣли, при посредствѣ Румянцова, успѣлъ отклонить отъ себя эту опасность. М. Самуилъ выписывалъ для академіи руководства изъ Ком. народ. учил. (Сборн. матер. для ист. просв. въ Россіи, I, 93—97). Представленія губернатора и дир. училища (1789) окончательно утвердили послѣднее за Подоломъ, такъ какъ учащіеся были собственно подольскіе жители.

[1]) Заслуживаетъ вниманія, что даже Кіев. акад. должна была подвергнуться ревизіи Чацкаго и онъ не скрылъ своего недовольства въ письмѣ къ Коллонтаю (изд. ихъ переписка), въ которомъ, упоминая объ этой ревизіи, выражается, что учебное дѣло въ академіи представляется ему «сатирой на умъ человѣческій». (Рус. Вѣст. 1893, № 8, стр. 7).

[2]) Путеш. Долгорукова въ Кіевъ въ 1810 г., 292—93. Онъ говоритъ: „Никто меня не зазвалъ въ нее и я ничего объ ней отъ жителей не слыхалъ. Право я не холодѣю подъ старость къ просвѣщенію, но, видѣвъ нѣсколько училищъ, смѣю спросить тамъ ли оно, гдѣ по стату есть домъ, директоръ и учители?"

[3]) Директорами училища до него состояли: П. И. Симоновскій, Н. Р. Политковскій, И. В. Глейнингъ. Существуетъ мнѣніе (Андріяшевъ, Ѳ. Кудринскій, въ статьѣ Ѳад. Чацкій, К. Стар. 1893, № 2,

гимназія оставалась на прежнемъ мѣстѣ—на Подолѣ, а съ 1812 г. она, по настоянію Чацкаго и по желанію дворянства, собравшаго значительный капиталъ на пользу новаго учрежденія (до 450000 рублей, по 1 р. съ ревизской души) была помѣщена въ Кловскомъ дворцѣ (быв. помѣщеніе губернатора [1]) на Печерскѣ, гдѣ жили тогда польскіе магнаты. Въ 1811 г импер. Александръ утвердилъ грамоту, предоставлявшую гимназіи (названной Вышнею) особыя преимущества, которыя состояли въ расширеніи курса наукъ [2], въ назначеніи преподавателямъ почти двойного оклада

с. 339), что Мышковскій былъ воспитанникъ іез. школъ; но это ошибочно. Въ изд. мин. нар. просв. „Матеріалахъ" (т. I, II, III), помѣщенъ его послужной списокъ, отзывы о его дѣятельности, вѣдомости, имъ составленныя и пр. (см. т. I, по обстоятельному указателю), изъ которыхъ видно, что онъ былъ урожд. Могилевской губ., сынъ священника (изъ дворянъ), учился въ могилев. семин., оттуда посланъ, по вызову, въ учит. семин. въ Петербургъ, затѣмъ состоялъ учителемъ Гл. нар. уч. въ Могилевѣ, директоромъ (съ 1800 г.) училищъ Подольской губ. и, наконецъ, въ Кіевѣ и женатъ былъ на русской. Онъ зналъ польскій яз., какъ урож. Могилевской губ., а намъ сообщали на основаніи архивныхъ данныхъ кіев. I-й гимн., что онъ рѣшался вступать въ борьбу и съ Чацкимъ. Сношенія съ округомъ, дѣлались, однако на польскомъ яз.; но въ дѣлахъ сохранялся и русскій переводъ бумагъ (К. Стар. 1896, № 12, с. 74).

[1]) Переходъ ея въ Кловскій домъ не сразу состоялся. Въ апрѣлѣ 1812 г., вслѣдствіе скопленія раненыхъ въ воен. госпиталѣ (1800 чел.), Кловскій домъ былъ занятъ для больныхъ (250 чел.), а гимназія выведена въ д. гр. Потоцкой, бывшій Сперанскаго (Матер., изд. Мин. нар. просв., III, 719—723).

[2]) Въ составъ его входили: языки латинскій, греческій, фанцузскій, нѣмецкій, русскій и польскій, высшая математика, химія, физика, технологія, архитектура, естественное право, римское, русское право, политическая экономія, коммерція, статистика, естественная исторія, сельское хозяйство, всеобщая литература, русская и польская литература, нравственная философія, логика, психологія и эстетика, а также танцы, фехтованье, музыка, рисованіе. Курсъ преподаванія былъ пятилѣтній. На гимназію изъ казны отпускалось 5050 р.

и предоставленіи окончившимъ курсъ правъ дѣйствительныхъ студентовъ. Желанія жертвователей, «чтобы знатная часть наукъ преподавалась на польскомъ языкѣ», не было, однако, принято. Открытіе гимназіи совершилось 30 янв. 1812 г. при весьма торжественной обстановкѣ, сопровождавшейся везеніемъ высочайшей грамоты въ Печерскую лавру визитаторомъ и членами фундушевой коммиссіи, при участіи губернскаго маршала (гр. Потоцкаго) и повѣтовыхъ маршаловъ, дворянства, чиновъ всѣхъ присутственнымъ мѣстъ, членовъ магистрата, мѣщанскихъ цеховъ со своими хоругвями[1]), мѣстныхъ войскъ и т. п. Подобное же шествіе совершено было и обратно. Въ 3-мъ часу дня послѣдовало самое открытіе (101 выстрѣлъ). Въ рѣчи Чацкаго (на польскомъ языкѣ), сказанной въ примирительномъ духѣ, между прочимъ читаемъ: «Почитайте славу и несчастія даже угасшаго отечества однихъ, уважайте отечество другихъ. Докажите, что въ этомъ общемъ уже государствѣ есть Монархъ, котораго благодѣянія обязываютъ насъ къ благодарности». Вторую рѣчь, еще длиннѣе, говорилъ гр. Ржевускій и третью—маршалъ повѣтовый; наконецъ, порусски дирек.

---

[1]) См. Дневникъ м. Серапіона (Кіев. Стар., IX, 449--450): „передъ гимназіей стояли цехи съ знаменами и городская милиція на коняхъ, и играли въ литавры". Ср. записи Миславскаго (VIII, 690). Въ 1812 г., когда кіевскій гарнизонъ былъ двинутъ на усиленіе арміи, кіевляне сформировали свой корпусъ и содержали караулы въ городѣ и крѣпости (Кіев. Стар. 1882, II, 191).

Въ 1813 г. въ дневникѣ м. Серапіона снова читаемъ: „24 января умеръ войтъ Рыбальскій, старикъ почтенный, всѣми уважаемый и умный. Отпѣвалъ митрополитъ. Церемонія погребенія войта была необычная: 1) въ церкви было около гроба 18 знаменъ; 2) когда гробъ вынесли изъ церкви, передъ гробомъ ѣхало до ста гражданъ въ наилучшемъ уборѣ, на наилучшихъ лошадяхъ, въ малороссійскомъ богатомъ платьѣ; 3) впереди всей процессіи несли 12 гробовъ, покрытыхъ богатыми пеленами, шитыми золотомъ и серебромъ (тамъ же, IX, 455). Погребенъ онъ былъ на Щекавицѣ, гдѣ построена имъ каменная церковь.

Мышковскій[1]). Торжество закончилось «богатымъ обѣдомъ» (въ 7-мъ часу), даннымъ въ гимназическомъ залѣ Чацкимъ, и баломъ у ген.-губернатора, съ иллюминаціей всего города, украшенной (передъ гимназіей) вензелями и миѳологическими картинами. По управленію, гимназія первоначально подчинялась Виленскому университету, съ 1813 г. непосредственно министерству народнаго просвѣщенія, затѣмъ опять Виленскому университету, а съ 1818 г. Харьковскому. Въ виду необходимаго подготовительнаго заведенія для Высшей гимназіи, курсъ кіевскаго уѣзднаго училища былъ расширенъ преподаваніемъ латинскаго и новыхъ языковъ. Число учениковъ гимназіи, постепенно увеличиваясь, не достигало, однако, значительной цифры (1812—48; 1815—63; 1818—98; 1824—112; 1828—119). Въ кіевской гимназіи воспитывались дѣти всѣхъ сословій, съ преобладающимъ, конечно, числомъ сыновей дворянъ и чиновниковъ (на 119—42 двор., 39 дѣтей чиновниковъ, 8 купцовъ, гражданъ—4, мѣщанъ—18, казак.—1, иностранцевъ—1, вольноотпущ.—2, кантонистовъ—2 [2]). Многопредметность преподаванія, при краткости курса, отсутствіе вполнѣ подготовленныхъ преподавателей и соотвѣтственныхъ учебниковъ, должны были неблагопріятно повліять на успѣхи преподаванія: при сравнительно небольшомъ количествѣ учащихся, число учениковъ, оканчивавшихъ курсъ, составляло лишь $^1/_{12}$ всего ихъ состава[3]).

---

[1]) „Вѣроятно въ теченіе своей многовѣковой жизни Кіевъ только разъ оглашался въ вечернее время такимъ патріотическимъ громомъ, какой устроили теперь три польскихъ графа“ (Дневникъ м. Серапіона, Кіев. Стар. IX, 450).

[2]) Поляки предпочитали воспитывать своихъ дѣтей въ тѣхъ училищахъ, въ которыхъ науки проходились на польскомъ языкѣ, какъ напр. въ Умани и Каневѣ и въ частныхъ пансіонахъ (Андріяшевъ, 31—32; Зап. Чайковскаго, Рус. Стар. 1895, № 11, стр. 168—171, о пансіонѣ Вольсея въ Бердичевѣ, гдѣ учились русскіе и поляки совмѣстно). Много данныхъ объ этихъ и др. училищахъ (составъ ихъ и преподаваніе) см. въ Матер., изд. Мин. нар. просв., тт. I—IV.

[3]) Историко-статистич. обозр. 50-лѣтія существ. Кіев. первой гимназіи (1812—62), А. Андріяшева, К. 1862; Кіев. Стар. 1889, т.

Кіевъ сталъ пополняться и другими учебными заведеніями, не смотря на неблагопріятныя условія, въ какія поставлена была средняя школа[1]). Въ сент. 1801 г. былъ открытъ пансіонъ «иностранца» Ивана Броецкаго; въ дек. 1802 пансіонъ отст. франц. капитана Карла Компаньона, а въ мартѣ 1803 г. вдовы Каролины Штуцъ[2]), какъ одновременно съ тѣмъ открываются пансіоны въ другихъ городахъ Кіевской и малороссійскихъ губерніяхъ[3]). Правда, мин. нар. просв. съ самаго начала неблагопріятно смотрѣло на пансіоны, устраиваемые иностранцами и потому тогда же установило правила относительно ихъ содержанія, платы, преподаванія и обязательнаго введенія русскаго языка (съ постепенностію для губерній «присоединенныхъ отъ Польши»), а также и надзора, ввѣреннаго университету и въ такомъ видѣ они просуществовали до 1826 г.[4]). Съ 1806 г. въ Кіевѣ открыто было уѣздное училище[5]), помѣщавшееся вмѣстѣ съ гимназіей и въ Кловскомъ домѣ[6]). Кромѣ того, упоминается нѣсколько приходскихъ

XXVII, 423—429. Въ Дневникѣ Серапіона подъ 14 іюля 1815 г. записано: „Выпускной экзаменъ въ кіев. гимназіи. Новопроизведеннымъ студентамъ выданы были аттестаты, а еще губернаторъ роздалъ имъ шпаги“ (Кіев. Стар., IX, 458). Мышковскій состоялъ директоромъ съ 1809—1820 г.; затѣмъ былъ Г. Петровъ.

[1]) По заявленію производившаго ревизію гимназій Козодовлева, большинство не находило необходимости въ болѣе широкомъ образованіи, а считало совершенно достаточнымъ элементарное знаніе.

[2]) Матер., изд. Мин. нар. просв., I, 453, 498; II, 570.

[3]) Кіев. Стар. 1890, № 9, с. 495—96; 1901, № 6, с. 450—59. Въ Кіевской губ.—въ Умани, Звенигородкѣ, Христиновкѣ.

[4]) Будучи въ Кіевѣ въ 1810 г., кн. Долгоруковъ замѣчаетъ: „Одинъ иностранецъ держитъ *Пансіонъ для благородныхъ дѣвушекъ*, я его не видалъ, и судить достоинства заведенія не могу; а, заѣхавши нечаянно въ обѣденную пору, засталъ барышень за столомъ; хозяева, мужъ и жена, вмѣстѣ съ ними обѣдали, и мнѣ показалось содержаніе сего училища по наружности благопристойнымъ“ (293).

[5]) Матеріалы, 342, 1083.

[6]) Закревскій, 269—270.

училищъ (и на Подолѣ), въ томъ числѣ и для дѣвицъ, которыя также иногда подвергались опасности содержать военный постой [1]).

Въ 1818 г. одинъ русскій журналъ писалъ: «Нынѣ Европа наполняется училищами взаимнаго обученія; они умножаются въ Америкѣ; учителя сей методы находятся въ Корсикѣ. на мыслѣ Доброй Надежды, въ Антигоѣ, Калькутѣ и на Цейлонѣ; другіе отправляются въ Сенегалъ; правительство Гаити также требовало ихъ и получило; одинъ уроженецъ отаитскій перевезъ сію систему изъ Лондона въ Новый Валисъ, и въ сочиненіи, назначенномъ для споспѣшествованія распространенія оной въ обширныхъ областяхъ Россіи, изъявлено желаніе и поданы средства ввести ее между кочующими народами, незнающими еще христіанской религіи, учредить школы въ кибиткакъ и къ обыковенному вьюку верблюда присовокупить еще снаряды кочеваго училища». Дальше авторъ сообщаетъ о методѣ взаимнаго обученія, по поводу книги Іос. Гамеля, о методахъ Белля и Ланкастера, переведенной съ нѣм. языка на французскій [2]). Въ 1819 г. было утверждено «С.Петербургское Общество учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія», въ числѣ первыхъ жертвователей котораго были имп. Марія Ѳедоровна и Елисавета Алексѣевна и «многія почетнѣйшія особы въ Имперіи». Въ Петербургѣ эти

---

[1]) Кіев. Стар. 1896, т. LV, № 12. с. 75. Въ 1814 г. смотритель ихъ Берлинскій жаловался дир. Мышковскому, а послѣдній губернатору, что квартирная экспедиція, вопреки предписанію начальства, не отвела для нихъ требуемыхъ квартиръ, а учительница дѣвич. приход. учил., помѣщавшагося въ домѣ Барскаго, жена тит. сов. Куницкаго заявила, что 22 авг. квартиргеръ коммиссіи, во время самаго ученія, ввелъ на постой проходящихъ донскихъ казаковъ, разогналъ учащихся дѣвицъ и таковымъ неожиданнымъ поступкомъ разрушилъ начавшееся ученіе, приведши страхомъ въ безпорядокъ ученицъ и училище" и пр. Необходимо замѣтить, что губерн. Черепановъ немедленно удовлетворилъ ходатайство директора и потребовалъ къ отвѣту квартиргера (К. Стар. 1897, т. LVII, № 4, стр. 14—15).

[2]) Сынъ Отеч. 1818, № 51 и дал., изъ париж. журнала Arhives philosophiques, politiques et littéraires, Sept. 1818, № 15.

школы были учреждены при училищахъ, находившихся въ ведѣніи имп. Маріи Ѳедоровны, въ гвардейскомъ корпусѣ, которыми завѣдывалъ Гречъ, и особое училище, заведенное обществомъ (на 274 чел.) въ части города, населенной недостаточными людьми, въ которомъ за три года перебывало 815 чел. и лѣчилось 312 дѣтей; далѣе, въ Кронштадтѣ главнымъ командиромъ порта (на 170 мальчиковъ), причемъ замѣчено, что изъ нихъ 150 въ 8 мѣсяцевъ совершенно выучились читать, писать и ариѳметикѣ. Школы устраивались при всѣхъ военно-сиротскихъ отдѣлленіяхъ въ разныхъ городахъ (въ Новгородѣ на 630 чел., въ Херсонѣ на 660 чел. и т. д.) и при всѣхъ баталіонахъ и ротахъ поселяемыхъ войскъ, для которыхъ была высоч. учреждена особая коммиссія, состоявшая подъ вѣдѣніемъ гр. Аракчеева, составившая и издавшая нужныя для того книги, руководства и прочія учебныя пособія. Гречъ издаетъ свои наблюденія о школахъ (Ланкастерскія школы. Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ издателя Сына Отечества, Спб. 1818), и составляетъ «Руководство ко взаимному обученію» (Спб. 1819); а книга Гамеля переводится на русскій языкъ («Описаніе способа взаимнаго обученія по системамъ Белла, Ланкастера и другихъ, въ коемъ изложены начало и успѣхи сего способа въ Англіи, во Франціи и въ другихъ странахъ, правила и порядокъ употребленія онаго въ училищахъ»; и издана департ. госуд. хозяйства (Спб., типогр. воспит. дома, 1820). Высшіе сановники принимаютъ участіе въ этомъ дѣлѣ: первая такая школа (еще въ 1819 г.) была учреждена гр. Н. П. Румянцевымъ въ Гомелѣ, при содѣйствіи извѣстнаго педагога Я. И. Герда [1]); мин. вн. дѣлъ гр. Кочубей устраиваетъ въ своихъ имѣніяхъ въ Малороссіи; С. С. Апраксинъ и А. Н. Соймоновъ—въ Московской губ., а въ Иркутскѣ содѣйствуетъ открытію школы Сперанскій [2]) и, по недостатку помѣщенія, она устраивается въ залахъ ген.-губернаторскаго дома. Въ Перми, Оренбургѣ, Тифлисѣ школы открывались мѣстными гражданами и воен-

---

[1]) Истор. Вѣст. 1887, XXIX, 650—556).

[2]) Остаф. Архивъ, I, 335.

ными властями. Въ Вологдѣ завелъ училищѣ мѣщанинъ Муромцовъ «человѣкъ ограниченнаго состоянія (на 100 мальч. и 30 дѣв.) и самъ занимался обученіемъ». Въ Болховѣ, Одессѣ, Вильнѣ, Виленской и Подольской губ. устраиваются университетомъ, лицами учебнаго вѣдомства, помѣщиками, католическимъ духовенствомъ. Для Подольской губ. таблицы и учебныя пособія составлены были на польскомъ языкѣ; на изданіе таблицъ и прочихъ пособій на молдавскомъ яз., для открываемыхъ училищъ въ Бессарабской обл., имп. Александръ пожаловалъ 6700 р. Въ 1822 г., по ходатайству Венинга, открыто подобное же училище въ Петербургѣ для иностранцевъ, а въ 1823 г., по мысли Сарры Кильгамъ, для женщинъ, преобразованное въ 1862 г. въ училище св. Елены. Изъ тѣхъ же свѣдѣній видно, что въ Кіевѣ существовали школы взаимнаго обученія при 3-й понтонной ротѣ на 160 чел., заведенная полк. Шварценбургомъ, и при военно-сирот. отд. почет. член. Общества ген. майор. М. Ѳ. Орловымъ, на 800 чел., извѣстнымъ устройствомъ подобныхъ школъ въ войскахъ 4 корпуса, находившагося подъ нач. Н. Н. Раевскаго. Орловъ близко интересовался этимъ дѣломъ и старался облегчить способы усвоенія означеннаго метода преподаванія, которые онъ называлъ своею (орловскою) системою и надѣямся даже заслужить себѣ славу [2]). Онъ познакомился съ методомъ взаимнаго обученія во время пребыванія русскихъ войскъ въ Парижѣ, откуда онъ получалъ книги и таблицы, переведенныя на рус. языкъ для корпуса гр. Воронцова и напечатанныя въ крѣп. Мобежъ въ 1817 г., и, кромѣ того, состоялъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Обществомъ взаимнаго обученія въ Парижѣ [3]). По

---

[1]) Выписка изъ отчетовъ Комитета Высоч. утвержд. Сп. общ. учрежд. училищъ по методѣ взаимнаго обученія, читан. въ торж. собр. Общества 15 ян. 1821 и 1 іюня 1822 г. (С. Отеч., 1823, ч. LXXXIV, № 10, стр. 97—107); письмо о составѣ и цѣли Общ. учрежд. уч. взаим. обученія (ib. 1823, LXXXIV, 170—173); тамъ же (за 1818—20 гг.) и другія свѣдѣнія о нихъ.

[2]) Рус. Стар., т. XL, 657; Остаф. Архивъ, I, 456—59.

[3]) Сборн. Р. Ист. Общ., т. LXXVIII, стр. 523—528.

нѣкоторымъ указаніямъ, самое начало способа взаимнаго обученія было положено Орловымъ въ Кіевѣ (1816—1820), а потомъ онъ примѣненъ былъ въ Петербургѣ и въ другихъ губерніяхъ. Въ Кіевъ присылались изъ разныхъ мѣстъ ученики для подготовки въ этомъ дѣлѣ, откуда ихъ разсылали въ Москву, Могилевъ и Херсонъ. Даже послѣ перехода Орлова на службу въ Кишиневъ, гдѣ онъ продолжалъ свое дѣло, ланкастерскія школы въ Кіевѣ (ими завѣдывалъ инж. капит. Прасоловъ) пользовались хорошей репутаціей, учителя отличались ревностью и самое заведеніе было доступно дтя всѣхъ интересовавшихся познакомиться съ нимъ [1]). Съ возникновеніемъ реакціи въ 20-хъ годахъ ланкастерскія школы подверглись заподозриванію и вызвали нападки на нихъ въ высшихъ сферахъ [2]), которыя отразились въ извѣстоній репликѣ старушки Хлёстовой въ комедіи Грибоѣдова [3]). Съ охлажденіемъ главныхъ дѣятелей постепенно онѣ стали закрываться, отчасти по указаннымъ причинамъ, а отчасти по недостатку средствъ, приливъ которыхъ вскорѣ прекратился. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ м. Городищѣ, принадлежавшемъ гр. М. С. Воронцову, ланкастерская школа, основанная имъ для своихъ крестьянъ (на 40 чел.) въ 1820 г., существовала и послѣ 1840 г. [4]). Прибавимъ къ этому, что еще въ к. 50-хъ годовъ Печерское приходское училище называлось ланкастерскимъ [5]).

«Академія видъ имѣетъ хорошій, писалъ м. Платонъ въ 1804 г., своими особливо переходами съ колоннами. Величиною въ два

---

[1]) Въ такомъ смыслѣ написана ок. 1820 л. Записка о Ланк. учил. въ Кіевѣ Ив. Ром. Мартосомъ (К. Стар. 1897, № 6, с. 1—2; №№ 7—8, прилож., 65—69).

[2]) Сборн. Р. Ист. Общ., LXXVIII, стр. 15; Шильдеръ, IV, 210.

[3]) И впрямъ съ ума сойдешь отъ этихъ отъ однихъ
От пансіоновъ, школъ, лицеевъ, какъ бишь ихъ,
Да отъ ланкастерскихъ взаимныхъ обученій.

[4]) К. Стар. 1898, № 12, стр. 80—82.

[5]) Памят. книжка Кіев. губ. на 1858 годъ, сост. ред. Кіев. Губ. Вѣд. Н. Чернышевымъ, К. 1858, стр. 346.

этажа, длиною до 35 саж., съ церковью». Видѣлъ строеніе академіи, говоритъ кн. Долгоруковъ, и нашелъ его прекраснымъ; зала собранія велика въ сравненіи съ прочими, ей подобными, и со вкусомъ расписана... Зала наполнена портретами благотворителей академіи. Надъ ними на хорахъ разставлены грудные списки съ остроумныхъ писателей въ язычествѣ. Вы найдете Цицерона, Саллюстія, Виргилія и пр. Кто располагалъ эту залу, тотъ не былъ суевѣръ. Мнѣ полюбились болѣе прочихъ слѣдующіе замыслы живописца: надъ дверьми философскаго класса изображенъ Фаэтонъ; надъ дверьми богословскаго—Аполлонъ; Фаэтонъ хотѣлъ поревновать солнцу и взялъ его упряжку, но кони его помчали и онъ стремглавъ низвергся на землю; Аполлонъ, напротивъ, прямые лучи Феба отражаетъ на себѣ и лира его плѣняетъ всю вселенную... Академія считаетъ у себя до 1400 учениковъ, изъ нихъ 400 на казенномъ коштѣ» [1]). Дважды средства академіи были увеличины (1797, 1807). По прежнему она должна была высылать своихъ учениковъ по требованію медицинской коллегіи, снабжала ими персоналъ гражданскихъ чиновниковъ въ Ю. З. краѣ, а въ теченіе 1803—1816 г., для составленія контингента учителей, изъ академіи было взято въ Петербургъ 19 студентовъ; но, вообще, со 2-й пол. XVIII стол. академія все болѣе спеціализируется; воспитаніе въ ней становится исключительно религіозно-церковнымъ; число выдающихся учениковъ, вышедшихъ изъ нея, все болѣе уменьшается; а въ 1817 г. она обращена была даже въ семинарію [2]). Уставъ 1819 возстановилъ академію, но какъ училище, предназначенное для богословскаго образованія и приготовленія церковныхъ пастырей [3]). М. Платонъ, посѣщая академію

---

[1]) Путеш. 1810, 289—290. По оффиц. даннымъ тогда было въ ней 1069 дѣтей дух. зв. и 129 разночинцевъ, въ 1814 г. 904 (Серебренниковъ, 202, 216).

[2]) Серебренниковъ, 184—223.

[3]) Макарій, 203—208. Въ 1822 г. на старомъ 2-этажномъ корпусѣ постройки Мазепы возведенъ былъ 3-й этажъ, а въ 1863 и 64 гг. зданіе было вновь перестроено (Закревскій, 171).

въ 1804 г., призналъ все ея значеніе для другихъ училищъ въ предшествовавшій періодъ ея существованія. «Бывъ приглашены въ академію, говоритъ онъ, почтили насъ тамъ привѣтствіемъ на разныхъ языкахъ, прозою и стихами съ инструментальною музыкою [1]). Чѣмъ бывъ обязаны, изъявляли свое обрадованіе, что узрѣли ту Академію, которая столько учеными людьми прославилась, и особливо почли себя одолженными возблагодарить на самомъ томъ мѣстѣ, откуда по большей части были взимаемы учители въ Московскую академію, отъ коихъ и мы имѣли счастіе нѣкоторое получить просвѣщеніе» [2]).

Необходимо замѣтить, что еще съ 1787 г., вслѣдствіе распоряженія м. Самуила о доставленіи дѣтей духовнаго званія въ академію и съ увеличеніемъ свѣтскихъ училищъ [3]), число учащихся въ академіи изъ разночинцевъ значительно падаетъ (въ 1790—232; а дѣтей дух. званія—419; въ 1803—172 и 1015; въ 1811—129 и 1062, изъ нихъ на казенномъ содержаніи—533 [4]), но, со введеніемъ устава 1819 г., когда всѣ студенты переведены были на казенное содержаніе, число ихъ понизи-

---

[1]) Подобныя привѣтствія были обычны въ то время и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ. Въ днев. Серапіона о посѣщеніи академіи мин. нар. просв. Завадовскимъ, читаемъ: «былъ въ академіи, гдѣ выслушалъ на разныхъ языкахъ стихи и рѣчи». По поводу рожденія дочери у имп. Александра въ академіи трудились надъ сочиненіемъ одъ на сей случай (430, 432). Въ ожиданіи пріѣзда вел. кн. Константина Павл., въ 1804 г. митрополитъ поручилъ ректору академіи готовить одну de adventu M. Ducis Const. P. (427).

[2]) Путешествіе въ Кіевъ, с. 41.

Ср. Матеріалы для ист. Кіев. акад. 1800—1802 (о преподаніи, Кіев. Стар. 1904, № 6, стр. 61—68; Н. И. Петровъ, Акты и документы, относ. къ ист. Кіев. акад. отд. II, т. I, (1721—1750), чч. I и II, К. 1904.

[3]) О его дѣятельности см. Ѳ. Рождественскій, Самуилъ Миславскій, митр. кіевскій (съ 70 письмами, напеч. съ рукоп. К. Соф. соб. и Кіев. консист., К. 1877 (тоже въ Труд. К. Д. акад.).

[4]) Макарій, 104, 108.

лось до установленной нормы (120 [1]); а другая часть была отвлечена въ семинарію, основанную въ томъ же году, сначала на мѣстѣ дух. училища у берега Днѣпра, а съ 1832 г. перемѣщенную въ Петропавловскій мон. на Подолѣ же, который былъ занять раньше греческимъ монастыремъ [2]).

Почти одновременно возникаетъ въ Кіевѣ учрежденіе, имѣвшее своею задачею болѣе широкія религіозно-просвѣтительныя цѣли. Мы разумѣемъ «Кіевское отдѣленіе Рос. Библейскаго общества». Открывъ свои дѣйствія (съ 6 дек. 1812) подъ вліяніемъ Великобританскаго общества, подъ покровительствомъ свыше и при содѣйствіи многочисленныхъ членовъ и матеріальныхъ средствъ, Рос. Библ. общество вскорѣ распространило свою дѣятельность почти на всю территорію Россіи и посредствомъ переводовъ свящ. писанія почти на всѣ языки и нарѣчія, имѣвшія мѣсто на ея территоріи, не исключая и заботъ о слѣпыхъ и заключенныхъ въ тюрьмахъ. Благотворительныя цѣли и просвѣщеніе массы посредствомъ тѣхъ же ланкастерскихъ школъ также входили въ дѣятельность Общества [3]). Такимъ образомъ, въ моментъ прекращенія дѣятельности послѣдняго въ 1826 г., вслѣдствіе предшествовавшихъ реакціонныхъ тенденцій и мистическихъ увлеченій [4]), оно располагало имуществомъ до 2-хъ мил. руб. и 289 отдѣленіями и сотовариществами. 11 августа 1817 г. было открыто отдѣленіе Общества въ Кіевѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, при весьма торжественной обстановкѣ. «Изъ лавры, говоритъ, сви-

---

[1]) Закревскій, 171.

[2]) Закревскій, 163, 171, 597—200. О внутренней жизни академіи см. въ перепискѣ ея питомцевъ (Кіев. Стар. 1882, I, 499—519; Ш, 106—136).

[3]) См. статьи А. Н. Пыпина, Рос. Библ. общество (Вѣст. Евр. 1868, №№ 8, 9, 11, 12); И. Чистовичъ, Исторія перевода Библіи на русскій языкъ, Спб. 1873.

[4]) Ср. характеристику дѣятельности кн. А. Н. Голицына, какъ предсѣд. Общества и распространителя ланк. школъ съ одной стороны и столпа мистицизма съ другой, въ біогр. его, сост. П. П. фонъ-Гетцомъ (извлеч. въ Р. Арх. 1902, № 9, стр. 66—107).

дѣтель этого открытія, м. Серапіонъ повелъ всѣхъ въ свою залу, и тамъ, стоя у большаго стола, накрытаго алымъ сукномъ, съ возложенными на немъ духовными регаліями и толстою Библіею, старецъ сей прочелъ всему собранію рукописную своего сочиненія рѣчь, и когда, по выслушаніи ея, всѣ возсѣли около его на свои мѣста, предложилась подписка. Младенцу на зубокъ положили изрядное приданое (митрополитъ подписалъ 1000 р. единовременно и 300 ежегодно [1]). Въ это и слѣд. засѣданіе послѣдовали выборы членовъ и деректоровъ, въ число которыхъ избранъ былъ и лютеранскій пасторъ, отмѣчаетъ митрополитъ въ своемъ дневникѣ [2]). Общество помѣщалось и имѣло засѣданія въ лаврѣ [3]). Недавній «арзамасецъ», человѣкъ съ литературнымъ образованіемъ и связями, такъ горячо относившейся къ возникавшимъ тогда ланкастерскимъ школамъ, М. Ѳ. Орловъ и здѣсь является самымъ вліятельнымъ членомъ. «Лучшее въ Орловѣ, писалъ о немъ А. И. Тургеневъ, есть страсть къ благу отечества. Она сберегаетъ въ немъ душу его благородную и возвышенную» [4]). Онъ мечталъ о возстановленіи стараго масонства, а затѣмъ примкнулъ къ «Союзу благоденствія», въ которомъ состоялъ по 1821 годъ. Какъ членъ «Общества начальнаго образованія въ Парижѣ», въ мартѣ 1818 г. онъ сообщилъ послѣднему изъ Кіева объ опытахъ, сдѣланныхъ имъ здѣсь, благодаря ген. Раевскому подъ нач. котораго онъ служилъ, и просилъ, выслать ему журналъ, посвященный методу взаимнаго обученія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ Библ. общества вице-президентомъ котораго онъ былъ избранъ; а дѣятельность его онъ разсматривалъ «въ смыслѣ либеральнаго учрежденія» и стремился соединить ея съ устройствомъ ланкастерскихъ школъ.

---

[1]) Путеш. въ Кіевъ 1817 г. кн. Долгорукова, 109—110, со скептическими замѣчаніями на счетъ самаго Общества.

[2]) К. Стар. 1884, т. IX, 462.

[3]) Берлинскій, Опис. Кіева, 124.

[4]) Остаф. Арх., I, 297.

[5]) N Tourguéneff, La Russie, I. 160.

Онъ предлагалъ открыть образцовую школу въ Кіевѣ, которая была бы доведена до 300 чел. съ безплатнымъ обученіемъ и послужила бы примѣромъ для другихъ школъ. Въ своей рѣчи, произнесенной въ годичномъ собраніи Библ. общества 11 авг. 1819 г. онъ указывалъ на задачи этого послѣдняго, какъ органа просвѣщенія и вооружался противъ тѣхъ, кто въ широкой общественной дѣятельности видѣлъ только опасность и, въ свою очередь, ссылаясь на примѣры исторіи, выставлялъ, какъ образецъ, дѣятельность прогрессивныхъ правительствъ [1]). Въ подобномъ же направленіи онъ продолжалъ дѣйствовать и въ Кишиневѣ, но уже въ 1821 г. послѣдовало закрытіе ланк. школъ въ военныхъ частяхъ и передача ихъ въ мин. нар. просв. [2]). Какъ извѣстно. въ 1818 г. посѣтилъ Россію квакеръ Грелье, проѣхавшій черезъ губерніи отъ Петербурга до Кавказа; а въ 1818—21 гг.—агенты Великобрит. библ. общ.—Патерсонъ и Гендерсонъ объѣхали почти всю среднюю и южную Россію съ цѣлью ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ Общества, тюрьмами, благотворительными учрежденіями и т. п., и между прочимъ посѣтили Кіевъ. По этому случаю въ дневникѣ м. Серапіона (4 апр. 1818 г.) отмѣчено посѣщеніе его пасторомъ Гендерсономъ, распространявшимъ Библіи и Новый завѣтъ среди евреевъ, и миссіонеромъ Патерсономъ, причемъ они много бесѣдовали объ обращеніи евреевъ въ христіанскую вѣру [3]). Подъ 11 апр. 1820 г. митр. Серапіонъ опять отмѣтилъ: «генеральное собраніе Библейскаго общества въ лаврѣ» [4]).

Вѣдомость о Кіевѣ за 1817 годъ сообщаетъ нѣкоторыя новыя явленія въ жизни города, указывающія на ростъ населенія и увеличеніе его потребностей. Въ ней называются: римско-катол. костелъ, протест. церк., старообряд. часовня [5]), 2 евр. молитв. дома, 13 церк.

---

[1]) Сборн. Р. Ист. Общ., т. LXXVIII, 519—528; Остаф. Арх., I, 639.

[2]) Остаф. Арх., I, 146, 212.

[3]) Кіев. Стар. 1884, т, XI, 462.

[4]) Ibid., 464.

[5]) Уже въ XVIII стол. раскольники имѣли постоянное жительство въ Кіевѣ (Сенат. Арх., IX, 698). Раскольн. молельня появляется

школъ, 4 приходскихъ училища (всѣ въ дерев. домахъ), 3 пансіона, 1 школа, театръ (деревянный), 1 воспитательный домъ, 6 казенныхъ и частныхъ аптэкъ [1]), 2 гостиныхъ камен. дома, 1 деревянный, 21 трактиръ [2]), обывательскихъ домовъ каменныхъ—49 (на Печерскѣ 14, на Старомъ гор. 10, на Подолѣ 23, въ Плоской части 2), деревянныхъ—3919; монастырей 7, церквей каменныхъ 42, дерев. 12; воен., город. и общ. зданій—60, промышлен. заведеній 211, лавокъ 316. Общее число жителей въ это время полагали до 23,514 чел. т. е. сравнительно съ 1797 г. увеличилось на 20% [3]). Слабость прироста населенія объясняется большими пожарами, военными событіями и болѣзнями. До насъ дошла вѣдомость о дѣятельности Приказа общ. призрѣнія за 1816 годъ, знакомящая съ его учрежденіями. Кіевскій прик., открытый въ 1781 г. имѣлъ собственнаго капитала 315200 р. ассиг., 6200 р. сер., 2090 черв.; посторонних 907640 руб. ассиг., 42140 р. сер., 4340 р. черв.; доходовъ 75850 р. ассиг., 1140 р. сер., 180 черв.; расхода 40480 р. асс. Въ его вѣдѣніи были: инвалидный домъ, двѣ больницы, воспит. домъ съ родильней, богадѣльня, суконная

ок. 1820 г. близъ Флоровскаго мон., на улицѣ Черная грязь. Приходъ былъ небольшой, такъ какъ въ 1859 г. числилось въ немъ всего 167 мужч. и 168 женщинъ (Закревскій, 832).

[1]) Повидимому хлопоты Малорос. коллегіи (см. главу V) увѣнчались успѣхомъ. Лерхе въ 1770 г. упоминаетъ о запасномъ магазинѣ аптек. вещей, устроенномъ главн. упр. медиц. части (быв. медиц. коллег.) и тогда завѣдывалъ имъ провизоръ Ведель. Оно находилось на Подолѣ возлѣ ц. Покрова; въ 1830 г. имъ завѣдывалъ Циммерманъ, а на уступахъ горы, между Михайловскимъ мон. и Андреевской ц. расположенъ былъ аптекарскій садъ. Четыре частныя аптеки въ Кіевѣ принадлежели нѣмцамъ. Кромѣ аптекъ воен. вѣдомства была еще аптека Прик. общ. призр. (Закревскій, 189, 569, 839).

[2]) Магистратскій трактиръ повидимому настолько былъ хорошъ, что въ немъ въ 1804 г. останавливался принцъ Карлъ мекленб. (Дневн. Серапіона, 427).

[3]) Берлинскій, 123—126, 130; Фундуклей, I, 326—327. Упоминаются также заводы: шелк. (1), свѣчные (6), кирпичные (16), кожевен. (30), изразцовые (3), мыльные (3), колок. (1), котляр. (3), каретн. (8).

фабрика (осн. въ 1810 г.), 3 мельницы, доставлявшія доходу 1500 р., дома умалишенныхъ, рабочій и смирительный, городская богадѣльня, аптека съ лабораторіей, отдававшаяся въ наемъ, кирпичные и черепичные заводы, приносившіе доходу 1500 р. [1]).

В. Иконниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Варадиновъ. Исторія Мин. вн. дѣлъ, т. II, ч. I, 110, 168, 456. Въ 1821 г. Приказу разрѣшено было выдавать ссуды подъ залогъ и деревянныхъ домовъ (ч. 2, стр. 144); а въ 1825 г. разъяснено было, что ссуды должны выдаваться не одному дворянству, но и прочимъ сословіямъ (Арх. Гос. Сов., т. IV, ч. I, 415, 418).

Украиньски запыси Порфирія Мартиновича [1].

Мыхайло Переходенко.

Булы мы за паньськыхъ правъ паньськи; и ти паны обижалы сылно; тоди ще малолюдно й було; ну, мій дядько втикъ ажъ у Запорожжа. У гóдъ прыйихавъ за жинкою (дядько) и жинку выкравъ; пóтимъ того прыйихавъ,—винъ бувъ матерынъ братъ,—прыйихавъ и сестру выкрасты ничью; и ставъ винъ у другій слободи,—тамъ сродныкъ у тій слободи. Шось объявыло управляющому нашому,—горило свитло пидъ лавою, а воны розмовлялы. Прыбигъ управляющый, зарештувалы ёго и прыставылы панови.

Батька мого дома не було,—бувъ у Ромнахъ у посылкахъ. Мій батько бувъ прыкапцыкомъ у пана. Маты ходе на совитъ до дядька исъ сыномъ туды, якъ ото піймався. Узявъ панъ въ острогъ усыхъ трёхъ: и дядька, и сестру, и сына старшого, а батька не було дóма. И насъ обибралы чысто; забралы худобу, все. Мы гарно жылы прéже.

Пóтимъ тóго узявъ панъ отдавъ у службу (у салдаты) дядька и брата отдавъ мого, и пóтимъ винъ тамъ бувъ у служби гóдивъ пьять. Издумавъ утекты черезъ Дунай ажъ у Турецыну. Дывытьця, шо тамъ очеретець малый, такъ думалы (дядько и племиныкъ) тамъ сухо, а воно ходе одынъ, а цей стоить на берези, мій дядько. Нарвалы воны комышу такъ якъ съ пивъ копыци,—тамъ въ конци й вирёвкы е; ну винъ давай звязувать оти конци; той поплывъ упередъ и цёго тягнеть... и конець поволикъ зъ собою... (дядько не вмивъ плавать). Доплывъ

[1]) См. Кіев. Стар. 1904 г., № 9.

до того очеретцю, ажъ тамъ нема сухого; таке—вода, тилькы не глыбоко; давай бресты, давай бресты,—нема бресты, стало по шыю; воны й давай крычать. Набиглы До́ны, забралы ихъ и преставылы у той полкъ. де воны. Винъ хотивъ утекты въ Турещыну, та то й полотвылыся (дядько й племиныкъ). Ишлы воны кризь строй обыдва. Сику́зія имъ була... На спы́ни такъ якъ кулакы понаростало. Винъ выгоився въ болныци,—ото впьять до того товарыша: «ану впьять ходимъ». Товарышъ не пожалавъ, такъ винъ узявъ дошку, замерзъ лёдъ на Дунаи; есть такъ шо замерзло, а де мыеть; то винъ дошку перевунеть черезъ той де мыеть, тай перелизеть по досьци, то потимъ опьять иде выбира ми́ста лёдомъ; такъ шо мистивъ у пьяты, въ шесты може... Потимъ того перейшовъ черезъ Дунай, а потимъ ставъ жыть у Запорозьцяхъ.

Яка то була війна, що стало замыреніе, що запорозьци сюды вже вернулыся. Винъ тамъ ота́маномъ бувъ,—військовый ота́манъ зоветьця. Ну, ото вернулысь сюды. Тамъ Гладкый бувъ начальныкъ выщый дядька; винъ полтавськои губерніи и дядько полтавськый. Винъ выпроважавъ Гладкого ажъ сюды въ Косьтянтынъ, а въ мене въ Косьтянтыни бувъ дядько (другый дядько) й тожъ бувъ прысяжнымъ, такъ туды й насъ позвалы гулять въ Косьтянтынъ. Давай тамъ мы гулять, давай тамъ мы гулять, такъ дядько (запорожець) бъзьметъ та патронови якъ одо́рве верхъ, та въ пидстоль зарядыть съ пьянову, та якъ двынеть изъ пидстоля, то такъ двери й одчынятьця. Пьять чоловикъ салдатъ прыйшло до насъ гулять; винъ (запорожець) набравъ горилкы и напова ихъ. Одному ошмалывъ и глаза выбывъ салдату (съ пидстоля), а вже смеркло;—винъ дававъ имъ двадьцять пьять цилковыхъ,—не беруть ци салдаты двадьцяты пяты, а винъ пару коней запригъ ничью и втикъ одъ тыхъ салдатъ.

Верстовъ пьятнадьцять жыве сестра того дядька, видкиль винъ тикавъ. Убигъ у двиръ и входе въ хату ничью до сестры, и въ ёго тамъ жинка була, ще й дочка коло сестры жыла. Его жинку прыгналы по ята́пу зъ Запорожа. Гуляють, гуляють исъ сестрою, гуляють.. Батько мій боитьця, шобъ опьять не обобралы,—повивъ дядька до пана; ну панъ подывывся ёго праппорты тамъ турецьки и не розобравъ; ну... дядько зряби́въ .. Панъ каже: «Я не могу пра́ва... Гуляйте. Я отъ тебе отсахнувся вже». Ну, ото тамъ погулялы. Гулялы тамъ,—изъ тыждень гулялы.

Той Гладкый вернувся вже назадъ отъ своеи ридни; ну, потимъ винъ попрощався (дядько) и пойихалы.

Отамъ есть Молóшна; такъ воны й поселылыся на Молошній; и вже мы бильшъ не выдалы ихъ. Мабуть помéръ.

—

А мій братъ, шо отдававъ у службу у салдаты изъ нымъ (це кáаця дванадьцятого году) и попавъ жыть у Керчь и выслужывъ винъ двадьцять пьять литъ у службы—це за Мыколая—и заслужывъ Калѣтського регыстраторя по штатськiй,—прапорщыкъ; и выйшовъ въ отставкы. Тамъ е за Керчю Темрюкъ. Оженывся (у Темрюцú): дитей у ныхъ нé було. Исправывъ лавку и дворъ постоялый; и нажывъ копыталъ; и потимъ того тамъ де прыпыска—прыймають мищанъ и купечество. Ну, винъ нажывъ тысячъ пьять грошей; дывыться, шо лавокъ багато, а нема сходу; такъ винъ свое попродавъ, продавъ лавку и домъ и видтиль прыйиздывъ у гости до насъ; и въ панивъ просывъ хлопця; хлопця паны не далы,—далы дивчынку, племеныцу маненьку. Винъ ïи зростывъ, стала й дивкою; и отдавъ за пысаря въ канцелярію.

Пóтимъ того мій братъ заболивъ—и калъ запераеться. Пыше до мене пысьмо: прыйидь, брате, я не здоровъ. Ну, а я саме бувъ старшыною у ти поры. Мыровый посреднык мене не пуска; отпустывъ, такы выпросывсь и я... «Беры, брате, кони поштови и прыйиждай до мене поштовымы». Я взявъ подорожню и побигъ поштовымы. Ажъ прыбигъ я въ Кызіяръ, тамъ купци мени знакоми. Мени йихаты сухопутьтю черезъ Тонку, та на Горбатóкъ, та на Керчь, та на Отамань. Купечество каже: вернить вы на Бердяньське, водою пидете, а сухопутьтю—я облышывъ сухопутьтю. Пойихавъ съ Бердяньська на Керчь пароходомъ: трыста симдесятъ верстовъ шовъ водою; ну закачався бувъ, Господы!... Прыбиглы мы въ Керчь, така сылна бье волна, шо вси сталы пароходы и судна на мори спынено черезъ вилну; тамъ я тры дня простоявъ и сивъ я на другій пароходи и прыбигъ я въ Отамань. Прыставъ— и братъ померъ; а ще йихать верстовъ пьятдесятъ сухопутьтю. Духовне завищаніе на мене спысано. Потимъ того я прыбигъ ночью у Темрюкъ. Колы винъ деньгы роспустывъ по домахъ по всимъ Темрюку. До кого позываться? И городнычій выноватъ сто карбованьцивъ.

Ти деньгы роспысани по церквахъ: перве священыкамъ за погребеніе пивтораста цилковыхъ. Въ Темрюцьку церкву трыста цилковыхъ—на Мыколая. На Ахвоньски горы шистьдесятъ цилковыхъ. Моій унýци, шо то выйшла вона замижъ, пьятсотъ цилковыхъ. И матери

онученій сто цилковыхъ. На вдовъ, сыротъ трыста цилковыхъ. Его помынать трыста цилковыхъ. Мыни тысяча. Въ Костянтыньськи церкви сто. Я туды и отдавъ. Въ Мыколаевську церкву пьятдесятъ цилковыхъ.

(Росказувавъ Мыхайло Максымовычъ Переходенко 93-хъ литъ. Изъ села Мыхайловкы, Костянтыньського въйзда).

24 сентября 1887 года.

Христына Морозовська.

Кунтуши, кораблыкы, кыбалкы пры мени ще булы, якъ я ще була маненькою; ихъ уже тоди не носылы, а тилько иноди, було, надивають ихъ, тоди якъ на Рождественскихъ праздникахъ, або на масляній роблять маскарадъ. Це було такъ: бабушка моя Анна Мыхайловна Шклярова жыла у Старыхъ Санжарахъ; у неи и князь Репнинъ у гостяхъ бувавъ. И отъ-это якъ була масляна или празники Рождественскіе, такъ воны, було, звязують воловіи саны, а на саняхъ помощени доскы, столыкъ поставляють и стулья; запрягають воловъ паръ дви, прычиплюють звоныкы до воловъ,—ото вже йиде, кучеръ Пылыпъ у неи бувъ, Панько, Грышка,—то ти вже такъ, коло воловъ у неи идуть; состояніе хорошое имѣла и жила по барски очень. И беруть музыкантивъ Жадкивъ; и бувъ у неи музыкантъ Прудко Васыль Петровычъ, который бувъ на ему кунтушъ голубый, штаны сыни, а жалетъ красный длынный, и пуговыци на тому кунтуши велыки; онъ игралъ на флейту, на цымбалы, на гусли, на коларнетъ, на скрыпку!.. Та ще такый,—вообразить,—слипый, и въ млынахъ каминьня нако-вувавъ! И здоровый старыкъ такой! А то ще й други Жадкы есть (музыканты), такъ воны и тихъ прыглашалы!.. Ото позбыраютьця и гости бувало: Маркевычи, Мыхайловськи, Щербынськи тамъ, Сухыны... Ото вже маскарадъ у ихъ: и кыбалкы, и кораблыкы, и очипкы парчеви!.. Кораблыкы шылысь исъ чорного бархату, а верхъ золотый, парчевый; по чорному бархату зверху золотымъ шнурочкомъ узоръ вышытый. Спидныци булы шовкови,—матеріи не таки, якъ теперъ!.. Теперъ нема такыхъ матерій. И голуби и зелени; штофни, парчеви... Матеріи очень хороши! У намиткахъ, у кунтушахъ, у плахтахъ... И отти спидныци парчеви, шовкови... Спидныцю, було, парчеву надивае и у кораблыку... У кораблыку красыво очень!.. У прабабушкы моеи пла-

токъ бувъ шовковый, конци золотомъ шыти, а бабушка въ чепчыку ходыла вже, а прабабушка у повьязьци. Замостять двое саней доскамы длынными, на доскахъ поставляють столы и стулья, тай йидуть, а музыканты грають; и я-жъ тамъ сяду, хоть я и дытё була. Ну, ото йидуть и варенои наберуть и дорогого вына возьмуть,—пьють. Ну, тутъ уже хозяины просють. Прыйиждждають у госьти: до Сухыны, до Маркевыча, до Мыхайловськыхъ, до Щербыньськыхъ, до Жалія. Жалій бувъ старыкъ... Ото була благочынна Жадчыха,—ото було до Жадчыхы... У того сёгодня, а завтра у другого,—такъ у ныхъ вся масляна расположена. Встричае хозяинъ и угощае; а я вже неотлучна внучка була у бабушкы, я вже була іи любымка. Прыйидуть куды,— подають варену и калыну; заразъ, було, наллють варенои и по вѣточкѣ кыдають калыну; ото вергуны, оришкы жарени, кгроночкы оти въ меду жарени,—знаете?!.. вергуны, маковыкы. Ото въ ихъ таке угощеніе!... Ну, тоди вже й танцюють. Тоди ше танцювалы горлыцю, метелыцю, экасесъ и козачка. Теперъ уже нема экасеса, а я и теперъ помню! Я ше и теперъ прыпомню экасесъ!. А чай пьють, бувало, такъ я ще небольшою була: ото прыйиждждають до титкы моеи Ненипывыхы Варвары Радіоновны; такъ дидъ Иванъ, крестьянынъ ихній, ставыть прынижокъ у прыгрубныку,—ото буде чай варыты. Тоди ще чаивъ не очень було.

Караблыкъ я и теперъ могу пошыть. Я въ первый разъ якъ повыдала кораблыкъ, такъ посли того сама и сдѣлала. Я, було, кукламъ своимъ часто шыю караблыкы.

—

Бабушка моя вже росказувала и прабабушка, шо у Санжарахъ ото-жъ рогаткы стоялы и крипость була. Якъ ище татары булы, то, було, ховаютьця жинкы видъ татаръ: и въ коминъ ховаютьця, у погриба!... Такъ и ховаютьця, було! Якъ йихать изъ Санжаръ до Полтавы,—тамъ есть Кгеркгеливъ Ригъ и лисокъ тамъ: такъ отамъ, було, наихуже татары оббырають пройизжыхъ. И отожъ було росказуе бабушка: «Хи-и! Якъ, було, йидемо у Полтаву, такъ, було, подводъ штукъ пьятнадцять, двадьцять собыраютьця ихъ (разныхъ знакомыхъ панивъ), шобъ пройихать, було, до Полтавы»!

Моя бабушка сто пьятнадьцять литъ прожыла—мать отца.

—

Котляревскій Иванъ Петровычъ мій крестный отець бувъ. Якъ я прыйиду до его, то дасьть, було, 25 рубливъ, билу ассигнаційку,—все й подаруе мени каждый разъ. Розы центифольни булы у его, коло виконъ, кусты. Нариже розъ: «понесы маменькы Храполыхи» (Храполыха хрестна мать моя). Кныжечокъ дасьть мени чытать. Шо небудь дасть, подарыть... Ато ще якъ выйшла я замижъ, то съ Яковъ Никитычемъ [1]) скилько разъ була. Було угощае чаемъ и, було, дасть на молытвы.

И Храполыха, крестна мать моя, Котляревского кума, у повьязьци ходыла; вона ходыла у двохъ платьтяхъ; такъ, було, пидниметь верхне платьтя и тамъ бувъ карманъ большой,—дасть цилковыхъ пьять, або десять.

Мазанова отца Ивана отець, теперишнего отца Петра [2]) дидъ, бувъ Старо-Санжарова козака простого сынъ; Мазанъ винъ и ткачъ ще бувъ, а оцей-же отець Иванъ бувъ у Полтави у собори дьячкомъ, а то уже Котляревскій такъ зробывъ, шо его попомъ зробылы!.. То Котляревскій уже хлопотавъ, шобъ его во священыкы отца Ивана!.. То уже Котляревскій хлопотавъ!..

—

Шевченка я бачыла у Шинкова въ Михновци, Кобыляцького уизда, у Попова Алекс. В. въ Решетыливци; ёму тоди було литъ 26. Лыце було брыте, тилько зъ маненькымы вусамы; волосы на голови темноруси и въ кружокъ пидстрыжени; роста не высокого. Винъ бувъ веселый въ обществи и шутныкъ. Помню, шо росказувавъ, якъ винъ бувъ маненькымъ та вивци пасъ...

Гоголя выдила въ ихъ доми. Выдила мать Гоголя и сестеръ; мать ёго красывая женщына. Гоголю тоди було литъ до трыдцяты; свитлорусый; въ обществи не бувъ веселый.

—

Фамилія отца моего Шплитстéссеръ [3]). Винъ бувъ учытелемъ у гимназіи и преподававъ Нимецькій и Латинскій языкъ, а дядя бувъ учытелемъ въ Институти. Дядя ридный, папеньки братъ, гравировавъ гéтманивъ въ исторіи Малороссіи;—тó дяди моего гравировка [4]). Мени

[1]) Чоловикъ Морозовськои.

[2]) Въ Полтави въ Институти священныкъ.

[3]) Зъ нимцивъ.

[4]) Въ 1-му выданню исторіи Бантышъ-Каменскаго.

самій въ институти слидовало буть, та папенька покойныкъ не отдавъ. Прежде було: на що́ учи́ть въ институти дивыць? Шобъ женыхамъ пысьма пысалы? Прежде не дуже дывылысь на це...

Я родомъ Полтавська настояща, а жыла у Ста́рыхъ Санжа́рахъ. У восимнадьцятому го́ди (1818) родылась.

—

(Росказувала вдова священныка Христына Петровна Морозовска. 29 мая 1888 года. На хутори Катерынивци коло с. Ганебного, Константиноградскаго уизда).

Лирщыкъ Иванъ Пересада.

(Зъ Петривкы).

Тры браты Озовськи.

То же не туманъ наступае,
Тожъ не дробенъ дощыкъ налягае,
Тожъ тры браты зъ города зъ Озова
Съ тяжкои неволи утикалы:
То воны за городъ выбигалы.
Якъ сыви орлы вылиталы.
Кони въ рукы хваталы,
Найменьшого свого брата
Пишого пихотыньця покыдалы.
Той-же пишый пихотынець добре гадае,
На чорне кориння,
На биле каминня,
Свои ногы побывае,
Кровью сьлидъ залывае,
Жовтымъ пискомъ засыпае,
Слезамы пролывае,
Словамы промовляе,
Старшого брата всердно́ про́се-благае.
«Братику нашъ найстаршый, ясный соколе!
Хочъ малую годыну обождите,
Кони прыноровите,

То вже мене до отця до матери
Въ хрыстыяньськи города исъ собою возьмите».
То старшый братъ зачувае
И ему отвичае,
Самъ не бере
И середулыпому не позволяе:
«Братику нашъ найменьшый,
Пишый пихотыньцю!
Самъ-же ты знаешъ,
Що мы зъ города зъ Озова
Два разы утикалы. .
Города Озовська
Вира бусурменьська
Непрыятельська
Два разы насъ догоняла,
Назадъ завертала,—
То вже третій разъ якъ догонятыме,
То вже наше тило козацьке молодецьке
Сиктыме, рубатыме;
Хочъ не буде сикты-рубаты,
То буде назадъ завертаты,
Увъ Орабьську землю везты продаваты
По сто злотныкивъ за неволныка буде браты».
Той же пишый пихотынець
Добре гадае
Мижъ кони вбигае,
За стремена хватае,
Слезамы пролывае
Й словамы промовляе,
Старшого брата всердно просе-благае:
«Братику нашъ найстаршый,
Ясный соколе!
Хочъ не хочете мене исъ собою взяты,
То лучче мое тило козацьке молодецьке
На гры часты розрубайте,
Въ мать сыру землю опускайте» [1])...

---

[1]) Въ мать сыру землю поховайте.

Толькы дзвиру, птыци на поталу не дайте.
Толькы мене на чужой сторони
У чужоземській земли не покыдайте».
То старшый братъ зачувае,—
Самъ не бере,—
Середульшому не позволяе:
«Братику нашъ найменьшій, пишый пихотыньцю!
Шо якъ будемъ мы твое тило козацьке молодецьке
Сикты—рубаты,
То вже наша душа
То й по викъ не скýпытьця гриха!
Лучче мы будемъ упередъ тебе
Темнымы лугамы будемъ гуляты,
Съ терну верхы виття будемъ стынаты,
Назадъ себе тоби предмету даваты,
Шобъ ты знавъ, куда до отца до матери
Въ хрыстыяньськи города пидступаты»...
То вже воны выйиждж̄ають
У тры гаи зеленыхъ:
Середульшый братъ добре гадае,
Съ терну верхы виття стынае,
Назадъ себе ему покыдае...
То вже воны выйиждж̄ають
Съ трехъ гаивъ зеленыхъ.
Толькы витеръ повивае,
Серце ихъ козацьке молодецьке потишае.
То вже третёго дня
Пишый пихотынець
Тымъ-же путемъ
У тры гаи вбигае...
Съ терну верхы виття хватае,
Слезамы пролывае
И словамы промовляе:
«Осюды-жъ-то мои браття пробигалы,
Якъ сыви орлы пролиталы,
То ше воны объ мене добре гадалы [1]),

[1]) То ше воны объ мени добре гадалы.
Чы объ мини,—то вже наче прыятьнише.

Шо мыни на предмету давалы».
То вже воны сойижджаютъ
На тры шляхы на тры Муравьськи.
Середульшый братъ до старшого
Глазамы завыжае
И словамы промовляе:
«Братику нашъ найстаршый,
Ясный соколе!
Шо мы будемъ думаты-гадаты
Объ наименьшому брату?
Яку предмету будемъ даваты?»
То старшый братъ до його лыцемъ обертае
И словамы промовляе,
А ничого не отвичае [1]).
Середульшый братъ добре гадае,
На соби дорогу одежу обрывае,
На тры шляхы, на тры Муравськи роскыдае,
Найменьшому брату на предмету давае,
Шобъ винъ знавъ, куда до отця до матери
Въ хрыстыяньськи города пидступаты.
А старшый братъ до середульшого
Словамы промовляе:
«Братику нашъ середульшый!
Шо ты думаешъ-гадаешъ,
Шо ты на соби дорогу одежу обрываешъ?
Якъ будемъ мы до отця до матери дойижджаты,
То вже нивчому буде намъ мижъ челядь
Питы статы погуляты».
То вже шостого дня пишый пихотынець
На тры шляхы, на тры Муравськи збигае,
Слёзамы пролывае
Й словамы промовляе:
«Ой не дурно жъ зъ моихъ братывъ
Одежда валяе!
Десь моихъ братывъ, сывыхъ орлывъ,
На сьвити немае!..

---

[1]) Думкою стало быть думае, а словамы не отвичае.

Колы бъ мыни Господь давъ
Исусъ Христосъ
Сынъ Божій
Ихъ тило
Козацьке—молодецьке
Нахождаты
У мать сыру землю поховаты
Дзвиру-птыци на поталу не даты» [1])!
То вже воны на Осавуръ-могылу сйиижджають,
На Осавуръ-могыли прыпочывокъ мають...
То воны сталы прыпочывалы,
Тры дни, тры ночи его ждалы.
Самы помисъ собою
Тыху розмову малы:
«Шо якъ-бы-жъ то мы зналы,
То-бъ мы довше ждалы,
Або зворотылыся съ собою взялы».
Потомъ кони въ рукы бралы,
До Самарю пройижджалы,
Кони напувалы,
Самы промижъ собою взайименно
Тыху розмову малы.
Старшый братъ до середульшого
Словамы промовляе:
«Братику нашъ середульшый!
Якъ будемо мы до отца до матери дойижджаты,
Шобъ ты знавъ, якый отвитъ даты».
То вже девьятого дня пишый пихотынець
На Осавуръ-могылу збигае,
Прыпочывокъ мае [2]:
Ногамы не поступае,
Рукамы не облаждае,
Головонькы на сьвитъ Божій не пиднимае...
Прылита до його
Тры зозули

[1]) Винъ, стало быть, думавъ, шо ихъ погублено.
[2]) Бачыте—винъ усе третёго дня насьпивае.

Сывокрылый;
Одна сида на рученькахъ,
Друга на ниженькахъ [1]),
Третя въ його головонькахъ...
То воны не кувалы,—
Якъ отець або маты
Словамы промовлялы:
«Головко далёшьня
Нестотешьня [2])!
Було сій головоньци
Тры прыгодоньци:
Первая прыгодонька—
Безъ хлиба;
Другая прыгодонька—
Безввидя [3]);
Третяя прыгодонька—
Помырае на чужый сторони
Безъ отца, безъ матери,
Безъ ридного ридьдя!
«Колы-бъ мыни Господь давъ
Исусъ Хрыстосъ
Сынъ Божій
На ногы статы,
Рученькамы облаждаты,
Головоньку на сьвить Божій пидняты,
Ходь-бы до отца до матери
Трёма зозулямы
Поклонъ податы!..
Богъ ему давъ—
На ногы ставъ,
Рученькамы обладавъ,
Головоньку на сьвитъ Божій пиднявъ,
Трёма зозулямы
Поклонъ подавъ

[1]) Друга на ноженькахъ.
[2]) Стало-быть вона не здешьня—сказать.
[3]) Сказать „безъ воды".

Самъ къ сырой земли прыпадае,
Богу душу отдавае.
Прылита до його
Тры орлы сызокрылыи:
Одынъ сида на ниженькахъ,
Другый тило розрывае,—
Третій по полю розношае.
Витеръ повивае,
Комышъ похыляе,
Тило його козацьке молодецьке прыкрывае,
Дзвиру-птыци на поталу не попускае.
То старшый братъ до середулшого
Словамы промовляе:
«Шо якъ будемъ мы до отца до матери дойижджаты,
Якъ будешъ ты отцеви матери
Истину правду открываты,
То вже одъ мого меча
Твоя голова
Буде съ плечъ до долу зълитаты.
То вже воны до отца до матери дойижджають,
Навстричъ отець маты выступають,
Гарячымы слёзамы свое лыце облывають:
«Ой сыны-жъ мои, сыны!
Сыви орлы!
Де вы свого найменьшого брата
А нашого сына позадилы?
Чы вы вбылы,
Чы зрадылы?
Чы молодои души
Съ свита изгубылы»?
То старшый братъ съ коня не вставае,—
Отцеви и матери отвичае:
«Не быйте насъ, отець маты, не проклынайте.
Мы свого найменьшого брата,
А вашого сына
Ни вбылы,
Ни зрадылы,
Ни молодои души съ свита не згубылы...

Шо мы въ городи увъ Озови
Не въ одной неволи бувалы,
Не одну й муку прынималы,
Мы його й въ глаза не выдалы».
Середулшый сынъ съ коня уставае,
Отцеви й матери у ногы упадае:
«Ой не быйте насъ, отець маты, й не проклынайте,
Шо мы свого наименьшого брата
Ни вбылы,
Ни зрадылы
Ни молодои души
Съ сьвита не згубылы...
Мы въ городи увъ Озови увъ одной неволи бувалы,
Одну муку прынималы;
Мы зъ города зъ Озова
Вси тры разомъ выбигалы,
Якъ сыви орлы вылиталы.
То старшый братъ меньчого
Самъ не бравъ
Й мени не позволявъ;
То й ише мени старшій братъ
Таки речи одвичавъ:
Шо якъ буду я вамъ истыну правду казаты,
То вже одъ его меча
Моя голова
Съ плечъ буде до долу злитаты».
То отець и маты
Середулшого сына за госьтя прынимае,
А старшого зъ домивкы зганяе,
А найменьчому сыну
Въ небесное Царство отсылае...
Слава Тоби, слава Тоби!
Всимъ трёмъ братамъ Небесное Царство!
Всимъ Православнымъ Хрыстыянамъ
Честь хвала
На здравые.

(Зъ бандурщыкивъ, зъ Харькивськыхъ, ажъ изъ Рубливкы. Та такъ шо мабуть съ квартяку и выпылы, такъ винъ мени проказавъ. Алексій Халявка).

Жебранка.

Дай, душа праведна, возмылостывитеся!
Шо я то не бачу,
Якъ праведне сонце во неби осіяе,
Якъ билый сьвитъ сьвитае,
Якъ темная ниченька наступае...
Шо якъ бы-жъ я сьвитъ Божій выдавъ,
Тобъ я вашыхъ стежокъ-дорожокъ не засидавъ,
Головонькы своей та й вашои не клопотавъ...
Лучче пишовъ-бы я до вашои мылосты заробывъ...
Гирьке мое зароблéнное,
Божого сьвита не выдаючы,
За чужымы очыма спотыкаючы...
Дай, едыная душечка,
Хочъ едыную копеечку
На горькое наше собыраныя,
На осмажное содиваныя [1])
Души нашій на пропытаныя...
А теперыча не могу я
До вашои мылосты питы заробыты,
Едыную денежку заслужыты,
Вашій мылосты угодыты...
Шо мени сьвитъ Божій не выденъ.
Якъ клыновымъ лыстком закрытый...
Якъ клыновымъ лыстонькомъ задвыненъ
А якъ-бы жъ то, мы, мамочко,
Выдившы сьвитъ Божій [2]).

---

[1]) Хто его зна шо воно, противъ чого воно? такъ якъ насъ панотци вчылы.

[2]) А якъ-бы жъ то, моя мамочко,
Я сьвитъ Божій выдавъ.

Я-бъ же къ вашій мылости прыступывъ,
Вашій мылости, мій таточку, угодывъ,
Едыную денежку соби заробывъ.
А теперыча я не могу
Питы заробыты,
Питы заслужыты,
Тилькы повыненъ я
За весь мыръ Православный
Едыного Господа Исуса Хрыста
Сына Божого помолыты:
Помылуй васъ,
Исусе Сыне Божый, Владычыце...
Заступныце
То Владычыце!
Помылуй васъ
Святытелю отче Мыколаю
Чудотворче,
Всему мыру помошныче!

—

(Просто воно называетьця Жебранка.
Запросы—то вже шо по хатамъ ходять.

Жебранка—то такъ просьба; запросъ—то такъ якъ иншый не вміе ніякои псальмы, то сыдыть и просыть.

Лирщыкъ, а то бандурщыкъ.

Оце называюсь я лирщыкъ, а то другый бандурщыкъ, а то называетьця жебранныкъ: ходе винъ соби жебрае; просто прыпада.

8-го іюня 1901 г.

(Окнчаніе слѣдуетъ).

КОНТРАСТЫ.

(Нарысъ).

Глыкерія выпыла вже третю чарку густого, мицного ликеру и почувае себе надзвычайно прыемно: такъ любо, такъ затышно сыдиты, спершысь спыною на дерево, и линыво прыслухатысь до сыхъ згукивъ, змишаныхъ зъ балачокъ спильныкивъ пикныку, зъ лопотиння лыстя, зъ щебетання пташокъ, зъ дзвону пляшокъ, выделокъ, ноживъ, тарилокъ. По всёму тили розлыта така хороша, нижна втома, у грудяхъ дзвеныть якесь мягке, тепле, добре чуття, не хочется ни рухатысь, ни говорыты,—хочется тильки счаслыво, радистно усмихатысь. Те незадоволення, яке було въ неи зъ початку видъ того, що выбралы для пикныку сей лисокъ, теперъ счезло, и вона вже навить залюбкы заговорыла бъ до Кати, якъ бы не ся втома.

Глыкерія прыплющуе трохы очи, и ій здается, що вона тыхо-тыхо плыве на якыхъ-сь оксамытовыхъ, теплыхъ хвыляхъ, яки мягко колыхають іи, а передъ нею плавко проходыть ся картына прогалыны зъ розстеленымы скатиркамы, повнымы пляшокъ, тарилокъ, всякыхъ найидкивъ, напыткивъ, зъ сыдячымы, напивлежачымы постатямы знаёмыхъ мужчынъ и подругъ. Воны щось говорять мижъ собою, крычать, регочутся, але вона не прыслухается добре,—ій доволи сыхъ згукивъ не гучныхъ, мырныхъ, гармонійныхъ.

Сонце вже заходыть десь тамъ за деревамы, и рожеве свитло ёго косыхъ проминнивъ не бье, не риже въ очи, а такъ спокійно фарбуе лыстя, постати, экипажи, розпряженыхъ коней, кучеровъ, самоваръ зъ сынимъ дымомъ, рожеви, били, темни убрання панночокъ и мужчынъ; вси ци фарбы мишаются зъ рожевымъ колёромъ и вбирають въ себе очи.

— Катерыно Исаевно!.. Змылуйтесь!.. Господь мене вбый, не вынень! Прысягаюсь вамъ постоламы Магомета,—молыть про щось «сей комикъ Жабурынъ», якъ звуть его знаёми, и стае навколишкы передъ Катею, якось кумедно вытягаючы до горы свою маленьку головку. Катя схыляе на бикъ голову, сміется и бье ёго серветкою по плечи. Сей «комизмъ» Жабурына, ёго прысягання, залыцяння до Кати давно вже видоми Глыкеріи, але вона дывытся на ныхъ, добродушно посмихается и почувае себе ще краще.

— Жыты треба, моя пани, вміючы!—говорыть Иванъ своимъ тыхымъ, мелодычнымъ барытономъ,налываючы Сони въ чарку вына.—Не склавшы рукы на порожнихъ грудяхъ,—якъ сказавъ якыйсь поэтъ,—плысты за жыттямъ, а самому гребты... А першъ усёго—треба твердо и завжды памьятаты, що ты жывешъ... Люде се забувають якось, все збираются, готуются до якогось будучого жыття. А се страшна помылка!.. Охъ, яка помылка!

Винъ зъ жахомъ дывытся на Соню, що спокійно слухае ёго, и выдно по іи млявому, дуже напудреному лыци и сынихъ, вялыхъ очахъ, що вона думае щось свое, таке жъ десь вяле и мляве, якъ и вся іи повна, покійна постать. Але Иванъ своимъ звычаемъ не бачыть того,—блиде, нервове лыце ёго, зъ чорною, гострою боридкою и вдумлывымы очыма, зхвылёване и, выдно, трохы пьяненьке; билый, шырокый лобъ ёго зъ тою знаёмою Глыкеріи жовтызною по краечкахъ, укрытый дрибнымы краплынамы поту; губы, выдно, сухи и гарячи. Глыкерія прыслухается зновъ и чуе, якъ винъ говорыть:

— Мени, знаете, здается, що зъ такого погляду можно згодытыся зъ словамы Хрыста: «не печитеся», въ переклади: не тур-

буйтеся, не клопочиться». Розуміете? Не те, що не купуйте соби на завтра чаю и сахару, а не уявляйте соби рижныхъ непрыемныхъ почувань... Се найголовнійше... Почувань! Що жъ таке жыття, якъ не довгый, довгый рядъ усякыхъ почувань?.. И заразъ, въ сю хвылыну я *жыву*, я маю якись почування, хочъ бъ и видъ сёго выпа... Не все одно? Черезъ що жъ се жыття мусыть буты гиршымъ, нижъ те будуче, для якого вси такъ клопочутся, и головнымъ чыномъ клопочутся до самои смерти?! Теперешни пережывання ввыжаются за переходни, неважни, а отъ тамъ десь, нибы то въ будучому, буде все. И бижать, бижать, поспишаючысь одмахуются рукамы одъ всёго, а якъ не можно одмахнуться, ледве прыторкнутся губамы и зновъ спишать и, помитьте, мынають те, чого шукають. Шукають жыття, а воно у ныхъ передъ носомъ... Вы вдывиться, удумайтесь, скильки жыття у кожного чоловика, скильки гры, думокъ, почувань. Вы тильки слидкуйте за кожнымъ такъ про себе—и вы побачыте, скильки втихы се дасть. Люблять слидкуваты за жыттямъ звирять, а те забувають, що самый цикавый звиръ—то чоловикъ. Яке багацтво руху, жыття!..

Глыкерія одводыть видъ ёго очи и почынае слидкуваты. Дійсно, скильки руху, жыття! якъ все прыемно, мыло! Онъ сыдыть на дышли брычкы кучеръ Семенъ и, попыхкуючы «ароматною» папыроскою, балакае зъ Дунькою. Дунька биліе середъ зеленого своимъ билымъ фартухомъ и, заклавшы рукы за спыну, очевыдячкы кокетуе зъ нымъ. Але Семенъ, выдно, не дуже то вважае, бо дывытся кудысь повзъ Дуньку и десь, певно, своимъ звычайнымъ флегматычнымъ тономъ говорыть:

— Намъ еты хвакты вже звесны... шукай дурнищыхъ!

Глыкерія дывытся на Дуньку, якъ та жваво и граціозно повертается своимъ станомъ, и вже не почувае того непрыемного, ревнывого чуття, що завжды ворушылось у неи, колы вона дывылась на свою покойнивку. Ій думается, що дуже гарно було бъ оженыты Семена зъ Дунькою, и навить уже уявляется ій, якъ вона, писля того якъ поберется зъ Иваномъ, поклыче Дуньку и, пообицявшы даты добрый посагъ, скаже, що буде старатысь за неи

передъ Семеномъ; якъ Дунька дуже-дуже почервоніе и, затулывшы лыце рукавомъ, утиче на кухню, и якъ вси будуть сміяться веселымъ, хорошымъ смихомъ... Справди, якъ легко можна зробыты свое жыття такымъ, щобъ у ёму було бильше прыемного, нижъ непрыемного, якъ можна жыты повно, радисно, счаслыво.

— Панове! панове!—крычыть Мыкытенко. Оповищаю вамъ велыку новыну!

Вси замовкають и дывлятся на ёго незграбну, дужу постать въ незграбному сюртуци зъ довгымы поламы. Мыкытенко прыйма урочысту позу, пиднима руку и чекаючы замирае.

— Ну?—нетерпляче пытае Катя.

— Слухайте!.. Вси слухають? У Зинаиды Карловны одне ухо выще другого!.. Ха-ха-ха,—и Мыкытенко задоволено регочется, дывлячысь на трохы зчервонилу Зину.

— Фи! Якый вы дотепный!—кыдае Женя и зновъ повертается до Олексы Гусляра. Вси тежъ одвертаются, и нихто не сміется. Але Глыкерія вже не бачыть недотепносты Мыкытенка, якый завжды мае на се претензію; ій цикава ся гра поглядивъ, смиху: то зневажлывого, то дурноватого, то линывого, цикаво се жыття рижныхъ почувань, яке пробывается кризь байдужи рухы, кризь прудки погляды, кризь незначни слова и фразы.

— Не хочете?—держучы надъ Сонынною чаркою пляшку зъ ликеромъ, пытае Иванъ—Се жъ ликеръ.. *Глыкерія, ликеръ и я,*—говорыть винъ старый каламбуръ и показуе рукою на Глыкерію, на пляшку и на себе. Выходыть, нибы винъ два разы говорыть: Глыкерія, Глыкерія. Соня усмихается, але мовчкы крутыть головою.

— Ну, значыть, я соло—пидіймаючы чарку до роту и обережно пьючы зъ неи, добродушно дывытся винъ на Соню. И Глыкерію вже не дратуе такъ непрыемно, якъ перше, сей каламбуръ зъ іи негарнымъ, мужычымъ имьямъ, а навпакы здается дотепнымъ и повнымъ змисту. Выходыть, що вона, винъ и выно складають зъ себе щось едыне, яке все-такы высловлюется въ одному: Глыкерія. И ій такъ любо дывытысь на се мыле, разумне лыце коханого, на ёго били, невелычки рукы зъ довгымы, чысто

скульпторськымы пальцямы, на глыбоки, пекучи очи. Хочется нижно-нижно взяты сю хорошу голову, прытулыты до грудей и мырно, счаслыво замерты пидъ сей гармонійный гоминъ прыроды и людей, пидъ си ласкави, тыхи почування.

— Ваня!—ласкаво, тыхо говорыть вона сладкымъ голосомъ, и хоча не знае, що сказаты ёму, але почувае потребу хочъ згукомъ голосу высловыты свое хороше, добре чуття. Катя озырается, дывытся на неи и Ивана и зновъ одвертается. Але «Ваня» ставыть чарку и, щось згадавшы, не чуе іи и, звертаючысь до Сони, що задумлыво мне повнымы, пухкымы рукамы серветку зъ инициіаламы Глыкеріи, почынае жыво говорыты:

— А таке зъявыще, якъ контрастъ? Га? Тутъ вамъ все: и історія думкы, и історія людського слова, и естетыка, и... Тутъ все! Визьмить вы хочъ таке, ну...

Иванъ водыть очыма навкругы и зупыняется на коняхъ, що пасутся биля экипаживъ.

— Ну, визьмить хочъ сыхъ коней. Дывиться, якъ переплитаются фарбы, яки контрасты, яки тоны... Чорне и биле! Одне чорне не зробыть вамъ такого вражиння, а поручъ зъ билымъ воно грае выдатну ролю, видтиняется, выступа рельефно, грае... А психыка? Напрыкладъ, цинизмъ и святисть, поручъ одно зъ однымъ. Тутъ просто духъ захоплюе! Я хочу липыты теперъ одну ричъ. Такъ, знаете, тема така—огыдлыве и гарне. Огыдлыве мусыть буты жинкою, не дуже старою, але страшенно гыдкою, зъ такымъ, знаете, розпустнымъ выглядомъ въ облыччи, зъ страшеннымъ цинизмомъ душы и тила. А поручъ молодый, гарный юнакъ зъ полумьямъ сылы и такого, знаете, захоплюючого бажання боротьбы за добро, за красу; невынный, чыстый, палкый! И одне поручъ зъ другымъ. Контрастъ якый!

Глыкерія згадуе, що той будынокъ, якый воны обдывлялысь, щобъ наняты, и въ якому вже постановылы зробыты де-яки переробкы за-для Ивановои майстерни, хазяинъ (якъ казала швачка) несподивано продае кому-сь. Певно, доведется шукать другого, або зъ новымъ хазяиномъ зновъ говорыты.

— Ваня!—клыче вона зновъ.

Иванъ озырается, кыдае «заразъ, заразъ» и зновъ звертается до Сони:

— И помитьте: таки контрасты на кожному кроци, въ кожному зъявыщи; воны миняются, чергуются, складають зъ себе самыхъ зновъ контрасты. Се така гра, знаете... я страхъ якъ люблю слидкуваты за нымы! Бувае стильки красы, стильки змисту, що ажъ знемога якась на тебе впаде.

— Ваня!!—голоснише гукае Глыкерія и чуе, якъ ій щось непрыемно-гостро проходыть у серци, а голосъ стае тонкымъ и ризкымъ. Катя зновъ дывытся на неи и на Ивана, саркастычно посмихается и одверта голову.

— Заразъ, заразъ!—кыдае «Ваня».—И выдно, що люде такъ страшенно консерватывни, пасивни. Напрыкладъ, прылипылысь до одпои формы, старои, збытои формы красы и гадають, що въ ній все, що... дійшлы до геркулесовыхъ стовпивъ!..

Глыкерія почувае, якъ гаряча хвыля кровы пидіймается ій у груды, надавлюе ихъ и вогнемъ суне до лыця. Ій соромно до болю, до скаженои злосты. О, якый соромъ! Винъ навить не хоче дывытысь на неи, а вона уявляла, що у ёго справди йе якесь чуття до неи. До неи, до цёго гострого, пацючого лыця зъ ридкымы зубамы и рябуватымы щокамы, зъ сею мизерною, жовтуватою косычкою. О, прокляття! Вона, дурепа, могла думаты, що іи милліоны, мужычи, батькивськи милліоны, яки ще, здается, пахтять вивцямы и потомъ наймытивъ, си милліоны не мають ніякого значиння для ёго. Вона, идіотка, могла думаты, що ся артыстычна, нижна натура на неи звернула свою мылостыву увагу, а не на милліоны, що воны, отъ-ци панкы, инженеры, чыновныкы, генеральськи дочкы, титулярни, благородни, що воны пьють іи вына и катаются на іи коняхъ зъ-за любовы и повагы до неи. О, прокляття!

Ій хочется, якъ, бувало, робыла малою, зъ лютымъ верескомъ упасты на землю и люто бытысь объ неи головою; хочется несамовыто схопытысь и зъ ненавыстю упьястысь нигтямы въ се нижне, брехлыве лыце зъ глыбокымы очымa; хочется дыко, по мужицькы, схопыты за край скатиркы, шпурнуты на ныхъ

сымы пляшкамы, тарилкамы и хлыскаты ихъ нею и крычаты: «геть звидсы! геть зъ мого лису, голопьяти! геть! геть!

Але вона тильки раптомъ сидае ривнише, мицно впывается рукамы въ сукню, такъ що ажъ пучкамъ боляче, и почынае важко дыхаты. Вона знае, що вона заразъ страшенно негарна, що кровъ, прылывшы до головы, робыть іи лыце не червонымъ, якъ у другыхъ, а якымсь буряковымъ, губы стають тонкымы та билымы, и гостре лыце, зъ вузькымы пронызуватымы очыма, стае ще бильшъ схожымъ на пацюче. Але ій теперъ дарма. Показать, заразъ же показать ёму и имъ, що вона хоче начхать на ныхъ, що вона и на мызыный палецъ не вважа на ихне благородство и не потребуе ихнёго товарыства.

— Треба, щобъ воно васъ захоплювало, щобъ вы не спалы!—гарно одкыдуючы свій темнорусый, шовковый чубъ, палко говорыть Иванъ. Треба змиными свои почування, тасуваты ихъ, якъ карты, вышукуваты ихъ въ кожній дрибныци, въ кожній незначній прояви всякого жыття!.. А для сёго контрастъ найбильшъ видповидае. Винъ не дае застыгнуты думци, винъ дратуе нервы... Хай погане, хай гыдке буде въ сёму контрасти,— тутъ ходыть не про фактъ, а про ваши почування...

— Ха—ха—ха!—раптомъ вырывается у Глыкеріи зъ грудей злистный, дзвинкый видъ сеи злосты смихъ.—Иванъ, Соня, Женя и ще де-хто озыраются на неи.

— Ха—ха—ха!—пидводытся вона трохы.—Се цикаво!.. Уявляю... Не фактъ, а почування. А ну, отъ визьмить, визьмить, визьмить скыньте заразъ вашъ сюртукъ и черевыкы и лизьте на дерево. А мы будемо дывытысь. Се буде тежъ контрастъ.

Иванъ трохы здывовано и пыльно дывытся на іи лыце и одповидае:

— Ну, сказаты, се буде не контрастъ, а... а видхылення видъ нормы, видъ звычайного. Воно подибне до ёго, але тильки...

— Зовсимъ не подибне!—скрыкуе ризко Глыкерія.—Зовсимъ не норма. Самый справжній контрастъ, и якъ разъ на вашъ смакъ. Отъ скыдайте сюртукъ и лизьте!

Иванъ стыскуе плечыма и одвертается, панночкы жъ сдержано сміются. Але се ще бильшъ дратуе іи. Вона стае на колина и, нервово шарпаючы хустку, говорыть:

— Ну, отъ я хочу сёго пережывання, сёго контрасту! Я хочу, щобъ вы полизлы на дерево. Иване, лизьте! Се мое бажання, зробить же!

— Се—вередування, Дико,—знехотя посмихается Иванъ, а не бажання... И воно трохы не лычыть тоби...

Глыкерія чуе, якъ нова, ще дужча хвыля несется зъ грудей въ лыце, чуе, якъ загоряются въ неи очи, але вона вже не може спынытысь. А! не лычыть? Ій зъ лыцемъ кухаркы, ій мужычци не лычыть, а якъ бы се сказала Катька, ій бы не тильки лычыло, а було бъ «справжнимъ, дужымъ, гострымъ, естетычнымъ» и всякымъ контрастомъ. Ну, такъ отъ же вона хоче сёго и такъ мусыть буты.

— Все одно—лычыть не лычыть, а я хочу! Отъ и все! Будете лизты? Ну?

Вона встае, выпрямляе свій дужый, гарный станъ зъ роскишными формамы и чекаючы дывытся на ёго. Иванъ закыдае трохы назадъ голову и, озыраючы іи зъ ныгъ до головы трохы здывованымъ, трохы зачарованымъ поглядомъ, мовчкы посмихается?

— Ну, Иване?—я чекаю.

— Не можу, Лико—жартовлыво розводыть винъ рукамы.—Сёго, ій-Богу, не можу... За таки контрасты мене до людей не пустять, а то и въ участокъ не довго. И я не розумію, що за фантазія така зразу. И сей тонъ, поза.

Винъ зновъ озыра іи зъ ныгъ до головы, дывытся на іи лыце, повне затрыманои. скаженои злосты, на били губы, на гострый, негарный нисъ, зновъ переводыть очи на чудовый, стрункый станъ, якый, здается, на жартъ хтось прытулывъ до сеи незграбнои головы. Вона бачыть ци погляды, и въ неи пролитае думка, що винъ любуется сымъ контрастомъ тила и головы. И ій ще дужче хочется зробыты щось дыке, щось образлыве для ёго.

— Не хочете?—закыда вона гордо голову.

Балачка вже й на другому кинци стыхае, и Глыкерія, не повертаючы ни головы, ни очей, бачыть, якъ Катя выясняе инчымъ прычыну суперечкы, и чуе, якъ та повынна насмишкувато и зневажлыво всмихатысь. Иванъ тежъ устае на ногы, струсюе зъ штанивъ крыхты и говорыть:

— Не то що не хочу, а просто не можу выконуваты таки, таки дыки бажання. Я просто такы дывуюсь.

Глыкерія круто повертается, такъ що подилъ сукни ажъ витеръ здійма биля неи, и крычыть до экипажывъ:

— Семенъ! Запрягай мою брычку! Хутко!

— Лико!—тыхо говорыть до неи Иванъ.—Що зъ тобою?!.. Що за фантазія? Се жъ образа...

«А мени начхать!»—хочется крыкнуты ій, але вона тильки зрывается зъ мисця и прудко йде до брычкы, биля якои, не знаючы що почати, стоить Семенъ и зъ здывованою пыкою щось говорыть до Дунькы. Глыкерія знае, що и ся буде лаять іи и судыты на кухни зъ другою прыслугою, и ій хочется кынуть ій гроши, затопать ногамы и выгнать, заразъ же выгнать.

— Чого стоишъ?! Що за разбалакування?—накыдается вона на Семена.—Запрягай!!

Вона ще трохы дывытся на похипни рухы Семена, якый почына вовтузытысь биля упряжи, потимъ повертается и иде до спильныкивъ пикнику, що збылысь до купы, тыхо балакаючы; назустричъ ій выбигае Жабурынъ и, вытыраючы невелычкымы кулачкамы свое маленьке, руденьке облыччя, почына плаксывымъ голосомъ:

— Глыкерія Панасовно! Змылуйтесь, куды жъ такъ рано? Тильки розвеселылыся—и трахъ! до-дому... А тутъ лыхтарыкы, чаёкъ, повитрячко... Глыкеріе Панасовно! Забудьте...

Глыкерія не слуха его и, звертаючысь до всихъ, говорыть холоднымъ и трохы здывованымъ тономъ:

— Панове! Мене дывуе просто... Я соби пойиду, а вы можете зоставатысь. Кучерá и покойивка и безъ мене до-дому дорогу знайдуть...

Але, кажучы се, вона вже знае, що воны ни за що не зостанутся тутъ безъ неи, безъ хазяйкы сыхъ вынъ, найидкивъ, «лыхтарыкивъ, чайкивъ», сыхъ кучеривъ и коней. Вона се бачыть вже по холодныхъ, ображеныхъ физіономіяхъ панночокъ, яки почынають розшукуваты свои капелюхы, накыдкы, рукавычкы и т. и. И ій се и прыемно, и злистно, и нибы соромно за себе. На Ивана вона не дывытся и не знае, чы винъ сердытся, чы дывытся на неи своимъ пыльнымъ поглядомъ, чы всмихается, немовъ кажучы: «о, мени се давно вже видомо».

Кони запряжени, вси розсажуются, и Глыкерія чуе, якъ Катя злистно каже:

— Я зъ сею мужычкою бильшъ николы никуды не пойиду! Николы!

Ій хтось щось тыхо одповидае, чуется смихъ, образлывый, тяжкый смихъ. Семенъ, Хома и Дунька поспишаючыся складають на свою брычку самоваръ, тарилкы, порожни пляшкы и тежъ щось говорять и сміются. На Ивана Глыкерія не дывытся, але почувае, що и винъ повыненъ тежъ сміятысь.

Вона сидае на свою маленьку на двохъ зроблену брычку, бере въ рукы вижкы и зъ замиранням̃ъ серця прыслухается, чы не чуты Ивановыхъ ступнивъ. Вона загадуе: колы винъ сяде на свое мисце поручъ зъ нею, значыть, не все ще порвано, колы жъ пиде на другый экипажъ, значыть... Ну и начхать... хай иде, все одно! Хай иде!

Вона шарпае вижкамы и злистно крычыть на коней:

— Н-но!!

— Почекайте!—чуется биля брычкы знаёмый голосъ.—Я жъ ще сяду...

Глыкерія зъ похмурымъ, напруженымъ лыцемъ зупыняе коней и чекае, покы Иванъ умощуется биля неи. Нарешти рушають; попереду Глыкерія зъ Иваномъ, потимъ два экипажи зъ останнимы и на кинци Семенъ та Дунька зъ посудою и недойиденнымы найидкамы.

Сонце нибы тежъ розсердылось и, страшенно червоне видъ гниву, показуе иноди кризь дерева свое кругле лыце; берестки,

молоди дубкы, схыляючы на заросли шпорышомъ, мало накочену дорижку свои виты, чыпляются за капелюхы, за одижъ и нибы бажають спыныты гостей.. Кони тежъ, здается, незадоволени— часто фыркають, махають хвостамы и, нибы одгоняючы оводивъ, озыраются на Глыкерію и, одвернувшысь, насмишкувато пырхають.

Глыкерія робыть выглядъ, що дуже пыльно правыть киньмы, й не озырается до свого сусиды, але знае, що винъ дывытся на неи, и ій хочется, щобъ винъ заговорывъ, бо тоди мусыть меньче дывытысь на іи надто негарне у профиль лыце, и хочется, щобъ винъ не говорывъ, бо прыйдется одповидаты, а вона чуе, що наговорыть такого, за що буде потимъ каятысь.

— Лико...—тыхо почынае Иванъ.

— Я зъ вамы не балакаю! Прошу не звертатысь!—хутко й навмысне зъ побильшеною злистю говорыть вона и шарпае вижкамы.

Иванъ хвылыну мовчыть.

— Але жъ... Хм... кумедно трохы справди,—зачынае винъ зновъ. Наробыты дурныць, образыты людей, зпоганыты имъ вечиръ—и не звертайтесь до неи...

— Чымъ я образыла? Чымъ?—швыдко поверта вона до ёго лыце й дывытся въ ёго спокійни, добри й злегка затуманени вынномъ очи.

— Чымъ? Своимъ вередуванням...

— Ха-ха-ха!..—одвертаючысь, сміется вона робленымъ смихомъ—«Вередуваннямъ»!.. А вы, а вы...—раптомъ гнивно й зъ щырымъ выбухомъ злосты повертается вона.—Вы не образылы мене? Га? Я трычи клычу васъ, а вамъ навить важко було повернуты до мене свою...—ій хочется сказаты «благородну», але вона здержуется—...свою горду голову! И вамъ бильшъ цикава Соня, нижъ та, що буде жинкою вашою. О, я знаю, все знаю! Ахъ, годи, годи!!

Вона нервово бъя вижкамы блыскучи крыжи коней, и экыпажъ стрыбае впередъ и, пидіймаючы витеръ, мынае берестки й дубкы, що хапаючысь дряпають капелюхы, крыла брычкы и зныкають позаду.

Лисокъ кинчается, и кони выносять ихъ у поле. И зразу передъ очыма имъ выдно на неби край чорнои хмары, яку наче хто-сь тильки выстромывъ зъ-за краевыду, щобъ сонце позолотыло й погрило іи своимы червонымы, якъ полумья, проминнямы.

— Все одно дощъ бувъ бы!—кыдае холодно Глыкерія до Ивана, показуючы на небо. И чы видъ сеи хмары, чы видъ того, що вона выйихала зъ лису, чы видъ мовчання Ивана, Глыкеріи ривный, довгый степъ здается якымъ-сь похмурымъ и нуднымъ. Яко-сь голо, сиро, одноманитно, а до того ще сей шырокый, велыкый шляхъ, що йде по-надъ лыскомъ и тягнется туды, у степъ, до самого миста. Покрытый весь дрибнымъ, якъ пудра, мягкымъ порохомъ, що здіймается пидъ колесамы й за возомъ, якъ дымъ, що сиро вкрывае собою на де-кильки саженивъ хлиба́, сей шляхъ зъ сирымъ запорошенымъ бурьяномъ зъ бокивъ здается схожымъ на старого, змученого, знесыленого жыттямъ чоловика.

Звернувшы на шляхъ, кони почынають чого-сь косо дывытысь у бикъ, до лиска. Глыкерія поверта туды голову и бачыть крокивъ на 30 видъ шляху яку-сь массу рудыхъ свытокъ, жовтыхъ брыливъ, чорныхъ та червоныхъ хустокъ, босыхъ нигъ, якыхъ-сь довгыхъ, билыхъ палыць, клункивъ, грабель. Воны то рухаются, то спокійно лежать на земли у холодку пидъ деревамы, тинь одъ якыхъ довгымы, незграбнымы пасмамы сягае ажъ до шляху. Биля рову, що подиляе лисъ видъ поля, горыть вогонь, а коло его стоять якись постати зъ голымы спынамы й, простягшы рукы надъ вогнемъ, щось роблять. Глыкерія дывытся на си голи, шыроки, смугляви й били спыны й ніякъ не може зрозумиты, що роблять ти люде надъ вогнемъ безъ сорочокъ. Вона озырается до Ивана и бачыть, що й той, высунувшысь зъ-за неи й прыплющывшы очи, тежъ дывытся и, выдно, такожъ не розуміе.

— Хто-то?—пытае винъ.

— Полтавци... Заробитчане...

— А що то воны роблять биля вогню?

— Не знаю... Я сама дывлюсь...

Глыкерія зупыняе коней и озырается. Зъ лису выйизжають останни экипажи и, пидйихавшы, тежъ зупыняются. Почынаются

розпытування, догадкы, миркування. Але Глыкерія не выдержуе й, звертаючысь до масы, гукае:

— Эй вы!.. Чуете?.. Эй тамъ!..

Голи спыны повертаются, але все такы держать рукы надъ вогнемъ, и не выдко добре, щó въ ныхъ йе. По масси свытокъ и брылявъ проходыть шамотиння: де хто пидводытся, де хто встае, хто стоявъ спыною, повертается лыцемъ до шляху. И Глыкерія бачыть пидъ брылямы червони й темни облыччя, якыхъ роздывытысь добре не можно. Воны щось говорять одно до одного и зновъ дывлятся на скупчени экипажи, певно не розуміючы, чого хотять видъ ныхъ си гарно одягнени, чысти, багати люде. Глыкерія зверта коней на борозну, що тягнется по́-надъ шляхомъ, обережно перейизжа іи й наблыжается по трави до заробитчанъ, середъ якыхъ шамотиння стае ще бильшымъ, а голи спыны накрываются свыткамы. Теперъ ій уже выразно выдко облыччя, тильки яки воны вси нибы однакови: темни, худи, похмури и вси наче одного якого-сь сирого колёру,—нема ни билявыхъ, ни чорнявыхъ,—уси сири. Зъ валкы выступае де-кильки мужчынъ у бряляхъ и въ гнидыхъ чумаркахъ, и одинъ зъ ныхъ, невелычкый чоловичокъ, въ шырокыхъ, выбійчаныхъ штаняхъ зъ вузькою, довгою латкою на всю холошу, пидходыть блыжче й, уклонывшысь, зкыдае брыля. Глыкерія прыдывляется й розуміе теперъ, чого вси однакови: на бороди, на вусахъ, на бровахъ, у зморшкахъ лыця, навить на віяхъ у чоловичка, якъ на бурьяни край шляху, лежыть густо сирый порохъ, що навить засохъ ёму на губахъ чорненькою ныткою. Тильки на тимьи волосся выразно чорніе.

Вона переводыть очи на другихъ и бачыть, що й ти вси покрыти порохомъ зъ нигъ до головы, такъ що выдно навить кризь розхрыстани, брудни, товсти сорочкы сири груды.

— Що вы, робыте тутъ?—пытае вона въ чоловичка.

— Спочываемо, пани,—ще разъ уклоняется винъ—зтомылысь, то й спочываемо трохы...

Други экипажи (кримъ Семенового) тежъ пидйизжають и зупыняются. Чоловичокъ дывытся на ныхъ и зтурбовано озырается до своихъ, що пидступають блыжче несмилою ходою. По

вальци заробитчанъ проходыть ще бильшый рухъ. Глыкерія бачыть, якъ, лежачы у купи, дивчата й хлопци пидводятся, сидають и почынають дывытысь у ихъ бикъ, и у дивчатъ облыччя хочъ таки жъ худи и зморени, але не сири, а червони й такъ попечени сонцемъ, що шкура въ де-якыхъ мисцяхъ пооблазыла, а носы блыщять, наче помазани саломъ. Воны, выдно, повмывалысь.

До переднёи купкы заробитчанъ пидходять други й мовчкы зупыняются биля ныхъ. Тутъ—и зовсимъ молоди хлопци-пидлиткы, и дивчата, и дядькы зъ бородамы й глыбокымы зморшкамы, повнымы пороху.

— А шо то робылы ти люде онъ-тамъ биля вогню... безъ сорочокъ?—пытае Глыкерія, показуючы головою на дымъ, що стелется по-надъ ровомъ и плыве вузькою хмарою межъ деревамы. Чоловичокъ тежъ дывытся туды и спершу не розуміе, але потимъ раптомъ засоромлюется й, ніяково всмихаючысь, каже:

— Та то, знаете, такъ... ходять коло себе трохы...

— Якъ то «ходять коло себе»?

— Та такъ, чепурятся... Звынить на слови, въ дорози завелась нужа... ну й той...

— Що??—зи страхомъ скрыкуе Глыкерія.

— Нужа, нужа... Ну, й той печуть... Вона вогню не любыть, заразъ падае. Такъ, якъ держышъ сорочку надъ вогнемъ, а вона й падае... Мыты нема колы, та й нема чого, де була яка переминна сорочына, на хлибъ перевелы...

Чоловичокъ добродушно й трохы сумно посмихается й дывытся на Глыкерію, а ій выразно вже уявляется, якъ стоять отъ-таки жъ запорошени люде и держять надъ вогнемъ брудни-брудни сорочкы... Вогонь лыже и смаже сорочку, а огыдлыви паразиты повзуть такъ тыхо, вяло и падають зъ трыскомъ въ вогонь. Брр!

— О, Боже!—повертается вона до Ивана, огыдлыво поводячы плечыма й почуваючы, якъ ій ажъ за глотку щось давыть

видъ сеи уявы. Иванъ не одповидае ій,--лыце ёму якесь напружене, скрывлене и очи дывлятся пыльно-пыльно на робитныкивъ. Зъ экипаживъ чуется: «що?.. що?.. на що»? и потимъ: «о, Боже!.. Та не може буты»!

Глыкерія злазыть зъ брычкы й на щось пидходыть блыжче до заробитчанъ. Злазють такожъ Иванъ, Катя, Гусляръ, Женя та инчи й такожъ пидходять до ныхъ.

— Чого жъ вы такъ... Хиба роботы немае?—говорыть Глыкерія.

— Хм... роботы...—посмихается чоловичокъ и почынае оповидаты, якъ воны два тыжни вже блукають одъ экономіи до экономіи, зъ миста въ мисто, й нигде не можуть знайты тыеи роботы.

— Лито, Господь ёго святый зна, выпало неврожайне. Хлиба высохлы, згорилы, скризь вправляются своимы рукамы. Що було грошенятъ зъ дому, зйилы, а теперъ хочъ жывымъ до Бога лизь. Думалось, хочъ погорюемъ лито, та все-такы прынесемъ до-дому якусь копійку, чы за землю заплатыты, чы себе прохарчуваты. А теперъ отъ-таке. Хочъ сядь та плачъ, хочъ стоячы ревы..

Чоловичокъ оповидае, а дви купы людей стоять и дывлятся одна на одну, але дывлятся не такъ, якъ незнаёми межъ собою люды, а такъ, якъ дывлятся звычайно въ музеи на вощани фигуры, тильки одна группа дывытся зъ выразомъ якого-сь жалю, огыдлывосты, страху, а друга—заздросты, похмурои тугы й ніяковосты.

— Ось зрана й маковего зёрна у роти не було,—посмихается чоловичокъ, вынувато якось дывлячысь на Глыкерію й Ивана:—люде вкрай попрыставалы. Доросле то ще такъ-сякъ телипается, а молоде зовсимъ прыпало до земли. Якъ не найдемо ще тутъ роботы, то вже й Господь святый зна, що ёго думаты дали...

Глыкерія дывытся на якого-сь хлопця годъ 14, помичае, що винъ дуже схожый на іи брата, Васылька,—таке жъ худе лычко зъ довгымъ пидбориддямъ и тонкымъ носомъ, таки жъ очи смырни и добри,—и ій стае вментъ жалько-жалько сыхъ людей.

Ій ввыжается, якъ воны лежять отъ-такымы жъ купамы де-сь на базаряхъ, чекаючы наймачивъ, якъ ганяе ихъ зъ мисця на мисце полиція, а воны несмило, покирлыво гуртомъ поступаются ій. Потимъ, не дочекавшысь въ одному мисти, идуть у друге. Идуть степомъ: степъ довгый, безкраій; зеленіють чужи хлиба, мріють могылы на обріи. А сонце пече—ни витру, ни хмары; порохъ зъ бытого шляху дымомъ лизе въ очи, въ вуха, въ нисъ, у ротъ. Хочется пыты, а воды немае, або така тепла въ баклажкахъ, що ажъ гыдко у ротъ взяты. Ногы щемлять, тило мляве, у грудяхъ страхъ за будуче и пекуче бажання йисты, йисты!

Вона озырается до экипаживъ и зустривается зъ поглядомъ Ивана.

— Отъ-се контрастъ!—говорыть Иванъ, пошыренымы й смутнымы очима показуючы на одну й другу группу.—Се справжній контрастъ.

Але Глыкерія навить не дочувае добре, що винъ каже; ій жаль, страшенно жаль заробитчанъ. Вона ничого не одповидае ёму, а найшовшы очима Семенову брычку, гукае:

— Семенъ!.. Семенъ!.. Йидь сюды!

Семенъ поверта кони, гецае на борозни и хутко пидйизжа до неи.

— Тамъ зосталось що небудь?.. Хлибъ, мясо?..—пытае вона.

— Зосталось.

— Выймай сюды все!.. Треба людямъ цимъ дать...

Зачувшы «хлибъ, мясо», полтавци якъ электрычною течіею проймаются. Воны жадно переводять очи на Семена й почынають зорыты за нымъ. Забачывшы, що винъ злизъ зъ брычкы й почавъ щось выймаы зъ неи, воны почынають посовуватысь вперёдъ, помынаты панивъ и наблыжатысь до брычкы. Глыкеріи выдно, що й чоловичкови страшенно хочется побигты туды, але винъ зъ делікатносты стоить передъ нею безъ брыля, щось говорыть и тильки иноди погляда на Семена пыльнымъ окомъ.

А Глыкеріи ажъ досадно дывытысь, якъ Семенъ, зъ своимъ звычайнымъ флегматычно-покійнымъ выглядомъ и зъ «ароматною» въ куточку рота, по-малу выйма французськи булкы, якись ко-

робкы и, морщачись видъ дыму зъ «ароматнои», що лизе ёму прямо въ око, не хапаючысь кладе до-долу.

Помитывшы щось надзвычайне биля брычкы, й остании заробитчане пидходять блыжче, й навить коло вогню никого не зостается,—валяются тильки свыткы, клункы, косы, грабли й таке инче.

Валка почынае густы, турбоватыся, чуется шопотиння:

— Прыслано панивъ зъ хлибомъ. Годувать будуть на одробитокъ.

— Де на одробитокъ?.. Це наймать заразъ будуть. Дають по 50 на своихъ харчахъ.

А въ другому мисци, надто де дивчата:

— А дывы онъ у тои, що зъ квиткамы на голови... Десь дороге! Й за пьять рубливъ не купывъ-бы!

— Цыть... Слухають.

— Та й выно имъ давать?—вмыть гукае Семенъ.

— Ахъ, Боже ты мій!—нервово повертается до ёго Глыкерія—усе, усе давай!

И ій выдно, якъ Семенъ, звертаючысь до Дунькы, що склада все на розистлану доли скатирку, стыскуе плечыма й, иронычно посмихаючысь, щось говорыть до тои. Потимъ обое беруть за кинци скатиркы и важно проходять до Глыкеріи повзъ заробитчанъ, яки почынають напираты одне на одного й зазыраты у скатирку. И писля того, якъ хто зазырне туды, по валци проходыть гоминъ и чуты:

— Паляныци!.. Ковбасы!..

А Семенъ тильки пыхкае «ароматною» й иноди строго крычыть:

— Па-а-ди́!

И колы ёго не розуміють, сердыто говорыть:

— А ну жъ зъ дорогы! Повылазыло, що несу?

Заробитчане уступаются, подаются трохы назадъ, и Семенъ зъ Дунькою урочысто проходять мижъ нымы, несучы скатирку, якъ покійныка.

— Роздавать?—зупыняючысь недалечко видъ Глыкеріи, пытае Семенъ.

По слови «роздавать» по валци, пролитае шумъ, якъ видъ подыху витра у лиси.

— Роздавай, роздавай!

— Та й выно имъ давать?

Глыкеріи хочется кынутысь на ёго й побыть ёму тымъ самымъ выномъ ёго голову.

— Семене!—зтрымуючы себе, глухо говорыть вона и мовчкы дывытся на его. Семенъ поспишно нахыляется до скатиркы и першъ усёго выймае пляшку вына.

— У що вамъ налывать?.. Давай тамъ,—крычыть винъ на заробитчанъ, що вмептъ обтовплюють ёго,—казанкы, давай горшкы.

Де хто выпручуется, бижыть до клункивъ и справди зъ казанкомъ або горщыкомъ вертается назадъ. Семенъ почынае розлываты выно, й иронычна посмишка зновъ зъявляется пидъ «ароматною». Глыкеріи навить вчувается, якъ винъ повыненъ говорыты до серьёзнои й посмутнилои Дунькы:

— Хамулы!.. Воны понимають на выни, якъ свыня на апальцынахъ. Але Дунька, выдно, не выдержуе,—нахыляется до скатиркы и, вытягшы де-кильки паляныць, почынае ломаты й роздаваты на вси бокы. Колы Семенъ лывъ выно въ казанкы, мало хто розумивъ, щó то й на що то, але колы въ рукахъ Дунькы биліе хлибъ, вси зразу почынають простягаты рукы, товпытысь, крычаты, сопты, лаятысь. Колы жъ и Семенъ тако-жъ берется за найидкы, робытся щось страшне. Гоминъ, крыкы, лайка, прохання, слёзы, звиряче ревиння, гарячи, жадни погляды, велыки, чорни рукы, змучени облыччя, брыли, хусткы, картузы,—все се мишается мижъ собою, хвылюется, кыпыть. И потимъ сей запахъ, важкый, кыслый, якый-сь запахъ поту, що кожного разу, якъ биля Глыкеріи хто проходыть зъ ныхъ зовсимъ блызько, душно обвивае іи и крутыть у носи. Серце ій чого-сь бьется дуже-дуже, а очи просто не можуть одирватысь видъ сеи дыкои, страшнои картыны.

Глыкерія, глянувшы до центру, бачыть, якъ Дунька, блида, зъ велыкымы, зляканымы очима (и черезъ се дуже гарна), хутко кваплючысь ламае хлибъ, совае въ купу рукъ, простягнутыхъ до неи, и въ купи заразъ же пидниматеся крыкъ и гамъ; якъ вона зновъ совае имъ шматкы ковбасъ, якый-сь паперъ, и се зновъ зчезае тамъ, якъ въ безодни. Ось зъ валкы, мицно трымаючы щось биля грудей, выпручылась якась дивчына и, розгорнувшы прытулене, почына йисты зъ голоснымъ цмакáннямъ балыкъ чы шынку, и очи ій бигають на вси бокы одъ страху, щобъ хто не однявъ. Балыка вмент не стае, й вопа знову пирнае у валку. Іи не пускають, але вона чепляется рукамы за бокы заднихъ, розгорта ихъ и всовуется въ середыну, не вважаючы на штовханы, якымы надиляють іи задни. Семенъ щось крычыть, але чуты тильки голосъ ёго, а сливъ не можно розибраты.

— Дядьку, мени!.. Голубчыкы!.. Ой ридни жъ! хочъ крыхотку!.. Куды?.. Ой, Бога рады!.. Не пускай!.. Не давайте ёму, винъ уже взявъ!.. Дядьку!.. А мени!.. Дивчыно, мени жъ, мени... Ой, пустить!.. Змылуйтесь...

Биля самои Глыкеріи, важко сопучы, зупыняется той самый хлопець, що дуже схожый на Васылька, и дрижачымы рукамы почынае выйматы зъ коробкы и пхаты у ротъ сардынкы. Рукы ёму залыти кровью,—выдно поризавъ ихъ объ бляшану коробку; на пидборидди тежъ кровъ, на коробци кровъ... Глыкеріи щось до болю, до мукы душыть серце; дыхаты важко одъ жалю, и хочется скажено, голосно рыдаты.

— Боже!—чуе вона за собою й озырается. Иванови очи горять, на лоби стоить питъ, губы дрижять, и самъ випъ, здается, весь дрижыть. Вона дывытся на другыхъ спильныкивъ пикнику и на всихъ лыцяхъ бачыть такый выразъ, якый бувае у людей, що дывлятся на велыку пожежу. Навить Соня якось скрывылась, напружылась и гостро дывытся у валку.

Иванъ вытырае хусткою лоба й, одвертаючысь, говорыть до Глыкеріи:

— Не можу!.. Не можу дывытысь!. Я впаду. Така картына... такый жахъ.

— Що жъ робыты, Ваню, що жъ робыты?!—скрыкуе вона розбытымъ, сыплымъ голосомъ и зъ мукою хутко, нервово дывытся то на валку, то на ёго.—Я жъ не знаю. Такъ жаль. Дывысь, той хлопець... Ахъ, винъ вже пье зъ коробкы!

Хлопець, перехылывшы высоко коробку, одхылывъ голову назадъ и жадно смокче зъ коробкы масло, яке змишуется зъ кровью й капае ёму на сорочку.

— Панове!—раптомъ чуе вона зтурбованый голосъ Кати,—буря буде. Дывиться, хмара... до-дому треба!

Глыкерія озырается. Той ригъ хмары, що перше тильки ледве стырчавъ зъ-за краевыду, теперъ розрисся, розсунувся и чорно, гризно такъ суне за сонцемъ, мовъ бажаючы дигнаты ёго и заховаты въ своихъ суворыхъ обіймахъ. А сонце, злякавшысь, сховалось уже—и тини немае, все сиро: и степъ, и шляхъ, тильки хмара яскраво чорніе на сирому неби.

Але на Глыкерію вона не робыть ніякого вражиння. Вона мало-що добачаючымъ поглядомъ тильки обкыдае небо й знову повертается до заробитчанъ. И бачыть, що Семенъ щось крычыть и махае порожнёю скатиркою, а воны не вирять ёму й, ще не пережувавшы того, що въ роти, товплятся кругъ ёго, просять, молять, зазыраютъ за ногы, нышпорять биля экипажу. Семенъ, выдно. сердытся й поглядае на Дуньку, яка ще не роздала всёго. А лыце іи яке-сь чудне, дуже блиде, скрывлене й негарне вже. Щось гостро коле у серце Глыкеріи,—вона догадуется, що Дунька плаче; стоить, роздае, а сама плаче. И хоча Глыкеріи сего добре не выдно, але іи уявляется, якъ слёзы хуткохутко выкочуются іи зъ очей, бижять по щокахъ и падають на хлибъ, на сардынкы, на балыкы.

Нема вже ничого и въ Дунькы. Выдно, що голодъ тильки роздратовано, але не втышено ни на крыхту. За те несмилывосты въ облычяхъ нема вже; де-яки, певно ти, що выпылы вына, навить выявляють щось вороже, злистне, нахабне. Глыкерія бачыть, якъ воны ходять, пиднимають крыхты зъ пидъ нигъ, дыв-

лятся на панивъ и щось говорять и сміются. Але якъ негарно, якъ терпко сміются!

— Я дамъ имъ грошей!—повертается вона до Ивана и заразъ же, не слухаючы ёго, поспишно выйма свій гаманець и нервово высыпае соби въ руку срибни, мидни й золоти монеты.

— Поможить мени!—кыдае вона до Ивана, не повертаючысь и розкладаючы на руци грощи. Иванъ хутко выймае й свій гаманець и поспишаючы, почына тежъ для чого-сь розкладаты гроши на руци.

— Слухайте!.. Ей!..—крычыть Глыкерія до робитныкивъ.

Середъ переднихъ зразу стае тыхо.

— Ось мы... вамъ хочемо трохы... грошей. Идить сюды!

— Грошей!!—бурею прокачуется по вальци, и въ одынъ ментъ Глыкерія вже ничого не бачыть й не чуе кругъ себе, кримъ довгыхъ, брудныхъ рукъ, важко сопучыхъ лыць, крыку й тяжкого запаху поту. Тыкаючи у вси бокы гроши й щось кажучы до сихъ темныхъ облычь, вона почувае, якъ хто-сь наступывъ ій на ногу й биль проходыть ій ажъ въ груды, якъ чыи-сь рукы давлять ій пальци, зъ-заду хто-сь дуже напырае и гаряче дыхае въ шыю и чуты таке сопиння, нибы хто-сь тамъ котыть щось важке-важке. А въ ухахъ ажъ ляскае видъ крыкивъ:

— Панночко!.. Ридненька!.. Ой, Боже жъ мій! Мени жъ, мени, панночко!.. А ну!.. А дывы!.. Куды?.. Пусты!.. Панночко!.. Ты вже взявъ!.. Золотый!.. Господы!.. Ой, Боже жъ мій! А мени, а мени... Тю!.. Панночко!

Глыкеріи важко дыхаты; грошей у неи вже немае, але іи все не пускають, напирають, топчуть ногы, протягують рукы, хапають іи пальци, й не то цилують, не то грызуть ихъ, лаются, крычать и, здается, вси дыхають на неи симъ запахомъ поту, свытокъ и... горилкы. Вона безпомично, зъ страхомъ озырается й хоче поклыкаты Ивана, але бачыть зъ-за брыливъ и хустокъ тильки кинчыкъ ёго чорного капелюха и чуе тежъ таки сами крыкы:

— Панычу!.. Ой, ратуйте!.. А мени жъ... Рубъ, рубъ!.. Куды?.. То пополамъ-пополамъ... Стій!.. Мени жъ, мени!.. Панычу!.. Пане!..

Вона якось выбырается зъ валкы. Гоминъ стоить страшенный, невымовный. Глыкерія бачыть, що вже биля й тыхъ спильныкивъ товплятся брыли й хусткы, а попереду всихъ высока, дужа постать парубка зъ лыцемъ турка й дыкымы очыма.

А хмара суне и, здается, сидае все ныжче та ныжче. На шляху здіймается высокый стовпъ пороху й, крутячысь, завертуючы въ себе соломынкы, пирья, трисочкы, бижыть по дорози.

— Панове! До-дому, дощъ буде!—крычыть Катя.

Але іи мало хто слуха.

До Глыкеріи пидходыть Иванъ. Винъ важко дыхае, вытырае дрижачею рукою зъ лыця пить и мае выглядъ чоловика, якый допомогавъ на пожежи, ледве вырвався самъ зъ вогню и теперъ тильки зъ жахомъ и безнадійнистю дывытся на велыґенське полумья, въ якому ёго праця пирнула безслидно, якъ крапля у мори.

— Ты знервувався дуже—зтурбовано дывытся Глыкерія на ёго биле-биле лыце, яке видъ чорныхъ очей, боридкы и капелюха здается ще билищымъ.

— Ни, такъ... трохы... А тутъ ще хмарытся...—повертается винъ до почорнилого неба:—заразъ гримъ буде.

— Пойидемъ до-дому—говорыть Глыкерія, якій видъ усёго цёго робытся въ грудяхъ якось порожне, нудно и безнадійно.

Стае темнище й темнище. Хмара ривняется вже зъ лисомъ и, нибы замыслывшысь, зупыняется надъ нымъ. Робитныкы почынають по-троху одбигать до свытокъ, до клункивъ. Де-які ще товплятся биля Жени й Саши, де-яки сварятся, крычать, лаются. На краевыди далеко-далеко моргае блыскавка.

— Панове!—плачучымъ ображеннымъ голосомъ крычыть Катя.

— Ну, що жъ це справди таке? Я боюсь... До-дому...

Раптомъ, неначе злякавшысь, що воны втичуть, звидкы-сь изъ поля налитае скаженый витеръ зъ порохомъ, зъ соломою,

зрывае капелюхы, пиднимае до горы одижъ, грывы коней и злистно накыдается на лисъ, що гризно, сердыто одповидае ёму.

Глыкерія бачыть, що до ныхъ бижать робитныкы зъ якою-сь темною и сирою одежою въ рукахъ и щось гукають заднимъ. Ти тако-жъ щось несуть и бижать до Кати, Жени й останнихъ.

— Дощъ буде, панночко!—захакавшысь говорыть одынъ изъ переднихъ, зупыняючысь передъ Глыкеріею й Иваномъ.—Укрыйтесь... Ось... що маемо... Свытку, ряденце... Воно не такъ змочыть...

— А вы жъ якъ?—вагается Глыкерія, дывлячысь то на робитныкивъ, то на Ивана.

— Э, мы!—зъ усмишкою маха вильною рукою чоловикъ.— Дощъ змые, а витеръ высуше!.. Ось... накыньте, то воно яко-сь... Берить, берить... Карпо, дай панычеви...

— Але Глыкерія помичае, що Иванъ яко-сь одсовуется, ніяково дякуе и кыдае на неи погляды.

«Нужа!»—пролитае въ неи думка, и знову щось здавлюе глотку.

— Ни, ни, спасыби!—поспишно говорыть вона.—Мы й такъ... У насъ йе зонтыкы... Мы встыгнемо ще втикты.. Спасыби, спасыби... Укрывайтесь сами, вамъ тежъ треба... А мы такъ... Иванъ, пойидемо!

Ій здается, що робитныкы догадуются, чого воны одмовляются, и ій стае ніяково—и жаль ихъ, и соромно-соромно. Але вона хутко бижыть до брычкы, вылизае й хапа въ рукы вижкы. Иванъ тежъ выстрыбуе за нею. Глыкерыя озырается й бачыть, що други экипажы вже рушылы й повертають чого-сь до лису, а на тому мисци стоять заробитчане зъ одижью у рукахъ и очевыдячкы балакають мижъ собою.

— Прощайте!--повертаючы коней до лису, кыдае Глыкерія до робитныкивъ.

— Счаслыво... Прощавайте... Спасыби вамъ... Хай вамъ... одъ Бога... Спасытели наши—чуется видъ ныхъ, але Глыкеріи чогось вчуваеться середъ сихъ подякъ не то докиръ якый-сь, не то образа...

— Эхъ, свынство!—бурчыть якось злистно Иванъ.

Глыкерія бье вижками коней, и экипажъ легко, нечутно котытся до лису. Витеръ дме имъ въ спыну, рве капелюхы, яки воны мусять прыдержуваты рукамы; лисъ шумыть и зъ погрозою хытае имъ назустричъ настобурченымъ витямъ, мовъ остерегаючы ихъ.

Въ лиси не такъ віе витеръ, але темнище, бильше шуму й страшнише. Пидъ высокымы, густымы дубамы стоять вже передни экипажи, а зъ пидъ ныхъ чуется жиночый и чоловичый смихъ, гоминъ, крыкы.

Глыкерыя выбирае густый дубъ и зупыняется.

— И мы пидъ брычку?—пытае вона у Ивана.

— А якъ кони злякаются й понесуть?

— Семенъ!!—крычыть вона.—Семенъ!!

Десь глухо одзывается Семенъ, и не дуже то хутко чорніе ёго постать середъ деревъ.

— Сюды, сюды!.. Та скорище!.. Держы коней, бо мы зализемо пидъ брычку. Семенъ у своему чекмени уже. Винъ бере коней за поводдя и мовчкы (выдно, незавдоволено) застыгае биля ныхъ. Глыкерія поспишно, нервово бере зъ брычкы кылымъ, якый бувъ на сидинни, свою кофту, зонтыкъ, пальто и подае Иванови, якый вже сыдыть пидъ брычкою. Умощуются.

— Цили баррыкады,—тыхо говорыть Иванъ, выставляючы поперéдъ себе зонтыкъ. Глыкерія мовчыть и слухае. Десь надъ нымы у гори щось гуркотыть, и ій здается, що вона сыдыть пидъ мостомъ, а надъ головою у неи по дошкахъ мосту котятся велыки, важки возы. Сыдиты трохы незручно, тисно, але за те якъ гарно, якъ затышно. Вона чуе, якъ Иванова рука нижно, тыхо обнима іи за станъ, злегка прытулюе до себе й замирае.

— Хороша моя...—чуется ласкавый, мылый, ледве чутный голосъ, и рука на стани щильнище прыгорта іи до свого теплого, любого тила.

— Тоби не холодно?—пытае вона, щобъ сказаты що нéбудь, и голосъ у неи выходыть тежъ ласкавый и мягкый. Иванъ сміется, потимъ бере іи руку, пидносыть до губъ и застыгае. А губы

ёму таки гарячи, що Глыкерыи ажъ холодно-солодко якось замирае у грудяхъ и стае чогось страшно.

«Ррра́к-рак-рак-рракъ!..—раптомъ трищыть надъ головою.

«Вву-у!.. фрр... фи-и-и!»—лютуе щось кругъ ныхъ у витяхъ, на земли, за брычкою.

— Якъ гарно!—шепче Глыкерія, стыскаючы Иванову руку, потимъ трохы мовчыть и ще тыхище пытается:

— Ты не сердышся?.. Я така дурна, божевильна...

Иванъ зновъ тыхо цилуе руку, и Глыкеріи здается, що видъ ёго гарячыхъ губъ и мягкихъ усивъ черезъ руку проходыть до неи у серце щось мырне, спокійне, нижне. Воно розходытся тамъ, гріе груды и такъ солодко стоить по всій истоти.

— Тпрру! . Стій .. Бодай ты каминемъ стала!..—чуется Семенивъ голосъ, а за нымъ:

— Вжжж... фрр... гу-у-у!..

Надъ головою щось зъ страшеннымъ трискомъ лускае и розкочуется по небу, мовъ хто покотывъ велыки гыри по мосту. Глыкерія й Иванъ ажъ здрыгуются и прытуляются ще щильнище одне до одного. Потимъ стыхае, и чуты, якъ по лиси проходыть якыйсь масивный, поважный, ривный шумъ.

— Дощъ...—шопоче Глыкерія —Змоче насъ...

— «Витеръ высуше»...—заспокоюе Иванъ словамы робитныка и змовкае.

«А у тыхъ нема брычокъ»—думается Глыкеріи, але жалю въ грудяхъ нема вже, тильки стае якось ніяково й важко, якъ у чоловика, котрый десь або набрехавъ багато, або вкравъ щось и счаслыво утикъ звидты.

— Философія...—иронычно й трохы сумно говорыть Иванъ.— Що можуть сказаты тутъ Канты, Лейбницы, Гегели для сихъ людей... Яка тутъ философія, колы тебе пече сонце, мочыть дощъ. мучыть голодъ, крывдять люде... Яка тутъ, спытатысь, може буть философія, колы твое жыття складается зъ одныхъ непрыемныхъ пережывань?.. Якый тутъ може буты категорычный императывъ, абсолютъ, колы въ тебе категорычно вымагае черево йисты?.. Философія жыття, философія морали, красы... Ни, ты дай таку фило-

софію, щобъ я мигъ навчыты сихъ людей буты счаслывымы... А ихъ милліоны, тысячи милліонивъ!..

Раптомъ по лиси проходыть велытенськый шумъ, трискъ, выття, скрыпъ деревъ, зонтыкъ зъ пидъ ихъ нигъ зрывается й вментъ зчезае десь и въ лыце имъ и на рукы холодно бье дощъ. Иванъ поспишно вгортае Глыкерію у свое пальто, допомога ій щильнище до себе систы й укрывае ногы кылымомъ. Глыкеріи стае ще затышнище, ще краще, й хочется радисно сміятысь дрижачымъ смихомъ.

А лисъ стогне, вые, якъ роздратованый, страшный звиръ. Пры свитли блыскавкы, яке нагадуе Глыкеріи трамвай, ій выдно кудлати, молоди берестки, яки сердыто настовбурчылы лыстя и гризно трипочуть нымъ. Стае темно. Потимъ зновъ блыскавка, и выдно, якъ тижъ берестки зъ розмахомъ нахыляются до землі, мовъ бажаючы щось зъ неи пидняты, й, не диставшы, одкыдаются назадъ, злистно, безсыло трипочуть кучерявымы витамы и зновъ розхытуются.. А стари дубы стоять, стогнуть и наче зъ жалемъ и тугою хытають головамы на сылкування молодижы. А тамъ, на мосту, надъ головою, здается, злетилысь дви велычезни арміи й скажено бьются. Грюкитъ гарматъ, тупотиння коней, несамовыте ревиння, все мишается въ страшенный, дужый концертъ, де можно чуты й шопотиння пекельнои злости, й грюкитъ гниву, й выття болю й ненавысты, и страхъ, и дужый, радистный поклыкъ до бою, и повне одчаю и мукы знесылля. Бій не змовкае и кровъ потоками дощу льется на лисъ, прорывае лыстя, стикае на брычку й почынае капаты за шыю й на голову Глыкеріи.

— Чудово!.. Пекельно чудово!—давыть ій холоднымы пальцямы рукы Иванъ.—Хочется бытысь, крычаты... Ухъ!

Винъ скажено прыгорта іи до себе, дрижыть весь и почынае цилуваты щокы, очи, нисъ, губы. Глыкерія сміется, але замирае вся пидъ наплывомъ чуття и почувае якусь вагу, прыемну вагу, и безсылисть въ рукахъ и ногахъ.

— Годи любый, годи—шопоче вона.

«Вжж... фрр... фи-и-и!»

— Лико!.. Я жыву!—важко дыхае Иванъ.—Ахъ, якъ я заразъ жыву!.. Могуче, дуже... Теперъ бы я на весь свитъ пійшовъ бы самъ одынъ!.. Бытысь, боротысь, мучытысь... Лико!

Глыкеріи ще бильша, ще солодча вага налягае на всю истоту и зовсимъ не хочется ни бытысь, ни страждаты.

— А я ни.. —прыхыляется вона рукою до ёго плеча.—Отъ такъ сыдила бъ, слухала бурю и... може бъ плакала... Счаслыво тильки плакала!.. Хай соби тамъ буря, а у мене такъ тыхо, такъ мырно... Справжній контрастъ!.. И зъ тобою...

Вмыть ій згадуется «вередування», и соромъ гостро коле въ серце.

— Ваню!—зъ усыллямъ каже вона.

— Я.

— Хочу прохаты въ тебе выбачення ..

— О, прошу!—жартивлыво говорыть винъ.

— Ни, Ваню, не смійся... Я знаю, що я образыла всихъ... и тебе. . Я знаю. Але мени було тяжко. Мени здавалось, що ты не вважаешъ на мене, що мене нихто не любыть, що сміются зъ мене. Ся Катя... Потимъ, потимъ я думала, що ты сватаешъ мене... такъ... Ни, не треба... Я дурна, скажена... Просты Ваню... Я бильше не буду... така... Прощаешъ?

Замисць одповиди винъ зновъ хапа іи въ обіймы и мижъ поцилункамы говорыть:

— Прощаю... Прощаю... Люблю... люблю... Чуешъ?

— Любышъ?—встыгае вона спытаты.—За що?

— За те, що ты... жыва, що ты не вымуштрована истота, а людына... За сылу твою, за... все!.. Правда, дыка трохы, але, знаешъ, я тоби скажу...

И винъ говорыть ій. Буря потроху меншае. На мосту стыхае, витеръ втомывся й не крутыть деревомъ, тильки дощъ ще зъ бильшымъ шумомъ пада на лисъ. Иванъ тежъ помалу заспокоюется и, поклавшы голову Глыкеріи соби на плече, мягко проводыть ій теплою рукою по щоци. А ій и непрыемно видъ сёго, бо знае, що винъ повыненъ своимы чуткымы, нижнымы пальцямы почувать іи ридке рябьотыння, и якось душно й солодко, й

досадно чогось. Вона прытуля його голову до себе й, закрывшы очи, почына палко цилуваты. Скильки проходыть часу такъ, вона не знае.

— Годи, кицю, годи вже!.. Пора вылизаты... Дощу вже немае...—чуе вона Иванивъ голосъ и наче прокыдается. Знявшы зъ його шыи руку, вона глыбоко, зъ дрижаннямъ зитхае й проводыть рукою по лыци. А воно таке гаряче, нибы вона не проты витру сыдила, а проты якого полумья.

Дощу вже справди немае и въ лиси выднище трохы. Десь за дубамы чуты знову смихъ, балачкы, перегукування.

— Иванъ Васылевычъ!—чуется Катинъ голосъ.—Де вы? Гого!!.. До-дому!

— Холодно, Лико, надинь мое пальто,—говорыть Иванъ, сидаючы биля неи.—Вохко, застудышся...

— Ни...—вяло бовкае вона и бере въ рукы вижкы. Вона зовсимъ не почувае ни холоду, ни вохкосты,—ій душно, чогось тяжко, чогось сумно, хочется плакать.

Зновъ рушають, тильки попереду йиде Семенъ, якый показуе всимъ дорогу. Берестки зновъ чипляются за одижъ, за брычку и наче плачуть, прощаючысь зъ гостямы й обсыпаючы ихъ краплямы дощу. Повитря легке, свиже, бадёре.

— А тыхъ вже немае...—линыво промовляе Глыкерія, выйизжаючы на шляхъ и дывлячысь на те мисце, де стоялы робитныкы. Тамъ тыхо. И тыхо скризь навкругы. Сирый шляхъ зробывсь чорнымъ и выразно темніе довгою смугою середъ хлибивъ, що здаются теперъ сирымы. Небо наче пошыршало, пиднялося дали у гору и сміется своимы зорямы.

Кони задоволено пырхають, клацають упряжю й копытамы; попереду чуется легкый смихъ и граминъ зъ экипаживъ: дме ледве помитный витеръ видъ прудкои йизды. Все спочывае видъ лютого бою. Степъ, якъ прытомленый велетень, дыхае ривно, спокійно и віе безмежною сылою. Ледве помитни покрыти хлибамы могылы плывуть и ховаются позаду; тыхо, вильно.

— Якый контрасть зъ бурею...—ледве чутно каже Иванъ.— Здается, або то бувъ тильки сонъ, або се... Але якъ гарно видъ

сихъ снивъ!.. Не дай Боже все жыття жыты симъ покоемъ, або тіею бурею...

Глыкерія раптомъ прытуляе зъ вижкамы руку до лыця и почынае, сама не знаючы чого, гирко плакаты. Иванъ змовкае й якыйсь ментъ здывовано мовчыть.

— Отъ-тоби й маешъ!—нарешти говорыть винъ.—Чого се? Що зъ тобою, Лико, голубко?..

— Такъ... не знаю... Ничого... Я заразъ...!—схлыпуе вона.

— Ну, годи жъ, годи...

Винъ бере іи за рукы й, нижно втишаючы, хоче одирваты ихъ одъ лыця. И голосъ ёму такый зтурбованый, нижный, добрый, нагадуе покійныцю-матиръ, и ще бильшъ хочется плакать видъ его.

Зъ бокивъ шляху темніють якись постати. Воны зупыняются и стоять, очевыдячкы, покы пройидуть. Колы экипажъ ривняется зъ нымы, воны зкыдають капелюхы й уклоняются.

— А отъ и полтавци наши...—каже Иванъ.—Ну, буде вже... Знервувалась ты дуже... Воны уклоняются намъ.

Постати щось говорять навить, але не чуты добре, бо воны нибы одстрыбують за экипажъ, а замисть тыхъ вже стоять нови, тежъ зъ клункамы и якымысь палыцямы на плечахъ и, тежъ уклонывшысь, зныкають за брычкою. И такъ довго, довго... Воны стоять по одному, й группамы, зъ клунками й безъ клункивъ, змочени, зъ прысталою до тила сорочкою, голодни, зморени, й ныզько вклоняются экипажамъ и конямъ, яки мовъ тикають видъ йихъ.

— Якый глумъ...—сумно говорыть Иванъ.

— Ахъ, дай ты мени спокій зъ нымы!—вмыть якось злистно скрыкуе Глыкерія.—«Глумъ, глумъ!» Наче я вынна, або можу зробыть що... А, дай спокій!

Вона бье коней, нагоняя передни экипажи, выпережа ихъ и... натыкается на «ныхъ». «Воны» рухаются, але, зачувшы стукить, зупыняются, оступаются на бикъ и, впизнавшы «благодителивъ», зкыдають капелюхы й уклоняются. Але Глыкерія не бачыть, не хоче бачыты ихъ.

— Зъ дорогы тамъ!!—крычыть вона ризкымъ голосомъ и ще дужче бье коней. Постати нибы бижать назустричъ, мыготять, зныкають позаду, але краю, здается, немае имъ. Чы видъ прудкои йизды, чы видъ сихъ людей, чы видъ чого другого, Глыкеріи почынае росты въ грудяхъ щось дыке, гостре, скажене. Вона раптомъ по кучерськы пидводытся, змахуе рукою, дыко скрыкуе, й кони, якъ выхоръ, пидхоплюють брычку, вытягують спыны й скажено несутся впередъ.

«Вжжж»...—свыстыть ій въ ухахъ.

— Лико!!.. Лико!!..—чуе вона зляканый Иванивъ голосъ; але дыке ще бильшъ розростается въ грудяхъ, розпира ихъ и рвется зъ ныхъ буйнымъ крыкомъ на волю. Й вона чуе, що колы вона крыкне, то се буде такый крыкъ, що не тильки коней, але й людей переляка. Постативъ вже не выдно на шляху, але Глыкерія зновъ пидводытся, зновъ змахуе рукою и регочучы одкыдается на спынку сыдиння. Иванъ щось говорыть, крычыть, але шумъ и свыстъ такый въ ушахъ, що ничого не можно розибраты. А кони летять; а грывы имъ мають по витри й черезъ се надають выглядъ поскаженилыхъ; брычка здрыгуется, пидстрыбуе на выбоинахъ, въ лыце летять зъ колесъ и копытъ грудкы мокрои земли, духъ захоплюе, и тильки чуты страшенный витеръ въ ушахъ, стукитъ копытъ та торохтиння брычкы. Иванъ уже мовчыть и, мицно здавывшы за ликоть Глыкерію. сыдыть безъ капелюха, и чубъ его такъ смишно лита на вси бокы.

Десь далеко почынають мыготиты вогни. Спершу два, потимъ ще одынъ, дали цилый рядъ ихъ, нарешти воны вже вкрывають всю долыну; сыни, якъ засвичени сирныкы, зелени, жовти, червони, воны то спокійно горять, то моргають, то ховаются, то зновъ выныкають.

Глыкерія почынае здержуваты коней.

— Що, гарно?—весело повертается вона до Ивана.

— Страшенно гарно... Тильки я спершу думавъ, що насъ кони понеслы...

— Ого!—зъ гордистю сміется вона.—Мене́ не понесуть... Тш-ш-ш... Воны мене люблять... и слухаются. Тш-ш, Сокилъ... Сокилъ и Орелъ... Я ихъ скажено люблю... Тш-ш-ш...

Вогни наблыжаются; де-яки ховаются, де-яки бильшають. выдно вже высоки дымари фабрыкъ и заводивъ.

— А наши десь позаду зосталысь...—говорыть Глыкерія. —Ну, треба буты паинькамы: мисто вже... Дай мени мій капелюхъ...

Иванъ пиднима зъ дна брычкы, куды вона кынула, ще выйихавшы зъ лису, капелюхъ, и подае ій.

Почынаются якись тыны, пустыри, пройизжають повзъ якись землянкы и мало не перейизжають свыню зъ поросятамы; гавкають собакы, десь грають на гармоніи, хтось лается; въ повитри стоить запахъ спаленого пирья, гною й ще чогось печеного.

— Отъ и мисто...—говорыть, зитхаючы Иванъ.—Землянкы, мищанськи хаткы, поросята, полицейськи, плата за кватырю, кумаси, пересуды,—дрибно, поганенько...—и якый контрастъ зъ тымъ покоемъ степу, прыроды, тои бури, повпій, суцильній!.. Контрасты, контрасты, контрасты!..

В. Винниченко.

Современный малорусскій театръ.

(Письмо изъ Петербурга. По поводу гастролей М. Л. Кропивницкаго и М. К. Заньковецкой).

Въ теченіе марта и апрѣля въ Петербургѣ, въ театрѣ «Неметти», играла малорусская труппа съ участіемъ двухъ корифеевъ этой сцены: г. Кропивницкаго и г-жи Заньковецкой. Странное и сложное чувство возбуждается въ душѣ воспоминаніемъ объ этихъ интересныхъ спектакляхъ, доставившихъ столько искреннихъ и глубокихъ наслажденій... Посѣщались-ли они, имѣли-ли успѣхъ? Съ внѣшней стороны—да. Присутствовавшихъ на малорусскихъ представленіяхъ было много, а на пьесахъ, идущихъ въ первый разъ, и особенно въ праздничные дни, театръ бывалъ переполненъ. При этомъ зрители не относились къ артистамъ холодно и безучастно, а, напротивъ, проявляли горячій энтузіазмъ (иногда, впрочемъ, чрезмѣрно и невпопадъ). Казалось-бы, чего-жъ и желать? хорошіе сборы и полнѣйшее сочувствіе публики»... А между тѣмъ нигдѣ и никогда намъ артисты не казались такими одинокими, неоцѣненными и непонятыми, почти обиженными, какъ именно здѣсь; и эти чувства имѣли большое основаніе. Дѣло въ томъ, что въ театрѣ присутствовала публика двухъ родовъ. Тутъ были (и это лучшая часть) земляки артистовъ, живущіе въ Петербургѣ малороссы, искавшіе въ театрѣ не столько художественныхъ наслажденій, сколько удовлетворенія своихъ національныхъ чувствъ; и затѣмъ публика совершенно случайная, сборная, со-

всѣмъ ничего не искавшая, быть можетъ, просто живущая гдѣнибудь вблизи и потому попавшая въ театръ. Конечно, артисту всякая публика хороша, если она къ нему горячо относится; и мы совсѣмъ не за то, чтобъ артисты играли только для «избранныхъ». Напротивъ, они должны воспитывать своихъ разнообразныхъ и часто разнородныхъ зрителей, оказывать на нихъ широкое вліяніе. Но ужъ слишкомъ жутко становится артисту отъ отсутствія болѣе внимательныхъ и тонкихъ цѣнителей его игры, способныхъ хоть на минуту съ нимъ слиться, проникнуть въ его душу; въ нихъ артистъ нуждается, какъ рыба въ водѣ, безъ нихъ чахнетъ его вдохновеніе. Публика же, наполнявшая театръ «Неметти», была слишкомъ случайна, нетребовательна и неразборчива. Случалось, она неистово аплодировала плохенькому каламбуру или па́ въ танцахъ, нарушая впечатлѣніе отъ сильной драматической только сцены. И жаль становилось артистовъ, одиноко ждавшихъ, пока уляжется въ публикѣ восторгъ, вызванный «гопакомъ», чтобы продолжать игру...

Но почему жъ отсутствовала болѣе интеллигентная и избранная публика, та «чуткая петербургская публика», о которой съ похвалой отзывалась въ прошломъ году Элеонора Дузе, жалѣя, что не можетъ пріѣхать и играть передъ ней? Мы не думаемъ, чтобъ это отсутствіе объяснялось отдаленностью театра «Неметти» отъ центра и чрезмѣрною «занятостью» петербуржцевъ. Вѣдь наполняла же эта публика зимой болѣе чѣмъ посредственный «Новый театръ» (г-жи Яворской) и смотрѣла шаблонную пьесу, идущую болѣе 100 разъ сряду. Нѣтъ, очевидно, причины коренятся въ другомъ. Во первыхъ, хотя имена Кропивницкаго и Заньковецкой извѣстны всѣмъ, но далеко не всѣ знаютъ, насколько это дѣйствительно крупныя силы. Въ какія бы стѣснительныя рамки онѣ ни были заключены, на какомъ бы языкѣ такіе артисты ни играли, они всѣмъ будутъ понятны, они многое могутъ дать лицамъ, не знакомымъ съ малорусскимъ языкомъ и не интересующимся малорусскою національностью. Второй причиной невниманія петербуржцевъ къ малорусской труппѣ является несомнѣнно предубѣжденіе по отношенію къ малорусскому театру вообще,

столь рѣзко выраженное въ рецензіяхъ «Новаго Вр.». Отдавъ должное талантамъ корифеевъ, рецензентъ «Н. В.» весьма пренебрежительно отзывается о малорусскомъ театрѣ. По его мнѣнію, это «театръ будущаго», который будетъ посѣщаться развѣ тогда, когда заселятся всѣ окраины; а по мыслямъ, явно сквозящимъ у рецензента между строкъ, у малорусскаго театра нѣтъ и этого будущаго, да и не можетъ быть, какъ нѣтъ у него ничего въ настоящемъ, кромѣ двухъ-трехъ именъ, которымъ въ немъ совсѣмъ не мѣсто... Къ сожалѣнію, до извѣстной степени это мнѣніе раздѣляется и настоящей интеллигентной публикой, для которой нѣтъ національныхъ предвзятостей и другихъ предразсудковъ, которая всегда готова чутко и справедливо отнестись ко всему, заслуживающему вниманія и сочувствія. Предъ этой-то публикой намъ и хочется защищать малорусскій театръ.

Малорусскій театръ прежде всего театръ очень молодой. Усиленное развитіе его началось только съ середины 80-хъ годовъ истекшаго столѣтія, послѣ того, какъ снято было запрещеніе съ малорусскихъ спектаклей, и въ немъ, конечно, есть всѣ недостатки, связанные съ молодостью. Въ количественномъ отношеніи репертуаръ его уступаетъ современному русскому, но въ качественномъ едва ли. Во всякомъ случаѣ, упрекъ въ отсутствіи репертуара является большимъ анахронизмомъ.

Въ послѣдніе 10—15 лѣтъ выдвинулась цѣлая плеяда талантливыхъ малорусскихъ писателей, написавшихъ много интересныхъ пьесъ: г.г. Панасъ Мирный, Карпенко-Карый, Старицкій, Кропивницкій и многіе другіе. Каждый изъ нихъ, какъ авторъ, не чуждъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Пьесы ихъ иногда отличаются избыткомъ сентиментализма и мелодраматизма, иногда растянутостью и другими техническими недостатками; но онѣ обнаруживаютъ въ авторахъ близкое и серьезное знакомство съ изображаемою ими жизнью и полное проникновеніе ею.

У малорусскаго театра есть одна важная особенность. Это театръ исключительно *народный* (какъ и вообще вся малорусская литература), и такимъ онъ былъ всегда. Это объясняется причинами историческими. Въ Малороссіи высшіе классы издавна

были оторваны отъ народа; въ XV и XVI в.в. они тяготѣли къ Польшѣ, испытывая на себѣ ея вліяніе, а со времени присоединенія къ Россіи, въ XVII в., слились съ интеллигенціей русской. Они вносили въ русскую культуру все, что получали отъ народа и чего не могли ему вернуть, если бъ и хотѣли, въ соотвѣтствующей національной формѣ, за неимѣніемъ на то средствъ: и школа, и языкъ, и пользующееся правами гражданства литературное слово— все было русское. Потому корень малорусской національности, всѣ ея отличительныя индивидуальныя черты сохранились неприкосновенными только въ простомъ народѣ. Жизнь этого народа и нашла себѣ полное и яркое отраженіе въ литературѣ, главнымъ образомъ въ театрѣ. Поэтому малорусскій театръ и заслуживаетъ въ такой большой степени названіе театра народнаго и національнаго.

Съ 80-хъ годовъ 19-го в. подвинулась впередъ не только теорія театральнаго малорусскаго дѣла (драматическая литература), но и практика. Изъ одной драматической труппы образовалось множество—до 50 труппъ, которыя разъѣзжали по всей Россіи и всѣмъ давали возможность познакомиться съ малорусскимъ творчествомъ. Мало-по-малу появились замѣчательные актеры, которые раздвинули горизонтъ малорусскаго театра и созданными ролями придали ему болѣе широкое общечеловѣческое значеніе. Напомнимъ, кстати, какой шумный успѣхъ имѣлъ пріѣздъ малорусской труппы въ Петербургъ въ 1897 году.

«Отцомъ» малорусскаго театра справедливо считаютъ Марка Лукича Кропивницкаго, трудившагося для родной сцены всю жизнь и много для нея сдѣлавшаго въ качествѣ артиста и драматурга. Онъ родился въ 1841 году въ херсонской губерніи; долго, по желанію отца, оставался чиновникомъ и только въ 1871 году бросилъ службу ради сцены, къ которой все время неудержимо рвался душей. Съ тѣхъ поръ онъ всецѣло посвятилъ себя любимому дѣлу, неустанно работая, какъ режиссеръ, какъ директоръ труппъ, какъ плодовитый писатель и артистъ. Въ этотъ свой пріѣздъ Кропивницкій выступалъ сравнительно мало и при томъ, главнымъ образомъ, въ небольшихъ роляхъ, явно избѣгая уто-

мительнаго репертуара. Въ немъ замѣчался какъ бы нѣкотораго рода скептицизмъ и недовольство—не то обстановкой, въ которой ему приходилось играть, не то самимъ собою, своимъ настоящимъ по сравненію съ блестящимъ прошлымъ... Въ послѣднемъ спектаклѣ («Пошылысь у дурни») на настойчивое требованіе публики повторить юмористическій куплетъ, артистъ такъ краснорѣчиво махнулъ рукой—добродушно и въ то же время нетерпѣливо. Со стороны публики было не совсѣмъ тактично приглашать своего любимца бисировать устарѣвшимъ и измѣнившимъ ему голосомъ, когда-то столь звучнымъ и красивымъ. Но если недовольство артиста было внутреннее и относилось къ самому себѣ, то онъ неправъ. Увяданія его таланта, когда онъ выступалъ, совсѣмъ не чувствовалось, можетъ быть потому, что такіе сочные, оригинальные таланты, вообще рѣдко увядаютъ; они какъ бы питаются безпрерывно множествомъ невидимыхъ родниковъ, неизсякающихъ въ душѣ артиста всю жизнь. По роду своего дарованія Кропивницкій не трагикъ, а творецъ бытовыхъ ролей, резонеръ и комикъ. Двумя-тремя штрихами онъ создаетъ живое лицо, представляетъ намъ его со всѣми его мельчайшими субъективными особенностями. Таковъ типъ козака (пожилого, съ славнымъ и добрымъ прошлымъ), вышедшаго изъ Запорожской Сѣчи, который намъ даетъ Кропивницкій въ оп. «Запорожецъ за Дунаемъ» и «Черноморцахъ», стараго Цыбули въ «Сорочинской ярмаркѣ» и типъ кулака-міроѣда въ двухъ собственныхъ пьесахъ: «Глытай або жъ паукъ» и «Олеся». Послѣдняя пьеса написана авторомъ недавно и давалась въ Петербургѣ впервые. Въ ней Кропивницкій дѣлаетъ интересную попытку изобразить нарождающееся деревенское мѣщанство, выдѣлившееся изъ крестьянской среды и идущее на смѣну угасающему дворянству. Скопивши всякими правдами и неправдами капиталецъ, лица, подобныя герою пьесы, Балтыку, скупаютъ за безцѣнокъ помѣщичьи имѣнія и становятся «панами». Мелкій деревенскій людъ всецѣло у нихъ въ рукахъ и не можетъ ступить безъ нихъ ни шагу. Кто является призанять у Балтыка муки для хлѣба, кто купить самосѣйнаго табаку, кто проситъ работы, хотя онъ всѣхъ обсчитываетъ. Балтыкъ всеси-

ленъ; деревенское общество приглашаетъ его въ церковныя старосты, презирающій его сельскій учитель—въ попечители школы... Эта пьеса, подобно большинству драмъ Кропивницкаго, лучше задумана, чѣмъ выполнена. Въ ней есть длинноты и излишній мелодраматизмъ, мѣстами она слишкомъ сентиментальна, но изображаемая среда представлена въ ней яркими, типичными чертами. Эта среда груба и безпощадна, у нея единственный кумиръ и мѣрило всѣхъ цѣнностей—рубль; но при всемъ этомъ она не лишена нѣкоторой оригинальности и обладаетъ большимъ запасомъ жизненныхъ силъ, благодаря которымъ, путемъ реакціи и моральныхъ превращеній, въ ней иногда возникаютъ очень свѣтлыя явленія. Подтвержденіемъ тому можетъ служить идеальный образъ Олеси, дочери Балтыка, стремящейся изъ своего глухого угла на курсы въ Петербургъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не брезгающей своими братьями-мужиками, съ которыми она чувствуетъ прочную связь. Тема «отцовъ и дѣтей», на ряду съ изображеніемъ разныхъ современныхъ общественныхъ явленій, усиленно эксплуатируется новѣйшими малорусскими писателями. Такъ, мы съ ней встрѣчаемся въ послѣдней пьесѣ Мирного: «Круты та не перекручуй», гдѣ изображено зло, причиняемое деревнѣ «аблокатамы». Къ сожалѣнію, г. Кропивницкій въ ней не выступалъ, но она давалась въ бенефисъ талантливаго комика малорусской труппы г. Левицкаго.

Гастроли М. К. Заньковецкой прошли съ большимъ успѣхомъ. Артистка достигла апогея славы. Ея земляки не даромъ привѣтствовали ее на бенефисѣ, какъ свѣтлую «зорю» малорусскаго театра. Она—его гордость, то лучшее и высшее, въ чемъ выразилась его творческая мощь. Но значеніе г-жи Заньковецкой этимъ не ограничивается. Она—артистка вдохновенія, глубоко *внутренняя* артистка, съ большимъ, широкимъ и разнообразнымъ дарованіемъ, создавшая не только интересные національные образы, но и общечеловѣческіе типы. Она вполнѣ проникается каждою своею ролью, одухотворяетъ ее и представляетъ намъ изображаемое лицо совершенно живымъ, часто болѣе яркимъ и индивидуализированнымъ, чѣмъ оно вышло у автора пьесы. Та-

кія артистки, дѣйствительно «творящія новый міръ», являются очень рѣдкими единицами и оставляютъ глубокій слѣдъ въ душѣ всѣхъ, кто ихъ видѣлъ. По своеобразности и самобытности таланта, по художественной отдѣлкѣ игры, необыковенной простотѣ ея и богатству артистическаго темперамента, г-жу Заньковецкую можно сравнить только съ Элеонорой Дузе. Какъ и у Дузе, у нея самые лучшіе моменты—моменты высшаго душевнаго настроенія—творчества. Въ этихъ трагическихъ мѣстахъ вы совсѣмъ не чувствуете школы, пройденной артисткой, ея предшествовавшаго обдумыванія и изученія роли, несомнѣнно очень серьезнаго и детальнаго; вы получаете дѣйствительно *новое*... Вы чувствуете, что оно не было такимъ у нея вчера и не будетъ такимъ завтра. Это-то «новое» и производитъ мгновенное превращеніе въ душѣ зрителя, раздвигая ея горизонтъ. Оно всегда равно удивительно и неожиданно для зрителя, и для самой артистки, какъ высшее чудо, доступное человѣческому воспріятію. Если къ етимъ внутреннимъ даннымъ артистки еще прибавить внѣшнія: привлекательную наружность, изящную фигуру и очень музыкальный голосъ, богатый интонаціями, то станетъ вполнѣ понятно то чарующее впечатлѣніе, которое она на всѣхъ безъ исключенія производитъ. Неудачныхъ ролей у г-жи Заньковецкой нѣтъ, какъ нѣтъ и неудачныхъ мѣстъ въ игрѣ, которая отличается большою ровностью и вѣрностью тона; а между тѣмъ ей часто приходится выступать въ несовсѣмъ удачныхъ и слабыхъ пьесахъ. Но у нея есть роли, болѣе и менѣе подходящія къ ея артистической индивидуальности, и въ зависимости отъ этого—мѣста болѣе и менѣе сильныя. «Критиковать» игру ея было бы такъ же невозможно, какъ невозможно критиковать живую жизнь. Можно только разбираться въ ней для себя, выбирать то, что субъективно болѣе цѣнно и важно.

Одной изъ самыхъ соотвѣтствующихъ г-жѣ Заньковецкой ролей является роль Натали въ «Лымеривнѣ» Мирного, которую артистка и выбрала для своего бенефиса. Наталя—богатая и сложная натура съ пылкимъ сердцемъ и твердой волей. Желанія у нея цѣльныя и стойкія, мысли ясныя. Ей не страшна ни бѣдность

ни предразсудки, ни общественное мнѣніе, лишь бы не измѣнилъ ей ея Васыль, котораго она любитъ больше всего на свѣтѣ. На опасенія ея возлюбленнаго, что она будетъ принадлежать другому, Наталя отвѣчаетъ только многозначительной усмѣшкой. Нѣтъ, она не такова, чтобъ ее можно было «выдать» замужъ. Насильно не повѣнчаютъ,—думаетъ она съ увѣренностью. Но обстоятельства сложились иначе. Вслѣдствіе козней злыхъ людей и при участіи пьяницы матери, пропившей свою дочь богатому жениху, Наталю убѣждаютъ въ томъ, что Васыль ей измѣнилъ и обѣщалъ жениться на другой. Гнѣву ея нѣтъ границъ. Изъ мести, горя и отчаянія она тоже выходитъ за ненавистнаго ей жениха, богатаго и вліятельнаго Шкандыбу. Но вскорѣ правда обнаруживается, и въ бурной душѣ Натали вспыхиваетъ яркій протестъ противъ обманувшихъ людей и пропившей ее матери. Сцена, въ которой Наталя высказываетъ матери и свекрови горькую правду, самое выдающееся мѣсто въ игрѣ г-жи Заньковецкой. Вся вулканическая, протестующая натура Натали и ея правдивость сказываются тутъ во всей силѣ. Нѣтъ для нея ничего родного и святого тамъ, гдѣ нѣтъ правды, въ томъ, чего она внутренно не признала; ни у матери, ни у мужа нѣтъ на нее никакихъ правъ, потому что они ее обманули; никого изъ нихъ она знать не хочетъ и уйдетъ отъ нихъ, куда глаза глядятъ... Встрѣтившись съ Васылемъ, Наталя вымаливаетъ у него прощеніе и безъ колебанія рѣшаетъ идти съ нимъ, какъ вольный человѣкъ, на край свѣта. Однимъ своимъ словомъ обезоруживаетъ она бросившуюся было къ Васылю соперницу. Какъ много оттѣнковъ и содержанія съумѣла вложить артистка въ это единственное, гордое слово: «мій!». Вамъ ясно, чѣмъ былъ для нея этотъ человѣкъ и какое у нея на него глубокое внутреннее право.—Я его любила, люблю и буду любить!—внѣ себя кричитъ Наталя передъ собравшимися людьми и, въ присутствіи мужа, бросается Васылю на шею. Но право Домостроя, конечно, оказывается сильнѣе. Васыля на глазахъ у Натали арестовываютъ, и самой ей предстоитъ вернуться къ постылому мужу. Видя это, Наталя мужественно закалывается со словами: «Не ёму, такъ и никому!»

Дополненіемъ къ энергичной, активной Наталѣ можетъ служить образъ, созданный г-жей Заньковецкой въ «Марусѣ Богуславкѣ». Сюжетъ этой исторической пьесы взятъ изъ народнаго преданія, относящагося къ XVI в., времени усиленной борьбы козаковъ съ турками и татарами. Послѣдніе часто покупали и похищали малорусскихъ красавицъ. Но плѣнницамъ не всегда жилось плохо. Случалось, что онѣ внушали своимъ повелителямъ очень серьезныя чувства, бывали пламенно любимы и даже пріобрѣтали вліяніе на государственныя дѣла. Но ни роскошь, ни могущество, ни любовь не могли вытѣснить изъ сердца малоросcокъ воспоминаній о далекой родинѣ и тоски по ней. Ради нея онѣ готовы были на все—на обманъ и преступленіе. Образцомъ такой героини-патріотки и является Маруся Богуславка. Она влюбилась въ своего повелителя, гирея Мюрзу, имѣла отъ него дѣтей, перешла въ его вѣру—«обасурманилась», но далекой Украины не забыла. Счастливая, любимая и любящая, она все по ней тоскуетъ. Безпрестанные переходы отъ одного настроенія къ другому и борьба между любовью къ родинѣ и чувствами къ мужу и дѣтямъ, наполняющая всю пьесу, передается артисткой съ большою тонкостью и драматизмомъ. Случайно услышанная Марусей пѣсня невольниковъ и приходъ, подъ видомъ цыганки, ея матери, потрясаютъ и рѣшаютъ исходъ борьбы. Маруся клянется обмануть своего любимаго мужа (Гирея, ставшаго пашей), вытащить у него во время сна ключи отъ тюрьмы и освободить братьевъ. Это самый яркій моментъ въ игрѣ г-жи Заньковецкой. Замѣтимъ кстати, что сильнаго впечатлѣнія артистка достигаетъ чисто внутренними средствами: ея мягкій и чрезвычайно благозвучный голосъ не издаетъ ни одного рѣзкаго звука, несмотря на волненіе и напряженіе; онъ все время совершенно естественenъ и гармониченъ. У другой артистки, не располагающей такими данными, въ этой драматической сценѣ съ ключами непремѣнно получился бы сплошной крикъ...

Интересенъ и другой женскій образъ, данный г-жей Заньковецкой въ «Мазепѣ». Марія (Муруся) въ ея изображеніи нѣсколько отличается отъ обычнаго представленія о ней. Она ме-

нѣе честолюбива, болѣе пылка и женственна, вообще болѣе *человѣчна*. Увлеченная Мазепой, она оставляетъ для него домъ—родныхъ, отца и мать. Онъ безъ труда добивается отъ нея признанія, что онъ для нея дороже всего на свѣтѣ, что еслибъ ей пришлось выбирать между нимъ и отцомъ, она выбрала бы его, Мазепу... Но на дѣлѣ это не такъ. Любящая и нѣжная Маруся не въ силахъ забыть своихъ родныхъ и, несмотря на любовь Мазепы, скучаетъ о нихъ и рвется къ нимъ. Вѣсть о несчастьи, постигшемъ ея домъ, о смерти отца, ей не по силамъ. Ея хрупкая натура не выдерживаетъ, и она кончаетъ сумасшествіемъ.

Хрупкія натуры и избранныя женскія сердца можно, вообще, считать въ такой же степени коронными ролями г-жи Заньковецкой, какъ и роли всевозможныхъ протестантокъ. Она въ нихъ безподобна и можетъ дать богатый матерьялъ не только для критической замѣтки, но и для цѣлой поэмы. Таковы въ изображеніи артистки героини пьесъ Карпенка-Караго. Это тѣ исключительныя, утонченныя души, о которыхъ можно сказать словами поэта: *Творецъ изъ лучшаго эфира соткалъ живыя струны ихъ*... Онѣ способны тонко и горячо чувствовать, словно созданы для того, чтобъ любить и быть любимыми. Онѣ довѣрчивы и полны жизнерадостности, но очень хрупки и способны разбиться отъ перваго же грубаго прикосновенія дѣйствительности. А судьба, какъ нарочно, обрушиваетъ на нихъ самые жестокіе удары, какихъ не выдержали бы и болѣе грубыя организаціи. Когда Софія (въ пьесѣ «Безталанна») говоритъ:—«Я така счаслыва... така счаслыва, що й не знаю, чы була така дру́га людына»...,—у васъ на душѣ тоже становится свѣтло и радостно; отъ одного тона ея голоса, отъ ясныхъ, сіяющихъ безмятежнымъ счастьемъ глазъ—словно солнце ворвалось въ комнату. Но тутъ же вы испытываете и смутную тревогу. Такія натуры слишкомъ много находятъ для себя и въ счастьи, и въ горѣ, слишкомъ глубоко имъ проникаются и остро его чувствуютъ; то, что для другихъ покажется пустяками, для нихъ можетъ явиться непосильнымъ бременемъ. И правда: утѣшая свою подругу, у которой взяли мужа въ солдаты, Софія говоритъ, что и представить себя не можетъ въ

ея положеніи: нѣтъ, она бъ *не могла*, она бъ не вынесла разлуки съ своимъ любимымъ Гнатомъ... А между тѣмъ тучи долго сгущались надъ головой Софіи и судьба готовила ей гораздо худшее. Вѣдь Гнатъ женился на Софіи безъ любви; только чтобъ отомстить ея сопернецѣ, своей прежней возлюбленной Варькѣ. Привлекательныя душевныя свойства Софіи и ея любовь къ Гнату не могли не вызвать въ его душѣ отклика, но это было лишь временно; старая любовь вскорѣ возрождается, и онъ начинаетъ бить и обижать свою молодую жену. Изводить Софію усердно помогаетъ ему и его мать. Злая свекруха и прежде ее достаточно донимала, но тогда ей все было ни по чемъ и она сама убѣждала его «молчать». Счастливая, она довѣрчиво прижималась къ его груди и шептала ему, что ей все равно, лишь бы онъ оставался такимъ, лишь бы онъ ее любилъ... А теперь было не то. Въ послѣднемъ дѣйствіи предъ нами совершенно другая Софія, и физически и нравственно. У нея другое лицо, другія движенія, другой голосъ—не ея звучный и разнообразный, а глухой, чуть слышный и безразличный, чуждый ей самой. Въ этой Софіи нѣтъ ничего прежняго; она сознаетъ все, что кругомъ происходитъ; на гнѣвъ, на открытое возмущеніе она не способна, да это бы ничему и не помогло, потому что тамъ, внутри, неизлѣчимая рана. Сценъ ревности она своему мужу не устраиваетъ, но своей соперницы выносить органически не можетъ; вы чувствуете, какъ она при видѣ Варьки холодѣетъ и вздрагиваетъ; отъ ея приближенія и попытки заговорить она лишается чувствъ. Когда она тяжело падаетъ передъ Варькой на «лаву», вы видите передъ собой не легкій женскій обморокъ, а дѣйствительно замертво упавшаго человѣка отъ непосильныхъ душевныхъ потрясеній.

Такой же сложный, исключительный женскій образъ создаетъ г-жа Заньковецкая изъ сироты Харитыны («Наймычка»); мы бы назвали его образомъ абсолютной и органической женской чистоты. При настоящихъ условіяхъ жизни такимъ натурамъ часто не оказывается мѣста, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Харитына кончила свою жизнь въ прудѣ. Но обманутая и поруганная своимъ покровителемъ, она высказала ему свое отвраще-

ніе и порицаніе такъ бурно, съ такимъ сознаніемъ своей правоты, что отъ ея словъ содрогнулся даже этотъ закоренѣлый развратникъ. Для Харитыны все кончено. Она и подумать не можетъ о томъ, чтобъ послѣ такого поруганія соединиться съ любимымъ парнемъ. Смѣло и спокойно говоритъ она ему, что это *невозможно*, и затѣмъ топится. Подобной чистоты нельзя создать моральными прописями,—съ нею нужно родиться... Чтобъ не растягивать своей замѣтки, не будемъ останавливаться на другихъ роляхъ г-жи Заньковецкой, напр., на Зинькѣ (въ пьесѣ «Дви симьи», Кропивницкаго), этой женщинѣ-протестанткѣ, бросавшей вызовъ за свое несчастіе не только людямъ, но и небесамъ, или на «Лисовой Квиткѣ». Послѣдняя показала бы, что артистка обладаетъ не только драматическимъ талантомъ, но и комическимъ. Впрочемъ, изъ всего предыдущаго уже должно было выясниться крупное значеніе г-жи Заньковецкой, какъ создательницы разнородныхъ женскихъ типовъ. Не только женщину-малороссу дала она намъ въ своемъ творчествѣ, а воплотила въ немъ женскую долю вообще, со всѣми ея особенностями—скорбями и радостями, надеждами и разочарованіями Мы едва ли впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что болѣе полнаго, яркаго и правдиваго выраженія доля эта въ искусствѣ еще не находила.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о труппѣ, гастролировавшей въ Петербургѣ, и о малорусскомъ театрѣ. Эту труппу нельзя назвать слабой. Она средняя. Въ ней есть очень недурныя артистическія силы, особенно среди женскаго персонала: такова г-жа Ратмирова, обладающая прекраснымъ драматическимъ сопрано, и нелишенная огонька г-жа Козловская. Въ мужскомъ персоналѣ имѣется такая крупная сила, какъ упомянутый уже нами комическій артистъ г. Левицкій; есть и удовлетворительные исполнители для маленькихъ ролей. Но непозволительно слабъ первый любовникъ, г. Марьяненко, съ которымъ г-жѣ Заньковецкой приходилось такъ много играть.

Техническая сторона при постановкѣ пьесъ, за недостаткомъ средствъ, конечно, оставляла желать многаго. Но репертуаръ составлялся очень заботливо и разнообразно. Въ 42-хъ спектакляхъ

даны были 24 новыхъ пьесы; такимъ образомъ, нѣкоторыя давались только однажды. Режиссерская часть была недурна. Всѣ артисты знали свои роли твердо, статисты и хористки вносили въ свое дѣло много жизни, что рѣдко наблюдается на такихъ маленькихъ сценахъ.

Однако, дѣйствительно хорошаго ансамбля и достойной себя обстановки малорусскій театръ дождется только тогда, когда, во первыхъ, будетъ устроена подготовительная школа для артистовъ въ видѣ правильно организованныхъ драматическихъ курсовъ; во-вторыхъ, когда театръ будетъ имѣть для себя опредѣленный пунктъ, постоянное мѣстопребываніе. Первая мысль уже повидимому близка къ осуществленію; слѣдовало бы подумать и о второй, вполнѣ назрѣвшей. Мѣстомъ, желательнымъ для обоихъ учрежденій является, конечно, историческій центръ Малороссіи—Кіевъ; а оттуда уже «образцовый» малорусскій театръ (если такой создастся) можетъ гастролировать повсюду. При близости къ народной жизни, у этого театра окажутся всѣ данныя для дальнѣйшаго развитія и процвѣтанія. Онъ можетъ быть не только памятникомъ малорусской старины, но и выразителемъ современнаго содержанія народной жизни. А при такихъ условіяхъ для него обозначено осуществленіе и чисто художественныхъ цѣлей, представляющихъ для всѣхъ равный интересъ; для тѣхъ же, кто вышелъ изъ малорусскаго народа и чувствуетъ съ нимъ духовную связь, такой театръ будетъ не только интересенъ, но и дорогъ—какъ дороги отецъ и мать.

Е. Колтоновская.

Переписка М. А. Максимовича съ П. Г. Лебединцевымъ.

(Продолженіе [1]).

1866 годъ.

Первое письмо въ 1866-мъ году написано было П. Г. Лебединцевымъ 5 января, въ отвѣтъ на послѣднее письмо М. А. Максимовича въ концѣ декабря 1865 года. Это коротенькое письмо дополнено было вторымъ письмомъ отъ 16 января. На оба эти письма, полученныя Максимовичемъ одновременно, какъ видно изъ помѣтки на нихъ, онъ сейчасъ-же отвѣтилъ письмомъ отъ 21 января. Вотъ эти письма:

Высокопочтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ!

Приношу благодарность за послѣднее письмо, завчера полученное, и привѣтствую Васъ взаимно съ новымъ годомъ, моля Бога, чтобы Онъ укрѣпилъ Ваши силы. Прилагаемая переписка говоритъ сама за себя; пошлины будутъ уплачены мною. Сто руб. сер. еще за Наума [2]) будутъ высланы въ Золотоношу съ слѣдующей почтой на Ваше имя.

Вашъ преданнѣйшій слуга П. Лебединцевъ.

5-е янв. 1866 года. Кіевъ.

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1904, № 9.

[2]) Книга Наума о велик. Божьемъ мірѣ (см. раньше: № 9, стр. 381).

Высокопочтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ!

Пока еще судъ да дѣло о выдачѣ Вашего аттестата не окончены, посылаю Вамъ еще сто рублей, слѣдуемые Вамъ изъ состоящихъ по моимъ счетамъ; положите ихъ въ капшукъ и *обгоняйтесь*, пока выдадутъ пансіонъ, ибо только капшукомъ и можно обгоняться въ жизни. Проектъ аттестата, посланный Вамъ для просмотра, вѣроятно, Вы уже получили. Не понимаю, какъ это въ университетѣ дѣлается; если Вамъ выданъ былъ аттестатъ, то въ дѣлахъ университета должна быть копія; для чего-жъ тутъ писать новый проектъ? [1]).

Письмо Ваше о праздникѣ тысячелѣтія въ Россіи христіанства печатается въ № 2-мъ, такъ какъ оно не поспѣло въ № 1-й [2]). Мысль Ваша вѣрна, и на предметъ этотъ еще никто не обратилъ вниманія нигдѣ. Но мнѣ кажется, что Россія будетъ праздновать только тысячелѣтіе отъ принятія христіанства Владиміромъ. Храмы новые намъ нужны во всякомъ случаѣ, но денегъ нѣтъ, вотъ и Владимірскій соборъ еще не оконченъ. Вчера Безакъ говорилъ, что на этихъ дняхъ рѣшается вопросъ о желѣзной дорогѣ по двумъ направленіямъ отъ Одессы чрезъ Бессарабію къ Черновицамъ, на границѣ Буковины, или отъ Одессы черезъ Балту и Подольскую губернію въ Львовъ, съ вѣтвью отъ Винницы на Кіевъ. Безака безпокоитъ, которое изъ 2-хъ направленій будетъ принято, и онъ послалъ энергическое письмо за послѣднюю линію. 19-го января, въ среду, кіевское всѣхъ сословій общество даетъ обѣдъ Лукулловскій (по 12 руб.) въ Контрактовой залѣ въ выраженіе своего сочувствія къ проведеннымъ Безакомъ русскимъ идеямъ въ юго-запад. краѣ. Горватъ изъ первыхъ поспѣшилъ подписаться, приговаривая, что онъ вполнѣ сочувствуетъ этимъ идеямъ. Кто ему повѣритъ?...

Къ Боде [3]) я посылалъ нѣсколько разъ за Актами, но все не готовы. Нужно будетъ самому зайти туда ругнуть какъ-нибудь. Документы, изданные Кояловичемъ, были получены у Литова въ небольшомъ числѣ, но быстро раскуплены; я не могъ захватить ни единаго экземпляра. О придорожныхъ крестахъ написалъ Малышевскій [4]);

---

[1]) Объ аттестатѣ своемъ писалъ Максимовичъ раньше (см. № 9, стр. 409).

[2]) См. раньше: № 9, стр. 412.

[3]) Переплетчикъ.

[4]) И. И. Малышевскій—проф. Кіев. Дух. Акад.

вещь зѣло добрая въ обличеніе желавшихъ заводить на югѣ Россіи *Нижегородское* православіе [1]). Эту книжицу вмѣстѣ съ прочими вышлю Вамъ чрезъ случай, который обѣщалъ мнѣ скоро доставить студентъ Лѣсеневичъ.

Юзефовича М. В. можете поздравить съ арендой въ 2000 руб. серебромъ, въ добавокъ къ таковому-же пансіону. Съумѣлъ сослужить службу!... Антоновичъ уже опредѣленъ въ Холмъ, но его вовсе не намѣрены выпустить изъ Кіева, такъ какъ скоро ожидается утвержденіе новыхъ штатовъ Коммиссій.

Ѳеофанъ Г. здравствуетъ, воротившись уже изъ Варшавы. Въ Варшавѣ былъ Милютинъ; тамъ рѣшено: Русь должна быть по Вислу, сообразно этому будутъ принимаемы постепенно мѣры. Зима плоха: весной въ иные дни пахнетъ. Дай Богъ скорѣе, а тамъ и лѣто Господеви благопріятно. Да укрѣпитъ Васъ Господь!

Васъ почитающій и преданный слуга прот. Петръ Лебединцевъ.

16-е января 1866 г. Кіевъ.

---

21 генв. 1866 г. М. Г.

Еще 17 генваря я получилъ пакетъ отъ Васъ, дражайшій Петръ Гавриловичъ, и того дня приготовилъ было обратно въ Кіевъ копію моего аттестата; но ѣдущій въ Кіевъ отложилъ поѣздку до сегодня, да и почта изъ Золотоноши будетъ завтра; а потому сегодня препровождаю и документы и мое челобитное благодареніе Вамъ и добрѣйшему о. Ѳаворову за благосклонное попеченіе объ этомъ въ настоящую пору немаловажномъ дѣльцѣ моемъ.

Судя по тому, что прежній подлинный аттестатъ занималъ полтора листа и полулистъ былъ гулящій, я полагаю, что для удобства въ будущихъ пересылкахъ по почтѣ, можно и теперь написать его на *двухъ* листахъ, взнеся хоть за пять листовъ краснописцу, ибо мнѣ очень желается, чтобы этотъ документъ, оставляемый на память моему Алексѣйку [2]), былъ написанъ *каллиграфически*, подобно потерянному.

---

[1]) О придорожныхъ крестахъ спрашивалъ Максимовичъ раньше (см. № 9, стр. 413).

[2]) Сынъ М. А. Максимовича.

Послѣзавтра, надѣюсь, привезутъ мнѣ и объявленіе на Ваше пятипечатное письмо, и 1-й нумеръ Вашихъ Вѣдомостей, за которыми уже я соскучился.

Мои три письма къ *гр. Блудовой* вы вѣрно получили уже...[1]). (NB. въ 3 письмѣ не забудьте побѣду подъ Вишневцемъ означить *1512* годомъ, вмѣсто *1516*-го!). Полагаю, что этихъ писемъ, если Вы ихъ помѣстите у себя, понадобится таки порядочно для основательницъ и братчиковъ; а потому прошу Васъ покорнѣйше устроить изъ нихъ брошюру съ особымъ заглавнымъ листомъ и цвѣтною оберткою экземпляровъ во *сто*—разумѣется, на мой счетъ; ибо несправедливо было бы наносить ущербъ редакціи печатью болѣе 50-ти (что ей вмѣняется въ обязанность, по примѣру Русской Бесѣды, Ж. Мин. Нар. Пр.) и притомъ облеченныхъ въ обертку полную...

Началъ было четвертое письмо и—остановился: не откуда мнѣ взять здѣсь, безъ *Актовъ* З. Р., свѣдѣнія о княгинѣ Константина Константиновича, а въ примѣчаніяхъ о. Григоровичъ, помню, приложилъ родословную. Тамъ же помѣщена и *Престорога* священника, необходимая для письма о Конст. Константиновичѣ. Всѣхъ писемъ, какъ вижу, будетъ еще *три*; нельзя ли выручить у Боде мои акты и для пересылки мнѣ отдать моей родичкѣ В. В. Марковой, у которой бываетъ сюда оказія, какъ и сейчасъ привезли письмо отъ нея и Кіевскій календарь 2 изданія отъ г. Андріяшева, которому прошу при свиданіи передать мой благодарственный поклонъ за Наума и за календарь, и замѣчаніе, что и во 2 изданіи остались ошибки: избраніе Петра Могилы было въ *1633* г., а не въ 1631; Зборовская битва и миръ въ *1649* году, а не въ 1648... вотъ что примѣтилось съ перваго взгляда.

Брошюры о крестахъ хоть и не присылайте: изъ статьи Малышевскаго вижу уже чтó они.

Попрошу Васъ всеусерднѣйше еще вотъ о чемъ: моему Алексѣйку будетъ скоро 6 лѣтъ; надо къ нему приставницу добренькую и смышленную; тутъ не могъ найти; не набѣжитъ ли подобная передъ Ваши глаза въ подвѣдомомъ Вамъ училищѣ?... Прошу Васъ имѣть это на примѣтѣ; ибо пора моей дитинѣ, не то чтобы учиться, а просвѣщаться, а не баловаться, даже и въ гульбѣ по Михайловой Горѣ. А мальчуганъ-то уродился даровитый... Да при невѣжественныхъ хохлушкахъ начинаетъ грубѣть противъ первыхъ пяти годовъ.

---

[1]) Письма о князьяхъ Острожскихъ (см. № 9, стр. 413).

Отъ всей души желаю Вамъ благоденствія и крѣпости душевной и тѣлесной на продолженіе Вашей полезной православному люду дѣятельности!

Преданный Вамъ М. Максимовичъ.

Приготовивъ къ печати продолженіе своихъ «Писемъ о князьяхъ Острожскихъ, Максимовичъ послалъ 4-ое и 5-ое письмо пакетомъ, а черезъ недѣлю выслалъ 6-ое и 7-ое при слѣдующемъ письмѣ.

Почтеннѣйшій и дражайшій Петръ Гавриловичъ!

За недѣлю предъ симъ я послалъ къ вамъ черезъ Золотоношскую почту *продолженіе* моихъ писемъ о кн. Острожскихъ (4-е и 5-е); а вотъ является къ вамъ съ поклономъ и *окончаніе* (6 и 7-е); примите ихъ благосклонно! Дѣло обошлось, по необходимости, и безъ *актовъ*, которыми я турбовалъ васъ, турбуемый на досугѣ моею историческою совѣстью, но забывая, что вамъ такъ мало досуга при многосложной службѣ вашей. Пусть же тѣ акты дожидаются моего пріѣзда въ Кіевъ, куда намѣренъ привезти и отсюда еще порядочную ношу книжно-бумажную, на продовольствіе себя будущею осенью и зимою, которыя, если дастъ Богъ вѣку, предрѣшилъ я себѣ провести непремѣнно въ Кіевѣ. Здѣсь въ эту странную зиму совсѣмъ изныдѣлъ, и особенно въ этомъ *лютомъ* мѣсяцѣ; въ послѣдніе дни его я почти такой, какъ былъ во время оно—лѣтъ за 25,—да и скучно уже становится здѣшнее безлюдье. Жду не дождусь весенняго дыханія и пути, чтобы послѣ Великодня да и въ Кіевъ!

Послѣднее письмо ваше со *ста* рублями я получилъ еще въ концѣ масляной—и съ той поры прекратилась моя корреспонденція; по случаю перемѣны почтмейстера въ Золотоношѣ, что-ли, вышла какая-то путаница, что три недѣли нѣтъ ничего мнѣ ниоткуда, даже и 3-го нумера вашихъ Вѣдомостей. Сегодня я уже рѣшительное туда пишу требованіе не задерживать получающихся на мое имя пакетовъ. Въ хандрѣ и нездоровьи я и самъ ни къ кому не писалъ, кромѣ этихъ писемъ—къ знакомой незнакомкѣ! [1]) Только Ѳедоровъ, посѣщавшій меня изъ Канева, сообщилъ меня съ нѣкоторыми новостями кіев-

[1]) Т е. Письма о князьяхъ Острожскихъ (къ граф. А. Д. Блудовой).

скими, изъ которыхъ особенно радостною была мнѣ—назначеніе *шести* тысячъ на временную комиссію. Исполать имъ за это и поможи имъ Боже, при такомъ воротѣ, благоуспѣшно и обильно черпать воду цѣлющую изъ неистощимаго кладезя старины—архива центральнаго и проч. Теперь уже и грѣшно было бы не удержать въ Кіевѣ Антоновича, какъ главнаго водочерпія. Воображаю торжествующаго теперь М. В. Юзефовича!.. Жаль, что Кіевлянина уже нѣтъ мнѣ—хотѣлось бы прочесть заобѣденное краснорѣчіе. Въ апрѣлѣ и маѣ ничего уже читать не захочется, кромѣ книги природы.. Но—отъ нынѣшней почты жду вознагражденія за трехнедѣльное пощеніе.

Отъ всей души желаю вамъ крѣпости тѣлесной и бодрости душевной, на продолженіе великопостныхъ подвиговъ, чтобы вы были благоуспѣшны во всѣхъ многосложныхъ вашихъ должностяхъ и занятіяхъ.

Вашъ преданный и почитающій васъ М. Максимовичъ.

27 февр. 1866 г. Михайлова-Гора.

Нельзя ли мнѣ прислать *одинъ*, не болѣе, оттискъ моихъ записокъ о Кіевскомъ Братствѣ, чтобы прислать нѣкоторыя *опечатки* для приложенія къ прочимъ оттискамъ, которые получу уже на мѣстѣ.

Прикажите корректору пристальнѣе наблюсти за цыфрами, особенно въ 6 письмѣ. Для меня ошибки въ годахъ—просто бѣда и обида, такъ опостыли. Такъ недавно, въ Ю. З. архивѣ зачиталъ вводную статью Иванишева и въ самомъ началѣ—«на Люблинскомъ сеймѣ *1596*» да еще крупными цыфрами! Такую небрежность вмѣняю въ преступленіе. Да! въ 5-мъ, кажется, письмѣ написано у меня Іоанъ Борзобогатый-*Красненскій*,—надо *Красенскій*.

Не дождавшись еще отвѣта отъ своего корреспондента, Максимовичъ написалъ 2 марта слѣдующее коротенькое письмо.

2 марта 1866. М.-Гора.

Я не ошибся въ ожиданіи моемъ отъ той почты, по которой отправилъ къ вамъ, достопочтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ, письмо мое съ двумя послѣдними письмами къ гр. Б. для печати. Получилъ нѣсколько пріятныхъ для себя пакетовъ, въ томъ числѣ и съ 3 и 4 нумерами Кіевск. Вѣдомостей, и брошюру Временной Коммиссіи, и Погодинское утро... отъ чтенія уже и глаза заболѣли.

Не распространяясь, однакоже, попрошу васъ покорно *на мой счетъ* подписаться въ редакціи Вѣдомостей за сей годъ—въ Варшаву на имя *Ольги Θеодоровны Кошелевой* и поскорѣе выслать всѣ отпечатанные нумера, а потомъ и слѣдующіе.—Нелишнимъ считаю сказать, что бибульная обвертка пропускаетъ сквозь себя чернилы надписей, которыми пропитываются и мараются листы нумеровъ, даже до пятаго, а потому повелите отправщику шановать книжки; а еще лучше, если бы на обвертку вообще шла бумага нѣсколько плотнѣе.—Чья это *Исповѣдь*? [1])—Кіевлянина и Трудовъ Академіи уже не присылаютъ; а я только что задумалъ было написать статейку въ Труды, раздѣлавшись съ Острожскими... Не напишу же, а займусь лучше переборкою своихъ книгъ, которыя въ страшномъ безпорядкѣ и запыленіи. Тѣмъ временемъ не наступитъ ли уже весна... Я просто изнемогъ отъ этой несносной полузимы.

Остаюсь душевно преданный вамъ М. Максимовичъ.

Въ Кіевѣ-ли еще Н. И. Розановъ? Хочу писать въ отвѣтъ. Благоволите запечатать это письмецо мое и отправить въ типографію.

Когда была, благодаря заботамъ П. Г. Лебединцева и Н. А. Θаворова, готова копія аттестата М. А. Максимовича, Лебединцевъ отправилъ ее къ нему, какъ документъ, при оффиціальной бумагѣ, въ отвѣтъ на которую Максимовичъ послалъ, яко-бы въ оффиціальномъ тонѣ, но очень игриво написанное письмо.

Распорядитель Кіевскаго училища дѣвицъ духовнаго званія. №... 2-е марта 1866 года. Кіевъ. Г-ну Статскому Совѣтнику Михаилу Александровичу Максимовичу.

Согласно требованію Вашему, имѣю честь препроводить къ Вашему Высокородію копію аттестата Вашего, полученную отъ Совѣта Университета Св. Владиміра, покорнѣйше прося о полученіи увѣдомленія.

Распорядитель Кіевскаго училища, Протоіерей Петръ Лебединцевъ

1866 года, 10 марта.

Его высокопреподобію Господину Распорядителю Кіевскаго училища дѣвицъ духовнаго званія. Честь имѣю почтеннѣйше донести,

---

[1]) Вопросъ этотъ касается статьи преосв. Порфирія Успенскаго.

что Аттестатъ мой полученъ мною сего марта 8 дня, и принятъ съ искреннею благодарностію за попеченіе о немъ, какъ вашему Высокопреподобію, такъ и добротолюбному о Христе брату нашему, господину профессору университета св. Владиміра и всечестному отцу Θаворову, о чемъ и благоволите увѣдомить при удобномъ случаѣ его Высокопреподобіе, его же образъ купно съ вашимъ въ моей душѣ и памяти моей пребываетъ выну!—И не засталъ меня тотъ Аттестатъ мой яко раба лѣниваго и каменя лежачаго, но яко труженика, обращшаго разумичныя силы своя на уясненіе святой и для всѣхъ насъ достолюбезной старины богоспасаемаго града Кіева, во свидѣтельство чему и препровождаются при семъ седмь листовъ первыхъ отъ моихъ „Археологическихъ записокъ о Кіевѣ [1])"—да не умедлять они типарнымъ дѣломъ объявитися во всеобщее извѣстіе въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, трудомъ вашего Высокопреподобія издаваемыхъ,—отъ нихъ же, и моего ради удовольствія и продовольствія соблаговолите повелѣть совершити сто отпечатковъ особо, на мое иждивеніе, толикоже благообразныхъ, яко и книжица временной коммиссіи, сего же року выданная подъ заглавіемъ *Очеркъ*, зѣло бо есть красовита не точію очесомъ тѣлеснымъ, но и мысленнымъ.

Вашего Высокопреподобія покорный слуга и пріятель Михаилъ Максимовичъ рукою власною.

Писано на Михайловой-Горѣ.

Послѣ долгаго молчанія П. Г. Лебединцевъ написалъ 22 марта письмо, въ которомъ привѣтствуетъ М. А. Максимовича съ свѣтлымъ праздникомъ и сообщаетъ кіевскія новости.

22-го марта 1866 г. Кіевъ.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Христосъ воскресе!

Привѣтствуя Васъ съ радостнымъ для христіанскаго міра праздникомъ, душевно обнимаю Васъ христовою любовію, и прошу прощенія въ молчаніи на нѣсколько уже карточекъ Вашихъ. Господь да

---

[1]) О мѣстѣ кіевской церкви св. Андрея. Археологическія письма (Кіев. Епарх. Вѣдом. 1866 г. № 11).

укрѣпить Ваши силы для блага исторической науки, для которой Вы, кажется, одинъ трудитесь на лицѣ нашего историч. юга Россіи.

Письма Ваши о князьяхъ Острожскихъ печатаются. Получилъ я и начало новаго Вашего труда—объ Андреев. церкви; онъ весьма интересенъ для Кіева и не умедлитъ появиться въ печати. Но мнѣ показалось, не назывался ли *Копыревымъ концомъ* холмъ тотъ, на которомъ хотѣлось поставить памятникъ Богдану Хмѣльницкому? На немъ красноватая, какъ будто жженая глина, какъ будто разложившійся цементъ древній. Не здѣсь ли была Симеонов. церковь?

«Исповѣдь» принадлежитъ перу преосв. Порфирія. Акты уже переплетены и отобраны, наконецъ, отъ Боде; хранятся у меня.

Иконы для Ольги Ѳ. Кошелевой окончены; завтра попрошу о. Іосифа, чтобы онъ распорядился объ отправкѣ ихъ въ Варшаву [1]).

Завтра же хочу отправить 5-ть оттисковъ Писемъ—графинѣ Блудовой. Кто то на дняхъ потребовалъ экз. Еп. В. въ Москву чрезъ Москов. почтамтъ. Подозрѣваю, что это графиня. Посылать же ей Вѣдомости я не рѣшился, такъ какъ въ Уставѣ братства сказано, что вѣсти не должны доходить до графини другимъ путемъ, кромѣ названныхъ журналовъ.

Розановъ въ Кіевѣ и ходитъ говѣть теперь въ губернат. церковь. Видѣлъ я его впрочемъ издали.

Антоновичъ остается въ Кіевѣ. Братъ написалъ Витте, что назначеніе его нужно считать несостоявшимся. Так. образомъ, Ваше желаніе исполнится для блага Коммиссіи; дай Богъ, чтобы оно было и для блага самого Антоновича. Братъ получилъ отъ Милютина письмо, въ которомъ тотъ сообщаетъ, что выписки изъ его замѣтокъ, выданныхъ въ Львовѣ, онъ докладывалъ Государю, и Государь изволилъ написать: «весьма любопытно».

Я получаю теперь «Галицкое Слово». Бѣдные русины, чего теперь они не терпятъ отъ ляшскаго большинства на Сеймѣ. Благо, что русины имѣютъ хоть свободу лаять ляховъ, да и лаютъ здорово. Я поручилъ одному пану заявить эту полемику въ Кіевлянинѣ, и кажется это скоро явится на свѣтъ. Это будетъ поучительно для ляхолюбцевъ и для ляховъ.

Безакъ 22 февраля въ С.-Петербургѣ. Главная вѣсть, имъ сообщенная въ Кіевъ,—это утвержденіе желѣз. дороги отъ Балты до Кіева

---

[1]) Объ этихъ образахъ см. раньше: № 9. стр. 405.

и назначеніе 3-хъ дивизій на эту работу. Государь самъ рѣшилъ это, присоединившись къ 5-ти голосамъ противъ 11-ти. Дай Богъ Его Величеству здоровье! Видно, онъ лучше многихъ понимаетъ общіе интересы Россіи. Серебр. свадьба будетъ праздноваться тихо въ с. Ильинскомъ; говорятъ о тоговременномъ обрученіи Наслѣдника съ Дагмарой, а свадьба якобы назначена 22-го іюля. Пишутъ также, что Государь-Наслѣдникъ намѣревается посѣтить Кіевъ въ м. маѣ. Дай Богъ намъ узрѣть Его свѣтлыя очи.

У насъ было пропустили слухъ, что Безакъ назначенъ министромъ внутр. дѣлъ; все всполошилось, но это оказалось пуфомъ.

Въ № 6-мъ мои соображенія объ улучшеніи дух. учеб. заведеній всполошили Кіев. монаховъ противъ меня. Вѣрно, пойдутъ кляузы къ Митрополиту; закричатъ: отнять редакцію. Будетъ что будетъ, а лжи во мнѣ нѣтъ никакой И Максиму Греку досталось за монастырское имѣніе!.

Южный вѣтеръ повѣваетъ, несетъ весну, а Богъ дастъ принесетъ къ намъ и тотъ пароходъ, на которомъ прибудетъ въ Кіевъ почтенный М. Александровичъ. Итакъ до свиданія. Душевно преданный съ глубокимъ уваженіемъ прот. П. Лебединцевъ.

Въ отвѣтъ на это письмо М. А. Максимовичъ написалъ 3 апрѣля преинтересное письмо съ нѣкоторыми воспоминаніями о Гоголѣ по поводу записанной имъ пѣсни о Скавикѣ. Пѣсня эта, какъ и нѣсколько другихъ, нецензурнаго характера, вписана рукою Гоголя въ рукописный сборникъ пѣсенъ (Ходаковскаго), принадлежавшій Максимовичу и теперь находящійся у меня.

3 апр, 1866 г. М. Г.

Христосъ воскресъ—во истину воскресъ!

Не успѣлъ я отправить на почту моего великоднаго письма къ Вамъ, почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ, какъ принесли мнѣ съ почты Ваше письмо и 6-й н. Вѣдомостей. И такъ, мое письмо осталось ненадобнымъ, кромѣ заглавія, на истребленіе котораго не поднялась рука и которое при семъ прилагается. Поспѣшаю отозваться моимъ искреннимъ благодареніемъ за всю вашу пріязнь и за это послѣднее письмо, содержащее въ себѣ столько любопытныхъ для меня подробностей. Слава Богу! среди суеты и слѣпоты міра сего текутъ еще

источники живой воды и свѣтитъ свѣтомъ истиннымъ... И сама природа въ нынѣшнемъ году вполнѣ у насъ отвѣчаетъ Свѣтлому празднику праздниковъ, какъ ясными и теплыми днями, такъ и ночнымъ сверканіемъ звѣзднаго неба...

И я оживаю, несмотря на подвернувшееся къ празднику душевное огорченье, которое впрочемъ проглочено уже мною, отерпѣвшимся съ молоду на перенесеніе тяжаровъ житейскихъ... Весна всегда радуетъ и оживляетъ меня, особливо въ послѣдніе, преклонные мои годы; а этотъ годъ особенно. Для вящшаго наслажденія ею, я немедленно двинулся-бы въ Кіевъ, но—парусовъ нѣтъ... Аттестатъ, за который снова благодарю и Васъ и Назарія Васильевича [1]), пошелъ уже въ ходъ; но—говорятъ—вернется изъ Полтавы развѣ къ концу мая мѣсяца... Какъ быть? приходится Васъ просить, чтобъ извѣстили меня поскорѣе, много-ли у Васъ наберется мнѣ деньги́ по редакціи, включая туда и письма объ Острожскихъ,—разумѣется, приблизительно. Другаго источника для Кіевской поѣздки не имѣю; а хотѣлось бы сильно еще хоть въ послѣднихъ дняхъ апрѣля двинуться въ Кіевъ на весь май. Если присланные Вами 200 р. отнесть на счетъ Наума, то все же таки, за исключеніемъ истраченныхъ для меня, будетъ нѣчто на мою поѣздку; а если мало, то нельзя ли какъ-нибудь тысячу Наума сбыть Литову или кому иному, съ значительною уступкою. Надо пріодѣться!

А и денегъ нѣтъ—передъ деньгами—

поютъ въ московскихъ пѣсняхъ: такъ-то и мнѣ приходится, впрочемъ не въ первый, а развѣ въ сотый разъ, услаждаться этимъ напѣвомъ А между тѣмъ я еще тѣмъ обезсилилъ свое иждивеніе, что, испытавъ плохую зимовку въ своей старой хатинѣ, заложилъ новую, чтобы поспокоить себя на случай доведется здѣсь кончить свой вѣкъ, чегобы не хотѣлось, по пословицѣ: на людяхъ и смерть красна. Веселѣй было-бы, кажется, и труженымъ костямъ моимъ, если-бы ихъ понесли, напримѣръ, хоть на Скавику, гдѣ лежитъ мой прадѣдъ у сѣверныхъ дверей церкви,—хотя про нее же есть пѣсенка и несмертельная, записанная въ моей книгѣ пѣсенъ рукою Гоголя, 1834 г. въ Петербургѣ, а въ слѣдующемъ году, будучи у меня въ Кіевѣ, онъ на-

---

[1]) Ошибочно названъ по отчеству Ѳаворовъ Назарій Антоновичъ.

строился добрымъ духомъ, такъ что съ этой поры, кажется, можно вести его душевный кризисъ: въ пять сутокъ—ни словечка зазорнаго, *крѣпкаго*, безъ чего не обходилось и въ августѣ 1850 года, когда я провелъ съ нимъ 10 дней у него въ Васильевкѣ или Яновщинѣ, и простился съ нимъ уже на вѣки... Вотъ вспомянулся мнѣ покойный другъ мой—въ конецъ Свѣтлой Недѣли, когда мой Алексѣйко дожидается въ церкви артоса;—не «*Свѣтлое-ли Воскресенье*», имъ читанное мнѣ, вдругъ сблизило со мною его душу, и мнѣ пришла на память его мысль, что у насъ прежде, чѣмъ у другихъ народовъ, воспразднуется Свѣтлое Воскресеніе Христово!—

Вашъ 6 номеръ предо мною: берусь за него, чтобы оторваться отъ овладѣвшей моею душею памяти о прошломъ. *Соображенія* Ваши—отличная статья, особливо листокъ съ 211 страницей: что правда, то правда, а ее такъ много, и такъ хорошо у Васъ высказано, что съ нею хоть на Божій судъ явиться можно...

Что же касается до *примѣчанія* Вашего на 202 страницѣ, къ выпискѣ изъ Платоновой исторіи, то Вы, отче, дали порядочнаго маху, назвавъ епископовъ *Сѣверскаго* Лежайскаго и *Подольскаго* Туптала: такихъ епископствъ и епископовъ не было тогда на бѣломъ свѣтѣ; ихъ сочинилъ авторъ Исторіи Руссовъ, также какъ и *Переяславскаго*—Яварскаго,—разумѣется, *не Конискій*, а какой-то иной даровитый мистификаторъ, написавшій эту замѣчательную исторію, изъ которой однако нельзя и не надо брать ни единаго факта для положительной исторіи. *Сѣверскаго* епископа не бывало тогда; а Михаилъ *Лежайскій* былъ архимандритъ *Новгородъ-Сѣверскій*, жившій уже въ половинѣ XVII-го вѣка; *Савва Тупталенко* впервые встрѣтился мнѣ въ книгѣ Реестровъ Войска Запорожск. 1649-го, въ числѣ рядовыхъ козаковъ кіевскаго полка, а епископа этой фамиліи не было, до св. Димитрія Савича; да и особаго *Подольскаго* епископа не было; а *Каменецъ-Подольскимъ* считался и прибавочно титуловался епископъ Львовскій *Гедеонъ Балабанъ*, котораго товарищемъ по-православію оставался еще *Михаилъ Копыстенскій*, и только; за исключеніемъ ихъ *двухъ*, всѣ *прочіе* тогдашніе епископы перешли въ унію, затянувъ въ нее и митрополита Рогозу.—

Что касается до *Копырева Конца*, то я не знаю, гдѣ хотѣли поставить памятникъ Богдану. Не тамъ ли, гдѣ у меня на *чертежѣ* древняго Кіева, въ *Кіевлянинѣ* 1840 года, помѣщена церковь *св. Симеона?* Но Крупичь-Польская Пчела заставила меня перемѣстить

ее къ мѣсту Андреевской церкви; а на томъ краю можно помѣстить церковь *св. Іоанна*, заложенную въ 1121 г. въ Копыревѣ концѣ—(должно быть, Мономахомъ); подъ горою или въ дебряхъ тутъ былъ и «огородъ св. Іоанна», поминаемый въ Кіев. лѣтоп. 1151 года. (Войска были поставлены между дебрями отъ Ольговой могилы и въ огородъ св. Іоан.). Но вотъ и Алексѣйко мой вернулся съ артосомъ...

Примѣчаніе къ моей статьѣ объ Андреевской церкви я пришлю на той недѣлѣ; и мнѣ кажется, что лучше ее помѣстить у васъ особою статьею, безъ заглавія «Археологическихъ Записокъ», которыхъ впрочемъ имѣю въ виду нѣсколько, начиная съ *Софійскаго Собора,* о немъ же покойный Иванъ Михайловичъ [1]) разсудилъ весьма не удовлетворительно и неправо; да и для меня отпечатайте только обыкновенныхъ 40 экземпляровъ.

Полтавскій директоръ, не спрося меня, представилъ, а князь Шихматовъ [2]) утвердилъ членомъ отъ министр. нар. просвѣщ. въ Золотоношскій училищный совѣтъ, куда и зовутъ на 15 апрѣля; но я поѣду съ тѣмъ, чтобы отказаться отъ этой обязанности, которая не по силамъ мнѣ старику, хотя по душѣ и не прочь бы. Меня влечетъ къ себѣ Кіевъ и его святая старина. Поможите мнѣ осѣстись въ немъ! Отъ души обнимаю Васъ, преданный Вамъ М. Максимовичъ.

Когда на Михайлову Гору пришла вѣсть о покушеніи Каракозова на жизнь имп. Александра 2-го, Максимовичъ 12 апрѣля написалъ письмо Лебединцеву, но отъ этого письма сохранился только одинъ листочекъ.

Что это за нечестіе на берегахъ Невы, въ Петроградѣ!.. И чья же это святотатственная рука—ляцкая или плантаторско-русская—поднималась на царя-Освободителя, котораго по-истинѣ можно назвать «добрымъ страдальцемъ за Русскую землю», какъ называетъ Кіевская лѣтопись Владиміра Мономаха!.. Сохрани же намъ его, Боже, для блага Русской земли, и пошли ему вѣкъ Мономаховъ, чтобы и о немъ будущій лѣтописатель сказалъ: «жилъ отъ рождества своего 73 лѣта»!

Кланяюсь Вамъ, почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ, и ожидаю благопріятной весенней погоды, чтобы хоть въ концѣ сего мѣсяца

[1]) Скворцовъ, бывш проф. богословія въ Кіевск. университ., а затѣмъ каѳедральн. прот. въ Софіевск. соборѣ.

[2]) Кн. Ширинскій-Шихматовъ, попечит. Кіев. Учебн. Округа.

пуститься въ путь, на Переяславъ разумѣется, а не Днѣпромъ, котораго теперь еще не вынесетъ мое нездоровье... Такъ холодно и вѣтряно у насъ, что едва ли теперь отважусь и на поѣздку въ Золотоношу.

12 апр.

Хотя и собрался Максимовичъ, какъ видно изъ послѣднихъ строкъ только-что приведеннаго письма, раннею весною въ Кіевъ, но слѣдующія два письма его свидѣтельствуютъ, что и въ концѣ мая полное безденежье удерживало его все еще на Михайловой горѣ.

Почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!

Что касается до моего пріѣзда въ Кіевъ, то о немъ довелось мнѣ сказать себѣ украинскою поговоркою: *нехай на Петривку!..* Не получая и доселѣ изъ Полтавы ни разсчетнаго листа на пенсіонъ, ни аттестата моего,—не вѣдая о предстоящей мнѣ Кіевской заплатѣ, я не могъ двинуться въ Кіевъ ни Днѣпромъ, ни румомъ. На этой недѣлѣ поручилъ уже найти для меня хоть полсотни въ позыку, и если найдутъ, то немедля пущусь въ богохранимый Кіевъ, хоть на малое время, чтобы исполнить свой обѣтъ; а если выйдетъ на этихъ дняхъ и пенсіонъ, то къ іюню же прибуду въ Кіевъ и съ семейкою моею.

До пріѣзда моего не печатайте статьи моей о Вздыхальницѣ: лучше будетъ повѣрить ее на мѣстѣ, вмѣстѣ съ Вами, и рѣшаемые въ ней археографическіе вопросы рѣшить окончательно, соборнѣ.

Какъ вы возмогаете о Господѣ?... Жду съ нетерпѣніемъ обнять Васъ душевно преданный Вамъ М. Максимовичъ.

21 мая 1866 г. Мих. Гора.

9-го нумера Кіев. Еп. Вѣдомостей доселѣ нѣтъ еще съ почты.

—

29 мая 1866 г. М. Гора.

Давно, давно не имѣю отзыва отъ Васъ, дорогой и почтенный Петръ Гавриловичъ, и скучаю о томъ, но не пеняю, зная, какъ много у Васъ занятій, и желая всегда сердечно Вамъ новыхъ силъ отъ Господа на ихъ продолженіе... Будучи въ Золотоношѣ 26 мая, куда ѣздилъ въ первое собраніе училищнаго совѣта, я получилъ 10 нумеръ Кіев. Еп. Вѣдомостей и вчера прочелъ его весь залпомъ, и—привѣтствую Васъ съ орденомъ св. Анны, и желаю поскорѣе видѣть на Васъ и орденъ св. Владиміра! Возрадовался я и тому, что уже былъ ходъ на Оскольдову могилу—и за это *предпразднество* готовъ раз-

цѣловать преосвященнаго Порфирія, хотя прежній предмѣстникъ его, Владиміръ, какъ-то замѣтилъ Иннокентію, меня цѣловавшему всегда во уста (даже и въ саккоссѣ и въ митрѣ, при заложеніи Университетскаго зданія), что епископу не подобаетъ цѣловаться съ міряниномъ!

Но аттестата и разсчетнаго листа на полученіе пенсіона за 1866 годъ еще нѣтъ изъ Полтавы... и я остаюсь—увы—въ совершенномъ безденежьи; но еще не въ безнадежьи достать тутъ сколько нибудь, лишь бы доѣхать до Кіева, въ упованіи, что *въ началѣ іюня* Вы припасете мнѣ заплату по редакціи—о чемъ предупредительно и убѣдительно прошу Васъ.

Съ моимъ душевнымъ почтеніемъ остаюсь преданный Вамъ М. Максимовичъ.

Передайте мое привѣтствіе и о. Оглоблину, и сердечное спасибо за его статью и благосклонное словцо обо мнѣ, старомъ кіевлянинѣ...

Очевидно, съ іюня мѣсяца 1866 года М. А. Максимовичъ переѣхалъ таки въ Кіевъ, гдѣ остался проводить зиму $186^{6}{}_{7}$ года, вслѣдствіе чего и переписка его съ Лебединцевымъ почти прекратилась; только и есть въ перепискѣ 1866 года еще двѣ записочки, писанныя въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Кіевѣ.

Почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!

Возвращая при семъ листокъ Телеграфа, прошу послѣдняго нумера Епархіальныхъ Вѣдомостей. За морозомъ и нынѣшнимъ снѣгомъ я и сегодня еще домосѣдствую съ самой пятницы; а между тѣмъ притьмомъ надобно перемѣнить квартиру и прочая, и прочая. Скучно мнѣ зимовать въ Кіевѣ... и писаніе не идетъ на умъ...

До пріятнаго свиданія!

7 дек.

—

Почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!

Вотъ и статья моя о Соф. Соб. для перваго нумера Вашихъ Вѣдомостей [1]); если будетъ угодна, то надо бы не медля и печатать, еще до наступленія святокъ. А себѣ попрошу у Васъ, тоже еще до

---

[1]) „О времени основанія Кіево-Софійскаго собора"—напечатана въ „Кіев. Епарх. Вѣдом. 1867 г. № 1.

наступленія святокъ, пятдесятъ рублей въ счетъ новаго моего заработка. Надобно же, чтобы хоть отъ редакціи «Епархіальныхъ Вѣдомостей» было чѣмъ заплатать сторублевую прорѣху въ моемъ дырявомъ карманѣ, сдѣлавшуюся по благодушію братства. Вижу по себѣ, что полы урѣжь, да утекай!

Разгулявшаяся во мнѣ простуда отбила рѣшимость на перемѣщеніе, и я остаюсь на прежней квартирѣ, не смотря на разныя ея невыгоды.

Желалъ бы получить 24 н. Еп. Вѣдомостей.

Получилъ очень любезное письмо отъ гр. Блудовой.

Желая Вамъ крѣпости и бодрости на окончаніе экзаменовъ и совершеніе прочихъ Вашихъ служебъ, остаюсь до пріятнаго свиданія душевно преданный Вамъ М. Максимовичъ.

16 дек.

Завтра утромъ хочу освободить Вашу храмину отъ моей скрыни съ книгами и остальной сотни Наумовской.

1867 годъ.

Въ этотъ годъ переписка между обоими корреспондентами оказалась очень незначительной, прежде всего потому, что Максимовичъ до наступленія лѣта жилъ въ Кіевѣ и по всѣмъ дѣламъ и интересовавшимъ его вопросамъ могъ переговорить съ Лебединцевымъ устно; развѣ только въ періоды болѣзни одного или другого обмѣнивались они записками. Такъ, въ началѣ января, очевидно, Максимовичъ извѣстилъ Лебединцева о своемъ нездоровьи, въ отвѣтъ на что и была слѣдующая записка Лебединцева.

Многоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

И у меня такая бѣда: простуда пришла, глазъ разболѣлся до того, что ночью не давалъ покою. Видно, между нашими натурами есть сочувствіе. Вчера я служилъ по случаю пріѣзда Безака и вопреки совѣту врача, но безъ худшихъ послѣдствій, благодаря теплой погодѣ.

Вашу прекрасную статью о Соф. соборѣ [1]) съ удовольствіемъ прочиталъ и приношу благодарность за это удовольствіе. Вы порѣшили

---

[1]) О вермени основ. Кіево-Соф. собора (см. выше).

довольно важный мѣстный вопросъ. Желаю Вамъ и себѣ выздоровленія и скораго свиданія.

Вашъ искренно преданный П. Лебединцевъ.

4 генв. 1867.

Въ такомъ-же родѣ и слѣдующія четыре записочки, писанныя въ январѣ и мартѣ.

Лучше ли Вамъ, почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ?.. А мнѣ сегодня еще карантинъ; безвременнымъ выѣздомъ въ субботу я поиспортилъ немного свои суставы. Всего досаднѣе, что при этомъ глаза болятъ, и домосѣдство мое малоплодно...

Тетрадь Лаврскихъ актовъ попридержите у себя до времени, ибо тамъ есть любопытныя подробности о Никифорѣ Турѣ; хотя главные акты напечатаны уже, да и второстепенные о правахъ уніатскихъ также напечатаны въ Почаевскомъ сборникѣ.

Остальныя двѣ т. Наума Андріяшевъ взялъ для своего книжнаго склада, и такимъ образомъ довершилось это дѣло. Остающую у Васъ сотню, если досужно Вамъ теперь, вручите сему подателю. А я произнесъ еще разъ спасибо Вамъ за Наума и желая Вамъ полнаго здоровья, остаюсь до скораго свиданія съ Вами.

Душевно преданный Вамъ М. Максимовичъ.

9 янв. 1867 г.

—

Какъ Вы здравствуете, почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ, ради великаго поста?.. А я нѣсколько дней уже томлюсь зубною болью и скучаю безденежьемъ; отъ первой отдѣлаюсь, можетъ быть, терпѣніемъ; а второму можете Вы пособить—присылкою моего заработка за напечатанный уже *полулистъ:* и то добре на голодные больные зубы! Благоволите-же ускорить присылкою.—Прилагаю при семъ два тома Макарьевской Исторіи Р. Ц., уже теперь не нужные для меня.

До пріятнаго свиданія! Вашъ преданный М. Максимовичъ.

2 марта. 1867.

—

Благодареніе Богу, что не болѣю, ибо болѣть нѣкогда.

Желаю Вамъ исцѣленія и отъ зубного недуга. Посылаю *двадцать пять* рублей при семъ.

Вашъ преданный П. Лебединцевъ.

2 марта 1867 г.

—

Привѣтствую Васъ со днемъ св. Благовѣщенія, препровождаю нѣсколько брошюръ и Погодинское объявленіе о его *Русскомъ*, которое благоволите перепечатать въ Еп. Вѣдомостяхъ, а къ слѣдующему ихъ номеру доставлю мою статейку, кажется, о выборѣ П. Могилы въ митрополиты [1]).

Душевно преданный Вамъ М. Максимовичъ.

25 марта 1867 г.

Зиму 1867—8 года Максимовичъ рѣшилъ опять провести на Михайловой горѣ, почему къ осени 1867 года переписка возобновилась. Первымъ откликнулся Максимовичъ, написавъ въ началѣ октября слѣдующее письмо, на которое сейчасъ-же последовалъ и отвѣтъ Лебединцева.

Добраго здоровья желаю Вамъ, почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!.. Вотъ я уже и затворился на всю предстоящую зиму въ моей Михайлогорской пустыни; а между тѣмъ книги подручныя и моя сѣросмушковая шапка—въ Кіевѣ. Безъ шапки той я обойдусь; но безъ тѣхъ книгъ, я какъ безъ руки одной буду на зиму, и мнѣ будетъ неловко,—даже и передъ Вашими Епарх. Вѣдомостями. А потому, если ѣдущій въ Кіевъ изъ Прохоровки, податель сего письма, Ник. Вас. Красникъ, возьмется допроводить сюда находящіеся у Васъ мои два сундука, то прошу Васъ передать ему оные, запечатавъ ихъ Вашею печатью. Онъ обѣщалъ мнѣ это сдѣлать, если что-нибудь особенное ему не помѣшаетъ. Съ нимъ же я препровождаю къ Вамъ пакетецъ профессору Тютчеву, который благоволите передать ему, въ его домъ—на Подвальной улицѣ, немного далѣе дома Алферьева. А когда увидите о. Желтоножскаго, то настройте его кисть на скорѣйшее живописаніе тѣхъ иконъ, о которыхъ его прошено: ждутъ ихъ нетерпѣливо и мнѣ объ нихъ напоминаютъ, а потому—надо поспѣшить исполненіемъ. Скучненько будетъ мнѣ здѣсь до весны; да нельзя уже пособить тому. Опытъ двухъ зимовокъ въ Кіевѣ показалъ, что на третью уже зиму не по силамъ и не по лѣтамъ отваживаться мнѣ безъ готовой на то деньги!.. Да, видно я не очень нуженъ для Кіева, когда

---

[1]) Замѣтка къ акту избранія Петра Могилы въ митрополиты кіевскіе (1867 г. № 8).

никто изъ имущихъ власть или деньги кіевлянъ не порадѣетъ моему тамъ пребыванію. Даже и почтенный предсѣдатель нашей коммиссіи—казавъ панъ кожухъ дамъ, да й слово ёго тепле... Но съ наступленіемъ осенняго тепла, я надѣюсь и безъ ихъ кожуха обойтись и таки буду въ необходимомъ для души моей Кіевѣ, если Богъ не возьметъ моей души къ тому времени въ селенія нездѣшнія...

Еще разъ желаю Вамъ отъ всей души добраго здоровья и бодрости на продолженіе вашихъ полезныхъ трудовъ и съ моимъ неизмѣннымъ къ Вамъ почтеніемъ и пріязнію остаюсь навсегда преданнный Вамъ.

М. Максимовичъ.

5 окт. 1867 г. М. Гора.

Высокопочтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ!

Слава Богу, что Вы, наконецъ, подали вѣсточку о себѣ, а то я уже не разъ задавалъ себѣ вопросъ о Вашемъ здоровьи. Не забывайте же насъ: если у Васъ нѣтъ книгъ, то найдется все-таки листочекъ бумаги.

Письмо Тютчеву отправляю теперь же съ человѣкомъ или съ племянникомъ. Сундуки предоставляю г. Краснику взять; но боюсь, какъ бы онъ не отказался, ибо, глядя на нихъ, онъ что то нерѣшительно брался.

По отъѣздѣ Вашемъ мы и м. Евгенія вспомянули на университ. актѣ устами Назарія Антоновича, и епархію объѣхали, и великаго князя Алексѣя Александровича и митрополита Арсенія проводили въ Петербургъ. Въ минувшую поѣздку былъ я на мѣстѣ казни Кочубея и Искры въ м. Борщаговкѣ за Сквирою. Съ Искрой и Кочубеемъ казненъ и іерей одинъ, котораго имя сохраняется. Всѣ они до казни содержались въ тюрьмѣ, которая была на огородѣ нынѣшняго священника. На могилѣ—мѣстѣ казни, гдѣ іерей и поднесь остался, стоялъ крестъ, но отъ времени уже давненько повалился: по моему докладу, Владыка благословилъ поставить новый крестъ. Въ Борщагов. церкви имѣется Апостолъ, изданный въ Кіевѣ при благородномъ И. С. Мазепѣ; въ уман. уѣздѣ въ с. Обозовкѣ таковое же Евангеліе. Болѣе сихъ вещей нигдѣ не встрѣчается. Былъ я и въ с. Оситной, гдѣ еще извѣстна хата Гонты.—Какая богатая растительность въ липов. уѣздѣ по границѣ подол. губерніи! Это страна, кипящая яблоками, сливами и грушами. Былъ даже и на Лысой горѣ—прекрасная мѣстность.

Въ церквахъ пограничныхъ съ подольск. губерніей иконостасы прекрасные, какъ по живописи, такъ и по рѣзьбѣ, и всѣ дѣланы въ Львовѣ, въ концѣ прошлаго вѣка, за времена уніи. Сколько еще было православія въ тогдашней уніи, и нынѣ въ Польшѣ!..

Но будь она не ладна: это страна поѣдающая. Въ ней овдовѣли два самыхъ близкихъ моихъ: Крыжановскій и Θеофанъ Гавриловичъ. Первую Вы не знали, а Юлію Александровну, вѣрно, помните. Увы! и она скончалась 14-го сентября, оставивъ мужа съ 3-мя мальчиками. Грустно и очень грустно..., тѣмъ болѣе, что я посредствовалъ переселенію ихъ въ Царство Польское.

Послали-ли къ Вамъ вновь вышедшій томъ коммиссіи? Юзефовичъ здравствуетъ и можетъ благоденствовать. Ригельманъ возвратился изъ Парижа въ Кіевъ, сынъ при немъ. Галагана еще нѣтъ, но матушка Комаровская уже вчера прибыла въ Кіевъ.

Мелхиседекъ Вашъ переданъ въ Академію.

Безъ книгъ вспомните что-нибудь о м. Евгеніѣ для Епарх. Вѣдомостей; о семъ моя покорнѣйшая просьба.

Душевно желаю Вамъ добраго здоровья и Вашему семейству и во всемъ благоденствія Вашъ преданный покорный слуга П. Лебединцевъ.

8-е окт. 1867 года. Кіевъ.

Къ концу года оба корреспондента, по обычаю, обмѣнялись поздравительными письмами съ наступающимъ новымъ годомъ, при чемъ оба письма писаны почти одновременно, такъ-что одно не составляетъ отвѣта на другое.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Привѣтствую Васъ съ новымъ годомъ, душевно желая и моля Бога, чтобы укрѣпилъ Ваши физическія силы и чтобы Господь хранилъ Васъ и Ваше семейство въ здравіи и благополучіи.

Въ сентябрѣ или октябрѣ я отправилъ къ Вамъ письмецо чрезъ Золотоношу, но отъ Васъ доселѣ не имѣлъ удовольствія получить ни единой строчки, кромѣ записочки о выдачѣ Вашихъ сундуковъ, которые и высланы. Исправно ли дошли они къ Вамъ? Покорнѣйше прошу подать какую-нибудь вѣсточку о себѣ не только для меня, но и для многихъ Вашихъ почитателей.

Между тѣмъ приношу Вамъ глубокую благодарность за статейку о названіи Кіевской Руси [1]). Она положитъ конецъ всякимъ прекословіямъ и пустословіямъ объ этомъ предметѣ Статья эта напечатана въ № 1-мъ Кіев. Еп. Вѣдомостей за 1868 годъ, и печатаются для Васъ 40 оттисковъ. Такъ какъ Вы начали Новый годъ Еп. Вѣдомостей, то прошу продолжать, и особенно повторю мою просьбу усерднѣйшую написать хоть нѣсколько словъ въ воспоминаніе о м. Евгеніи — о Вашемъ знакомствѣ съ нимъ, объ отношеніи его къ университету кіевскому, о достоинствѣ его историч. трудовъ и личности какъ обязательнаго ученаго. При неопредѣленныхъ отзывахъ о немъ нѣкоторыхъ господъ и даже самой Академіи наукъ въ 18-й день декабря, Ваше слово, хотя и краткое, много будетъ значить—уже потому, что это слово Ваше. Съ него и желалъ бы начать рѣчь о м. Евгеніи, отъ которой доселѣ удерживался. Время еще не ушло, хотя 18 декабря и миновало его столѣтіе, ибо 22 февраля день кончины м. Евгенія. Покончивши съ памятью свѣжею м. Филарета, начнемъ о Евгеніѣ. Здѣсь—въ Кіевѣ теперь и Пономаревъ [2]) со всѣми матеріалами для біографіи м. Евгенія. Статьи въ Кіев Еп. Вѣд. о м. Филаретѣ—его же рукодѣлія. Живая душа! И онъ присовокупляетъ свою просьбу къ моей. Похваляя Евгенія, въ С.-Пет. Вѣдомостяхъ прибавляютъ, однако жъ, что онъ «не проложилъ новыхъ путей въ литературѣ». Но собрать матеріалы для 2-хъ Словарей о писателяхъ россійскихъ и издать ихъ развѣ не значило проложить путь для Греча, Филарета черниг. и т. д.? Собрать матеріалы для 6 т. исторіи Росс. Іерархіи и выдать такія монографіи, какъ Описаніе лавры и Соф. собора, развѣ не значило проложить путь историкамъ рус. церкви?

Въ Кіевѣ, кромѣ панихидъ въ лаврѣ, Братскомъ и Соф. соборѣ, особеннаго ничего 18-го декабря не было по извѣстной причинѣ. Преемникъ м. Филарету, вѣроятно, явится въ новый годъ. Кандидатами называютъ Иннокентія камчатскаго, Димитрія одесскаго и Леонида—викарія московскаго.

Безака ждали обратно изъ С.-Петербурга въ половинѣ января. Онъ представилъ проектъ раскрѣпощенія отъ приписки къ дух. званію

---

[1]) О названіи Кіевской Руси Россіею. (1868 г. № 1; перепечатана съ газ. „Москвичъ“ 1868 г. № 25 и въ „Кіев. Телегр.“ 1868 г. № 7).

[2]) С. И. Пономаревъ, извѣстный своими трудами, особенно по библіографіи.

дѣтей священно-и церковнослужительскихъ въ юго-зап. краѣ, чтобы изъ лишняго ихъ запаса образовать среднее русское сословіе, котораго здѣсь нѣтъ, и для сего дать имъ права личнаго дворянства и внѣ службы государственной. Этотъ проектъ одобренъ государемъ, прошелъ комитетъ министровъ и получилъ согласіе оберъ-прокурора св. Синода. Осталось только исполнить надъ нимъ законодат. обряды. Такимъ образомъ будетъ 19-е февраля и для православ духовенства.

Новый попечитель кіев. учеб. округа Антоновичъ еще не прибылъ въ Кіевъ. Говорятъ, что онъ умный и добрый человѣкъ, хотя и состоитъ по Армейской пѣхотѣ. Воспитанникъ москов. университета.

Мой усердный и нижайшій Вамъ поклонъ Васъ истинно почитающій Петръ Лебединцевъ.

29-е дек. 1867 г. Кіевъ.

Почтеннѣйшій и дражайшій Петръ Гавриловичъ!

Привѣтствую Васъ съ настоящимъ Новымъ Годомъ и желаю Вамъ отъ всего сердца моего новыхъ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, на продолженіе вашихъ благихъ подвиговъ, отъ которыхъ столько добраго Кіеву и его люду.

Простите меня, что не написалъ Вамъ отвѣта на Ваше любезное мнѣ письмо отъ 8 октября; я думаю, что отвѣтъ мой внятенъ былъ Вамъ и безъ моего письмена... Что же касается до воспоминанія о Евгеніѣ, то я начиналъ писать, но прочитавъ прекрасное слово о. Ѳаворова въ Вашихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, нашелъ излишнимъ для нихъ мое писаніе и бросилъ его. Но я мысленно соприсутствовалъ Вамъ въ Софійскомъ соборѣ, при Вашемъ соборномъ поминовеніи достопамятнаго кіевскаго іерарха-историка; я съ благодарностью воспоминалъ вечера, проведенные въ бесѣдѣ съ нимъ во дворѣ Софійскомъ, и тотъ свѣтлый Владиміровъ день 1834 года, когда Евгеній благословлялъ торжественное открытіе университета св. Владиміра, и я съ сердечнымъ трепетомъ подписалъ ему первый дипломъ на званіе почетнаго члена... Давно уже нѣтъ въ Кіевѣ того Картовскаго дома, который былъ колыбелію новорожденнаго университета: «и не познаетъ къ тому мѣста своего»!.. Нынѣшнее зданіе и заложено и совершилось уже по смерти Евгенія; но память о немъ жива, и честь перваго юбилейнаго воздаянія принадлежитъ ему, университету св. Владиміра,—о чемъ я не зналъ даже, будучи въ августѣ въ

Кіевѣ, что тамошній благовѣститель готовится своимъ словомъ помянуть многотрудную жизнь ученаго іерарха на торжественномъ актѣ... Тѣмъ интереснѣе было для меня то слово, имѣя за собою даже прелесть нежданной новости. Да почіетъ же со славою прахъ Евгенія въ Софійскомъ кремлѣ до всеобщаго воскресенія!

А Филаретъ московскій... Какой удивительно-торжественный конецъ жизни этого великаго свѣтила на небосклонѣ русскомъ! Съ его кончиною, не стало уже, кажется, послѣдняго представителя русскаго человѣка прежняго, Александровскаго вѣка. Дай Богъ, чтобы вѣкъ, по истинѣ новый, наставшій съ царствованіемъ Александра Втораго, царя-освободителя, оставилъ православному русскому міру такихъ людей, какими знаменовался вѣкъ Александра 1-го, Благословеннаго! .

Что новаго готовится у Васъ въ Кіевѣ на 1868 годъ? Я поздравляю Васъ съ новою книгою о *Кіевѣ*, которая на дняхъ выходитъ въ Москвѣ, съ книгою Закревскаго, въ двухъ большихъ томахъ въ 4-ку съ рисунками. Археологическое общество не пожалѣло истратить болѣе трехъ тысячъ рублей на ея изданіе. Хвала и честь московскому археологическому обществу за его усердіе къ Кіеву!

Не знаете ли Вы, гдѣ теперь находится попечительница Острожскаго Братства. Мнѣ хотѣлось бы къ ней отозваться.

Когда будете писать къ Ѳеофану Г., прошу передать ему мой дружескій привѣтъ и рукожатье.

Два сундучка съ моими книжками и бумагами получилъ я въ исправности, въ день св. Митрофана.

Мою статейку о Руси—Россіи Вы, вѣрно, давно получили. Новаго едва ли что буду писать до весны. Много остается еще не читаннаго или давно читаннаго, что хотѣлось бы прочесть; а чтеца и писца у меня нѣтъ; а мое собственное зрѣніе, какъ оно кратковременно, Вамъ извѣстно; да и охота писать что то крѣпко убавилась съ наступленіемъ нынѣшней зимы. И такъ—до весны, до этого радостнаго утра новаго 1868 года!

Отъ всей души обнимаю Васъ преданный Вамъ М. Максимовичъ.

27 дек. 1867 года. Михайлова гора.

Сообщ. **В. Науменко.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАПРАСНАЯ ТРЕВОГА.

Говорятъ, въ одномъ селѣ распространился слухъ, что проживающая на околицѣ старуха-колдунья пожираетъ дѣтей. Быстро пошла молва о пропавшихъ малюткахъ: тамъ на Островѣ исчезъ Грыцько, тамъ на Приточиловкѣ не досчитались маленькаго Панаса. Матери стали бояться за дѣтей, а отцы стали поговаривать, что такую проклятую вѣдьму нужно сжечь и пепелъ развѣять. «Та що тамъ казаты, що говорыты?—вмѣшался староста:—полычьмо першъ хлопьятъ, а тамъ вже побачымо що робыты». Сосчитали дѣтей, и всѣ оказались въ цѣлости; бабу не нужно было сожигать.

Подобная тому исторія произошла въ Харьковѣ въ 1863 г., причемъ печальную роль распространителей страшныхъ вѣстей сыграли тайный совѣтникъ Могилянскій, и нѣкій Андрей Ивановъ [1]); въ опасномъ положеніи бабы, пожиравшей дѣтей, ни за что ни про что оказался скромный учитель гимназіи Чириковъ, а въ роли осторожнаго и разумнаго старосты тогдашній попечитель харьковскаго учебнаго округа К. К. Фойгтъ.

---

[1]) Андр. Аким. Ивановъ, оконч. курсъ филолог. наукъ въ Кіев. унив., бывшій затѣмъ преподават. древнихъ языковъ въ Кіевск. 1-ой гимн., всегда фанатично относившійся къ украинофильству (см., напр., статьи его въ Современ. лѣтописи 1864 г. № 22, и въ Кіев. Телегр., 1864 г., № 59—61.

Ред.

Членъ главнаго правленія училищъ, тайный совѣтникъ Могилянскій, производя обозрѣніе гимназій Харьковскаго учебнаго округа, побывалъ и въ харьковской 1-ой гимназіи на урокахъ русскаго языка и словесности, преподавателемъ которыхъ тогда состоялъ Чириковъ.

Пересматривая въ VI классѣ ученическія сочиненія, Могилянскій остановился на работѣ ученика П—ва подъ заглавіемъ «Разсказъ о происшествіи на охотѣ». Сочиненіе всего въ три страницы. Въ немъ на одной страницѣ приведенъ разсказъ полѣсовщика малоросса, причемъ ученикъ, стараясь быть ближе къ дѣйствительности, передалъ этотъ разсказъ, какъ слышалъ, т. е. по малороссійски. Кажется, чего бы проще и естественнѣе. Въ интересахъ истины, справедливости и элементарнаго педагогическаго такта, можно было говорить о чемъ угодно, но не о простонародномъ разсказѣ полѣсовщика. Вѣдь не могъ же юноша въ 15 лѣтъ знать, что малорусское слово предосудительно, а учитель Чириковъ, разумѣется, не могъ предполагать, что ученикъ будетъ близко держаться явленій жизни—и винить ихъ, кажется, нельзя; но Могилянскій усмотрѣлъ тутъ украинофильство и въ своемъ «Отчетѣ» изобличилъ его. «Одинъ ученикъ, говорится въ Отчетѣ, прочелъ свое сочиненіе на простонародномъ (малороссійскомъ) нарѣчіи, заимствованный откуда-то разсказъ о происшествіи на охотѣ. Нельзя не пожалѣть, что въ гимназіи допускаются такія отступленія отъ правильнаго преподаванія». Отчетъ былъ напечатанъ, и за эту фразу ухватился нѣкій Андрей Ивановъ, сотрудникъ «Современной Лѣтописи», воскреснаго прибавленія къ «Москов. Вѣдом.». Въ 1863 г. въ «Современной Лѣтописи» сотрудничалъ цѣлый букетъ изъ Ивановыхъ: С. Ивановъ писалъ статьи по крестьянскимъ дѣламъ, Ф. Ивановъ помѣщалъ стихотворенія, А. Ивановъ, онъ же и Андрей Ивановъ занимался спеціально сыскомъ по части украинофильства. Въ своемъ патріотическомъ усердіи А. Ивановъ часто хваталъ черезъ край. Такъ, въ 30 № «Соврем. Лѣтоп.» 1863 г., возражая противъ допущенія въ народныхъ школахъ какихъ бы то ни было объясненій по малорусски, хотя бы и при обязательномъ русскомъ литера-

турномъ языкѣ, такъ какъ такое допущеніе «послужило бы самой удобной лазейкой для украинофиловъ», Ивановъ ни съ того ни съ сего добавилъ, что, «какъ носятся слухи, даже теперь, при положительномъ запрещеніи, въ нѣкоторыхъ сельскихъ школахъ и даже уѣздныхъ училищахъ кіевскаго округа идетъ преподаваніе на малорусскомъ нарѣчіи, а г. Стояновъ, будучи еще кандидатомъ педагогомъ, вздумалъ было дѣлать это самое даже въ гимназіи, и притомъ во 2-ой Кіевской; но скоро былъ задержанъ». Послѣ того, какъ въ 32 № «Совр. Лѣтоп.» директоръ кіевской 2-ой гимназіи Вилуевъ помѣстилъ оффиціальное опроверженіе, что никакого преподаванія на малорусскомъ языкѣ не происходило и не могло происходить, и, слѣдовательно, писалъ директоръ, и «задерживать» Стоянова было не въ чемъ, послѣ этого возраженія Андрей Ивановъ въ 34 № «Соврем. Лѣтоп.» оправдывался тѣмъ, что онъ писалъ «какъ носятся слухи» (для себя значитъ «лазейку» оставилъ), что онъ слышалъ отъ какого-то студента, что «Стояновъ прочелъ половину урока по-малорусски». Какъ мило выходитъ одно только словцо «половину», со стороны Иванова, пойманнаго, очевидно, въ полной клеветѣ. Ивановъ даже при этомъ пишетъ: «я долженъ пожалѣть, что студентъ ввелъ въ обманъ, хоть и временный (?!), меня и публику, и остаюсь доволенъ опроверженіемъ начальства гимназіи. Я былъ бы еще болѣе доволенъ, если бы была положительно доказана неосновательность и другихъ слуховъ о распространеніи украинофильства...».

Съ радостью ухватился Андрей Ивановъ—этотъ своеобразный публицистъ на половину,—за «Отчетъ» Могилянскаго. Въ 32 № «Совр. Лѣтоп.», выдернувъ изъ этого «Отчета» показаніе о харьковскомъ гимназическомъ сочиненіи на малорусскомъ языкѣ, Ивановъ громко закричалъ, что «въ харьковскомъ округѣ это нелѣпое направленіе (т. е. украинофильство) получило право гражданства уже не въ уѣздныхъ и сельскихъ училищахъ, а даже въ гимназіи, находящейся притомъ въ университетскомъ городѣ и мѣстопребываніи попечителя. Тамъ распространителемъ украинофильства явился учитель русской словесности, самый плохой изъ плохихъ учителей 1-ой гимназіи...». При такой незавидной

характеристикѣ учителей Харьковской 1-ой гимназіи, Ивановъ ссылается на «Отчетъ» Могилянскаго. Здѣсь большая несправедливость, такъ какъ Харьковскіе учителя того времени далеко не были такъ плохи.

Попечитель харьковскаго учебнаго округа Фойгтъ получилъ изъ Петербурга отъ высшаго начальства такую «Записку для памяти»: «Украинофильство нашло доступъ въ нѣкоторыя уѣздныя и сельскія училища Кіевскаго учебнаго округа, а въ Харьковскомъ учебномъ округѣ это нелѣпое направленіе получило право гражданства уже не въ уѣздныхъ и сельскихъ училищахъ, а даже въ гимназіи, находящейся въ университетскомъ городѣ и мѣстопребываніи попечителя. Тамъ распространителемъ украинофильства явился учитель русской словесности. Нельзя не пожалѣть и не удивляться, что это допущено».

Попечителемъ въ это время былъ человѣкъ высокаго образованія и превосходнаго нравственнаго характера К. К. Фойгтъ. Фойгтъ сначала былъ профессоромъ русскаго языка и литературы въ Казанскомъ университетѣ, затѣмъ ректоромъ Харьковскаго университета и съ 1863 по 1867 г. попечителемъ харьковскаго учебнаго округа.

«Замѣтка для памяти», очевидно, имѣла характеръ такой серіозной и рѣзко выраженной укоризны, что попечитель вынужденъ былъ войти въ подробное разсмотрѣніе предъявленныхъ къ нему и ко всему округу обвиненій, что онъ и сдѣлалъ въ свойственной ему вполнѣ корректной, но достаточно убѣдительной формѣ.

Въ такое великое время, какъ 60-ые годы, и такихъ достойныхъ людей, какъ министръ Головнинъ и попечитель Фойгтъ, тогдашніе Могилянскіе и Ивановы отвлекали отъ ихъ серіозныхъ задачъ столь ничтожными мелочами, какъ переданный гимназистомъ разсказъ полѣсовщика малоросса, отвлекали ихъ произвольными фантасмагоріями о придуманныхъ ими опасностяхъ, которыя должны были свидѣтельствовать объ ихъ ревизорскомъ и публицистическомъ усердіи. Правда, случаи такого переусердія бывали и ранѣе, и позже; но въ приложеніи къ данной эпохѣ

они звучатъ особенно рѣзкимъ диссонансомъ. Какъ бы то ни было, Фойгту приходилось оправдываться и защищаться.

«Имѣя самыя близкія сношенія съ всѣми учебными заведеніями харьковскаго округа и преимущественно г. Харькова, писалъ К. К. Фойгтъ Б. П. Мансурову, зная каждаго изъ здѣшнихъ преподавателей не только лично, но и по характеру и по способу его преподаванія, тѣмъ болѣе, что двое изъ моихъ сыновей окончили здѣсь гимназическій курсъ, я могу съ полной увѣренностью засвидѣтельствовать, что украинофильство, которое нѣсколько лѣтъ тому назадъ дѣйствительно имѣло здѣсь приверженцевъ между университетской молодежью и отчасти выразилось въ стремленіи ввести малороссійскую грамотность въ учрежденныхъ тогда въ Харьковѣ воскресныхъ школахъ, въ гимназіяхъ г. Харькова никогда не существовало и тѣмъ менѣе могло бы проникнуть въ учебныя заведенія прочихъ губерній округа, гдѣ господствующее и почти исключительное народонаселеніе составляютъ чистые великороссы».

Фойгтъ возложилъ на инспектора училищъ Рындовскаго, какъ опытное лицо, наблюденіе за обѣими мѣстными гимназіями. «Я поручилъ ему, писалъ Фойгтъ, секретно, какъ человѣку испытанной правдивости и проницательности, посѣщать въ неопредѣленныя времена, и притомъ всегда неожиданно, уроки русской словесности, слѣдить за разборомъ учителя ученическихъ сочиненій, собрать и прочитать таковыя за весь текущій годъ».

Не думалъ лѣсничій малороссъ, что его безыскуственная рѣчь вызоветъ такую переписку, такое тщательное слѣдствіе и будетъ такъ занимать высшее начальство; видно, никому и въ голову не могло прійти, что изъ всего этого выйдетъ какая-то уголовщина.

Рындовскій посѣщалъ гимназіи, собиралъ и читалъ ученическія работы, самъ попечитель округа ихъ пересматривалъ, и выводъ получился одинъ, что «во всѣхъ сочиненіяхъ нѣтъ ни малѣйшихъ украинофильскихъ тенденцій; они писаны чистымъ русскимъ языкомъ, безъ всякой примѣси малорусскаго нарѣчія, и ни въ одномъ изъ нихъ не найдено ничего, что бы явно или скрытно

выражало сочувствіе къ этому направленію или даже прямой интересъ къ нему».

По истинѣ, «parturient montes, nascetur ridiculus mus»› столько усердія тайнаго совѣтника Могилянскаго, столько безпокойства и огорченій другого тайнаго совѣтника Фойгта—и «не найдено ничего».

Фойгтъ писалъ далѣе [1]: «Теперь вмѣняю себѣ въ обязанность прибавить еще въ разъясненіе этого обстоятельства, что отнюдь не все сочиненіе (рѣчь идетъ о работѣ Пашкова), обнимавшей три страницы, было написано на простонародномъ (малороссійскомъ) языкѣ, но только одинъ эпизодъ его, разсказъ лѣсовщика малоросса, занявшій только одну страницу. При томъ это сочиненіе представляется явленіемъ чисто случайнымъ и исключительнымъ; ни одного подобнаго сочиненія на малороссійскомъ нарѣчіи, по самымъ точнымъ справкамъ, учениками подаваемо не было, да и преподаватель Чириковъ, хотя и уроженецъ Харьковской губерніи, не могъ ни предлагать, ни поощрять упражненій, потому что самъ весьма мало знакомъ съ малороссійскимъ языкомъ... Очень жалѣю, что въ подтвержденіе моихъ словъ не могу представить ни въ подлинникѣ, ни въ копіи сочиненія ученика Пашкова, такъ какъ оно, послѣ замѣчанія тайнаго совѣтника Могилянскаго, тотчасъ было уничтожено, да и самъ Пашковъ въ гимназіи уже не находится». Изъ этихъ словъ Фойгта видно, что Могилянскій нагналъ страху, и можно подозрѣвать, что и бѣдный юноша, попробовавшій передать рѣчь лѣсника-малоросса собственными его словами, пострадалъ, и все это было въ 1863 г., въ годъ введенія въ университетахъ славнаго устава, у народа освобожденнаго отъ крѣпостной неволи, наканунѣ судебной реформы, вѣщавшей правду и милость.

---

[1]) Оффиціальная переписка Фойгта взята мной изъ архивныхъ матеріаловъ, любезно сообщенныхъ мнѣ профессоромъ Д. И. Багалѣемъ. *Прим. авт.*

Вскорѣ, въ 1905 г., Харьковская первая мужская гимназія справляетъ свое столѣтіе. Пожелаемъ же ей, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ столѣтіи ея жизни она не видѣла въ своихъ стѣнахъ тайныхъ совѣтниковъ Могилянскихъ. Довольно тайнъ и могилъ. Побольше свѣта и жизни.

Проф. **Н. Ѳ. Сумцовъ.**

Документы, извѣстія и замѣтки.

Повѣрья и обрядности родинъ и крестинъ. Въ заславльскомъ уѣздѣ, волын. губ., мною записаны слѣдующія обрядности родинъ и крестинъ.

Когда родится ребенокъ и въ первый разъ его купаютъ, то въ эту первую купель бросаютъ деньги серебряныя; деньги эти поступаютъ въ пользу «бабки». До 6 недѣль со времени рожденія, или иначе «до вывода родили», нельзя родилѣ выходить за ворота своей усадьбы, «по заходи сонца» выходить на дворъ; нельзя ходить чрезъ гребли, мосты, плотины и вообще чрезъ рѣку; нельзя купаться въ рѣкѣ, нельзя ходить въ лѣсъ. Новорожденнаго ребенка тоже нельзя носить по перечисленнымъ только-что мѣстамъ, «доки не охрыстятъ». У «родили» до выводу, а у «рожденного» пока не окрестятъ, должна быть всегда при боку сталь, какой-нибудь стальной предметъ, напр.—ключъ; но преимущественно въ обычаѣ—ножъ. Такой ножъ долженъ всегда лежать въ люлькѣ ребенка. Ребенку до года нельзя стричь волосъ—а то будетъ тупоумный, не развитой; нельзя также до года обрѣзывать ногтей, а только можно обкусывать зубами. Нельзя до года, и въ особенности по заходѣ солнца, показывать въ зеркало и давать ребенку смотрѣться въ зеркало, а то, по одному вѣрованію, дитя будетъ рябое, «съ ряботынннямъ» (веснушками), а по другому—ребенку лицо изуродуетъ оспа. До года новорожденнаго нельзя фотографировать, а то не будетъ жить. «Доки не охрестять», нельзя ребенка выносить за калитку или ворота усадьбы—за городъ или село, или въ лѣсъ, чрезъ мосты, пруды, рѣки; нельзя выносить «по заходи

сонця на двиръ»,—а то вѣдьма или нечистая сила можетъ обмѣнять ребенка, и тогда, вмѣсто ребенка, будетъ «одмина»; или нечистая сила «пидкаснется», «пидвійнытся нидъ нехрещену дытыну», т. е. вселится въ нее, и тогда съ ребенкомъ будутъ конвульсіи или иначе «чорна», «чы падуча слабисть». Пока ребенка не охрестять, а также пока «родиля» «не возьме выводу», нельзя въ хатѣ на ночь тушить огонь. Въ шесть недѣль послѣ родовъ, когда «родиля» идетъ «до-выводу»,—бабка дѣлаетъ ей «розмывкы» или «обмывкы». Ставитъ «родилю» на топоръ и сливаетъ ей на руки воды, принесенной изъ рѣки или колодезя «до схода сонця»; родиля этою водою умывается и затѣмъ утирается тѣмъ «крыжмомъ» (кускомъ холста или матеріи), которое «родиля» даетъ бабкѣ въ подарокъ за принятіе ребенка. Пока родиля не возьметъ выводу, и пока ребенка не окрестятъ, ножомъ, лучше всего освященнымъ на Пасху, крестятъ окна, двери, гдѣ лежитъ родиля и ребенокъ, и люльку ребенка. Вообще при родинахъ преимущественно употребляется ножъ, освященный на Пасху съ тѣстомъ, и чѣмъ больше онъ разъ святился, тѣмъ лучше; особенно же дорогъ и цѣненъ семилѣтній ножъ, т. е семь разъ или семь лѣтъ подъ рядъ «свяченый»; но если нѣтъ такого ножа, то берется какой-нибудь ножъ. Пока родиля не пойдетъ къ выводу, а ребенка не окрестятъ, нельзя ихъ однихъ оставлять въ хатѣ. Идя къ выводу, родиля ступаетъ на порогъ, на которомъ положенъ ножъ, и ногою становится на этотъ ножъ, въ то же время ее окропляетъ бабка свяченою водою; также, когда кумы несутъ крестить ребенка, на порогѣ кладутъ топоръ или ножъ, и кумы (въ другихъ мѣстахъ только кума) обязаны ступить на нихъ, и бабка тоже окропляетъ свяченой водою.

Въ нѣкоторыхъ селахъ заславльскаго уѣзда новорожденному въ первую купель, кромѣ серебряныхъ денегъ, сыплютъ: мальчику—свяченое яровое жито, а дѣвочкѣ—яровую пшеницу, освящаемыя съ прочими злаками на «Спаса» (6 августа). Дитяти до году нельзя давать ѣсть рыбы, а то долго не будетъ говорить, и гороху, а то будетъ картавый. Беременной женщинѣ нельзя ходить занимать что-либо въ чужой домъ, ибо если и займутъ просимое, то въ обычаѣ—за выходящей изъ хаты беременной женщиною что нибудь, какъ за нечистою, незамѣтно бросить: если бросятъ уголь—ребенокъ будетъ ѣсть уголь, если бросятъ мыло, то ребенокъ,

родившись, будетъ ѣсть мыло,—а если бросятъ топоръ или ножъ то родившійся ребенокъ будетъ со шрамомъ на лицѣ, какъ отъ порѣза Если беременная женщина блѣднѣетъ, дѣлается некрасивой,—родится дѣвочка; если, напротивъ, красная, розовая, хорошѣетъ,—родится мальчикъ. Нельзя переступать черезъ дитя,—не будетъ ребенокъ рости. Нельзя также на ребенка смотрѣть, если онъ лежитъ или сидитъ, черезъ голову, т. е. поверхъ головы или сзади, а нужно зайти спереди—а то ребенокъ будетъ косоокій, по другому повѣрью—тупой, тупоумный. «Родилѣ» нельзя въ теченіе недѣли послѣ родовъ чесаться, иначе новорожденный будетъ вшивый и паршивый. Беременной женщинѣ нельзя смотрѣть на пожаръ,—ребенокъ родится красный, какъ будто опеченый. Нельзя беременной женщинѣ ни наканунѣ, ни въ самые праздники, хотя бы самые малые шить—роды будутъ очень тяжелые, а по другому повѣрью—ребенокъ родится или слѣпой, или нѣмой, т. е. съ зашитыми глазами или ртомъ. Ребенку съ головы нельзя ни сгребать, ни счесывать, «тименюху»,—она должна сама постепенно сходить; отъ счесыванія или скребыванія «тименюхи»—ребенокъ будетъ тупой, тупоумный, неразвитой. Нельзя ребенка купать въ горячей водѣ,—ребенокъ, выросши, будетъ «горячій», т. е. вспыльчивый.

Если у ребенка первыми прорѣжутся верхніе зубы—ребенокъ будетъ жить, а если нижніе—не жилецъ онъ на этомъ свѣтѣ. Если ребенка не стричь до года, а ровно въ годъ, въ день рожденія, то онъ будетъ счастливъ и будетъ имѣть успѣхъ и удачу въ жизни во всемъ; если же его не стричь до 5 лѣтъ, то онъ будетъ очень умный, будетъ имѣть охоту и способности учиться. Чтобы ребенокъ выросши имѣлъ охоту и способности учиться, завязанный ему бабкою послѣ рожденія пупъ или пуповину бабка отрѣзываетъ на книжкѣ, или на бумагѣ. Пуповину нужно перевязывать прядивомъ—«матиркою», а не «плоскопью», т. к. въ послѣднемъ случаѣ ребенокъ, выросши, будетъ безплоднымъ или бездѣтнымъ.

Сообщ. **Ив. Бѣньковскій.**

Собача доля *(легенда)*. Въ Малороссіи, сохранилось достаточно разсказовъ, которые можно считать издавна занесенными съ востока разными кочевыми народами, селившимися на югѣ Россіи и оставлявшими послѣ себя тѣ или другіе пережитки

свои. Намъ удалось достать въ нѣсколько обработанной формѣ легенду о собачьей долѣ, основа которой несомнѣнно восточная. Легенда пытается объяснить причины ухудшенія плодородія на землѣ. Оказывается, что колосъ хлѣбныхъ злаковъ въ древности начинался съ самаго дола, а только послѣ уже, когда родъ людской впалъ въ разные грѣхи, онъ былъ наказанъ тѣмъ, что колосъ былъ уменьшенъ до нынѣшней его величины.

Въ той передачѣ легенды, которою мы хотимъ подѣлиться съ читателями, конечно, мало слѣдовъ ея древняго происхожденія, такъ какъ она носитъ ясные слѣды позднѣйшей передѣлки, однако же самая основа легенды, какъ будетъ видно впереди, несомнѣнно, древняя.

Собача доля.

Давно колысь, та й дуже вже давно, святи апостолы Петро й Павло ходылы зъ Богомъ по земли въ якійсь чужій, не въ нашій сторони. По свиту чого воны ходылы и що дорогою робылы, про те багацько не скажу, а то, гляды, ненáрокомъ щонебудь ще й збрешу. Стари жъ люде такъ казалы, що правды на земли воны шукалы,—та правды не знайшлы и знов туды на небо геть пишлы, видкиль сюды булы прыйшлы.

Павло бувъ зовсимъ лысый и ходывъ ченцемъ: зъ рижкомъ на голови, зъ ковинькою въ руци, та въ чорній хламыди.

Петро,—той вырядывсь сліпцемъ, ходывъ въ полатаній свытыни: якъ спавъ, подралы, мабуть, свыни... Прыходылось бо ничку не одну на двори почувать,—въ хливи мижъ свынямы не разъ доводылося спать... А Богъ ходывъ въ такимъ никчемнимъ жупани, що гыдчъ не знайдешъ на смитти: замасляній, латкы на спыни; у него-жъ пидъ плечемъ ще высила торбына. Колысь вона була вся повна хлиба,--такъ изйилы. Давно вже пусто тамъ було, якъ ци старци святи загледилы издáлека село. Вже сонце до пивдня дійшло и въ шыю гаряче пекло, уже бъ и снидаты пора, такъ ще далеко до села .. Подыбалы... Рукой подать—село блызенько, видъ краю маячыть хатына чепурненька, надъ хатою пороскыдавъ гилькы дубокъ, за хатою вышневенькый садокъ. Петро святый и каже: «Отуть бы гарно й намъ поснидаты и дать спокій кисткамъ; а то, ій Богу, вже ажъ жыжечка дрожыть, такъ йисты хочется». А Богъ—ни пары зъ устъ, мовчыть. Павло

й соби пидлакуе, губамы ажъ прысмакуе; бо звисно й винъ голодный бувъ. а носомъ чувъ, що снидання на прыпечку вдовы шкварчыть... То—край села вдова жыла...

Отъ до воритъ прыйшлы. Петро й Павло хотилы вже ворота видчыныть, ажъ дывлятся,—вдова та зъ рундука змита саме смиття. Углядила вона старцивъ—крычыть: «ичъ дармойиды! Що дня тутъ товчетесь... А щобъ вамъ не було путтю, якъ вы до мене вси претесь... Одъ цихъ старцивъ, слипцивъ нема мени жыття... Ходить лышъ до сусиды».

Похпюцылысь старци, мынають двиръ, мандрують въ другу хату... Хотилы вже ввійты, такъ пи, куды? Тамъ те-жъ не можно у кимнату...

Дарма село все обійшлы, пиде имъ и шматочка хлиба не далы; а щобъ старци пидъ воритьмы подовгу не стоялы, якъ де старцивъ собакамы цькувалы.

Така то правда въ свити йе, що Богъ усимъ усе дае, а Богови прыйшлось просыть, то коженъ такъ и норовыть, щобъ Бога обдурыть: той каже, що ёму самому ничымъ жыть, другый гарчыть, що вси до ёго прутъ, а самъ винъ визьме де? ему ничого даромъ не дають.

Святи старци зъ села идуть и ледве-ледве ногы волочуть.

Бувъ за селомъ маленькый хутирокъ. Жывъ тамъ заможній мужычокъ. Видъ всихъ винъ найдобришій бувъ; про щедрость ёго кожный въ сели чувъ. Такъ Богъ и каже, щобъ зайты: «Тамъ можно буде снидання знайты, бо то-жъ, кажуть, добри люде тамъ жывуть, може хлиба хочъ дадуть».

По цій мови пидходять до воритъ. Замкнени,—замокъ чымаленькый высытъ.

Воны гукають: «видчынить»!

Собакъ зъ десятокъ выбигло,—не гавкають, мовчать, а все тымъ помеломъ вертять, що зъ-заду Богъ имъ прычепывъ, тоди ще, першъ якъ винъ собакъ творывъ.

Чоловикивъ зъ хазяйськои симьи никого дома не було тоди: була тилькы хазяйка, та въ пелюшкахъ маленька лялька. «Просымо паньматкы, людцивъ убогенькыхъ прыйматы, солы-хлиба даты, щырымъ словомъ прывитаты», гука Петро и зъ нымъ Павло.

Хазяйка глянула въ викно; одъ разу догадалась. Выходе зъ хаты, не пвыдко до воритъ поптхалась. «Оце вамъ, люде добри,

визьмить—шкорынка; звыняйте, що остатня, бильшъ нема, бо хлиба я сегодни не пекла; помиха въ мене йе,—мала дытынка».

Старци—нызесенькій поклонъ: «спасыби». «Збрехала; хлибъ іи лежыть у скрыни»—Богъ тоди каже самъ соби.

Старци изъ хутора идуть, шкорыночку соби жують. Похмурый Богъ зъ Павломъ зъ Петромъ иде. Дійшлы до поля, на поли хлибъ росте. А колосъ одъ земли на четверть почынавсь; въ аршынъ и бильше колоскы завжды тоди булы. И Богъ за одынъ колосокъ узявсь, шморгнувъ и колоска въ руци одынъ шматокъ оставсь. Одъ разу поле все зминылось: съ кожнымъ колоскомъ на поли тежъ зробылось, усякый колосокъ зникчемнивъ, такый завбильшкы ставъ, якъ той, що Богъ въ своій руци державъ.

И знову Богъ за той шматокъ узявсь, що цилымъ бувъ зоставсь. И зновъ хотивъ шморгнуть ёго, щобъ людямъ не зосталось ничого.

Такъ Богъ людей скаравъ, бо хлиба Богови нихто й куска не давъ: далы суху шкорыну, та й ту въ земли замазала дытына.

Лучылося на ту годыну цюцькови бигты по дорози. Уздривъ цюцько, яке то лыхо людямъ склалось, мерщій вертыть хвостомъ—бижыть до Бози сердега, хутко скавучыть: «Пропадуть теперъ собакы, не стануть люде насъ кормыть; то хоть шкорынку кыне намъ усяке, мале й велыке; тымъ жывемъ, не стане хлиба—зовсимъ пропадемъ».

Цуцыкъ скавучыть и прыязно у вичи Богови глядыть. И жаль взявъ Бога за цюцькивъ. Богъ такъ цюцькови одповивъ: «Нехай росте цюцькова доля». Така була то Божа воля, и хлибъ, якъ бувъ, зоставсь на поли; та колоскы уже не бильшъ долони...

Такъ оттаке колысь було; теперъ собачу долю мы йимо.

Въ журналѣ «Природа и Люди» (№ 15, 1897 г. 13 февр.) въ статьѣ М. Бернова: «Столицы міра», при описаніи Константинополя авторъ останавливаетъ свое вниманіе на одной турецкой легендѣ, объясняющей то обожаніе, которымъ пользуются собаки у турокъ. Она близко подходитъ къ нашей легендѣ. Вотъ какъ она изложена у г. Бернова.

«Въ отдаленные вѣка Аллахъ разсердился на родъ людской и, чтобы наказать его, рѣшилъ уморить его голодомъ. Въ тѣ времена, гласитъ легенда, хлѣбъ росъ безъ соломы; колосъ начинался у самой земли и достигалъ высоты нашихъ хлѣбовъ. Воспользовавшись тѣмъ, что люди сѣяли, Аллахъ спустился на землю и сталъ тянуть колосья, желая обратить ихъ въ сплошную солому. Собаки, которыя не спали, увидя это и сообразивъ, что, если люди останутся безъ хлѣба, то и имъ, собакамъ, тоже будетъ нечего ѣсть, завыли. Аллахъ сжалился надъ собаками и, оставивъ на кончикѣ соломы небольшой колосокъ, сказалъ: «Это будетъ ваша доля»'. Авторъ прибавляетъ отъ себя: «Отсюда произошла сложившаяся на востокѣ поговорка, что «люди живутъ насчетъ собакъ» (стр. 234).

Намъ кажется, что этою легендою скорѣе всего хотѣли объяснить пониженіе плодородія земли, а не почитаніе собакъ.

В. К.

Автобіографическая замѣтка Я. Щоголева. Намъ передана П. С. Ефименкомъ автобіографическая замѣтка украинскаго поэта Я. Щоголева, болѣе всего извѣстнаго публикѣ по сборнику его стихотвореній подъ заглавіемъ «Ворскло», вышедшему въ Харьковѣ въ 1883 году. Замѣтка эта написана была по просьбѣ П. С. Ефименка, когда въ 1886 году предполагался въ Харьковѣ къ изданію малорусскій сборникъ. Не обширны тѣ біографическія свѣдѣнія, какія даются въ этой замѣткѣ, но, представляя собой автобіографическую справку, они вполнѣ заслуживаютъ того, чтобы быть напечатанными, какъ матеріалъ для будущаго словаря нашихъ почтенныхъ земляковъ.

Я родился въ Ахтыркѣ, харьковской губ., гдѣ и учился первоначально въ тогдашнемъ народномъ училищѣ; а съ 1836 года въ 1-й харьковской гимназіи, откуда въ 1843 году поступилъ въ харьковскій университетъ, окончивъ въ немъ курсъ въ 1848 году. Послѣ университета я болѣе 20 лѣтъ провелъ на службѣ, сначала столоначальникомъ въ Палатѣ Государственныхъ имуществъ, потомъ помощникомъ правителя канцеляріи губернатора, секретаремъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, помощникомъ окружного начальника Богодуховскаго округа, чиновникомъ особыхъ

порученій при палатѣ государственныхъ имуществъ, секретаремъ харьковской думы. Служба была для меня сущимъ наказаніемъ Божіимъ и выносилась только изъ-за борьбы за существованіе. Въ 1870 годахъ нѣсколько внезапно-счастливыхъ обстоятельствъ улучшили мои средства и дали возможность жить хотя и весьма скромно, но независимо, и рѣшительно безъ всякаго общенія съ людьми. Тогда въ 1871 году я ее бросилъ. Пошелъ бы далеко дальше, но никогда ни передъ кѣмъ шеи не согнулъ. Нынѣ состою лишь старостою при церкви харьковскаго епархіальнаго женскаго училища. Это моя оффиціальная, повидимому сухая, біографія; но, такъ сказать, внутренняя, богатая несчастіями жизнь прошла иначе. О ней коротко, но весьма правильно, разсказано въ рецензіи на «Ворскло» въ Кіевской Старинѣ (генварь 1884 года) Все это теперь не нужно, а если и понадобится, то черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ.

А вотъ моя біографія лишь для того, чтобы вы объяснили себѣ тѣ хронологическіе пробѣлы, которые замѣтите въ оглавленіи моего сборника «Ворскло».

По нерѣдкому тогда обычаю и я, будучи гимназистомъ, началъ писать стихи сначала по-русски. Въ гимназіи мнѣ покровительствовалъ учитель русской словесности П. И. Иноземцевъ—личность симпатичная и поэтическая. Затѣмъ порядочнымъ сборникомъ русскихъ стихотвореній я обратилъ на себя вниманіе профессоровъ И. И. Срезневскаго и А. Л. Метлинскаго, такъ что, экзаменуясь при поступленіи въ университетъ на юридическій факультетъ, я, во время самыхъ экзаменовъ, былъ перетянутъ ими на филологическій.

Но когда Бѣлинскій встрѣтилъ плеяду молодыхъ стихотворцевъ безпощадною насмѣшкой, то я сжегъ рукопись и бросилъ писать. Однако въ 1846 году, по просьбѣ Метлинскаго, написалъ нѣсколько малорусскихъ стихотвореній для его сборника, изданнаго потомъ въ 1848 году, хотя онъ ихъ туда почему то не помѣстилъ. Впослѣдствіи ихъ выпросилъ у меня студентъ Неговскій, черезъ котораго они, вѣроятно, и достались въ сборникъ Кулиша «Хату». Также случайно было написано 4 стихотворенія въ 1864 году, какъ объ этомъ и сказано въ очеркахъ украинской литературы Петрова.

Здѣсь опять пробѣлъ на 12 лѣтъ, и затѣмъ случайная причина появленія «Ворскло» Въ маѣ 1876 года ко мнѣ зашелъ землякъ А. Л. Шимановъ и показалъ письмо къ нему Конисскаго, въ которомъ выражалось желаніе имѣть отъ меня что либо для малорусскаго сборника, предполагавшагося къ изданію въ Кіевѣ. Я и написалъ ему два-три стихотворенія. Старшіе изъ моихъ дѣтей— дочь и сынъ, высокаго художественнаго закала и глубокой души, живя лѣтомъ на дачахъ, среди простонародья, знали разговорный малорусскій языкъ и стали просить меня писать для нихъ. Я и писалъ имъ до 1878 года. Затѣмъ было не до того. Въ началѣ 1878 года заболѣла моя дочь, отчаянно проболѣла весну и лѣто; осень я прожилъ съ нею въ Ялтѣ, и только что начала было поправляться, какъ на слѣдующую весну 1879 года внезапно заболѣлъ сынъ, о которомъ я сказалъ выше—мальчикъ 14-ти лѣтъ, красавецъ и замѣчательный скрипачъ: въ два дня умеръ онъ отъ воспаленія мозга. Потрясеніе для семьи было громадное; болѣзнь дочери возобновилась и свела ее въ могилу въ 1880 году. Писать было не для кого, и я опять ничего не написалъ въ теченіе почти 4-хъ лѣтъ. За симъ моему малорусскому сборнику предстояла, можетъ быть, та-же судьба, какая случилась съ русскимъ; но мои друзья Шимановъ и Комаровъ склонили меня напечатать его. Тогда я добавилъ сборникъ—и вотъ причина выхода его въ свѣтъ.

Все это моя интимная кратчайшая исповѣдь (собственно для Васъ: я знаю, что по судьбѣ—мы съ вами братья, хотя и не въ одинаковыхъ деталяхъ). Вы, разумѣется, вытянете изъ этой исповѣди лишь эссенцію, ибо въ календарѣ распространяться о нашемъ братѣ негдѣ; но я бы просилъ Васъ, Многоуважаемый Петръ Савичъ, въ случаѣ желаете упомянуть обо мнѣ, то укажите сущность рецензій на «Ворскло», помѣщенныхъ въ Кіевской Старинѣ (Генварь 1884 г.), въ Галицкой газетѣ Діло, въ Одесскомъ Вѣстникѣ и въ Исторіи Украинской Литературы Петрова. Если у Васъ чего не окажется, то сообщу я или Лободовскій.

Списокъ стихотвореній М. А. Максимовича. Прилагаемыя въ настоящей книжкѣ заглавія сборника украинскихъ стиховъ и отдѣльныхъ стихотвореній сдѣланы мною болѣе двадцати лѣтъ назадъ съ автографа покойнаго М. А. Максимовича. Сборникъ этотъ

достался какимъ то образомъ М. Г. Щербаку, который, будучи студентомъ Петербургскаго университета, состоялъ письмоводителемъ или дѣлопроизводителемъ въ редакціи малорусскаго журнала «Основа», а потомъ въ Кіевѣ содержалъ библіотеку для чтенія и, наконецъ, былъ чиновникомъ Кіевской контрольной палаты и умеръ въ отставкѣ около 1882 года. Вдова г-на Щербака, насколько мнѣ извѣстно, продала часть рукописей и бумагъ, оставшихся послѣ смерти ея мужа, покойному А. М. Лазаревскому. Можетъ быть, въ числѣ этихъ бумагъ найдется и сборникъ стихотвореній М. А. Максимовича.

Стихотворенія въ сборникѣ идутъ съ 1856 и по 1872 годъ включительно. Нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны въ свое время; но большая часть ихъ носитъ личный и семейный характеръ автора и нигдѣ не напечатана.

Н. П.

„Мои украинськи стихи" *(автографъ М. А. Максимовича).*

1) 1 дек. 1864. Олексѣйку.

2) 31 дек. 1864 года. Олексѣйку.

3) Машѣ. 1858 г. 20 ноября. Москва. На Твер. бульв.

4) Плачъ Ярославны.

5) На Люблинскую унію 1569 года. 1863 г.

6) Пѣсня 1863 года.

7) На погребеніе Шевченка подъ Каневомъ 1861 г. 10 мая.

8) На смерть Т. Г. Шевченка. 12 марта, 1861 г.

9) Пословица. 3 сент. 1864.

10) Юго-западному оратору. Въ іюнѣ 1864 г.

11) На 1864 годъ.

12) Пѣсня 1864 года.

13) 3 сент. 1864.

14) Пѣсня на Тарасову годовщину 10 мая 1862 року. Посвящается Николаю Дмитровичу Иванишеву, 15 мая 1862 года. Михайлова Гора

15) Экспромтъ въ Кіевѣ 1864.

16) Шевченкови 25 марта 1858 года. Застольный стихъ, Москва на Поварскомъ [1]).

---

[1]) Первыя 16-ть стихотвореній писаны на малорусскомъ языкѣ.

17) Степану Алексѣевичу Маслову въ привѣтъ и отвѣтъ съ Михайловой Горы, 30 іюня 1869 года.

18) Стихотворное письмо на русскомъ языкѣ къ Өеодору Өеодоровичу объ ускореніи выдачи пансіона, 21 мая 1866 г. Михайлова Гора.

19) Князю П. А. Вяземскому по прочтеніи его новыхъ стихотвореній, напечатанныхъ въ Утрѣ. 1866 г. 22 февр.

20) М. П. Погодину. 11 марта 1866 г.

21) Князю П. А. Вяземскому, 1869 г. 18 марта.

22) Въ понедѣльникъ 24 февр. 1869 г.

23) М. П. Погодину 19 февраля 1869 г.

24) О. Ө. Кошелевой. 18 іюня. М. Г.

25) Кн. П. А. Вяземскому 23 іюня. М. Г.

26) Авд. П. Елагиной. 15 іюня 1869.

27) Ө. Н. Глинкѣ. 16 іюня, 1869 г.

28) О. Ө. Кошелевой. 30 іюня.

29) Я къ горѣ моей прикованъ. 1 іюля.

30) 11 іюля, 1869 г. Михайл. Гора (имянинницѣ).

31) Е. Ө. Тимковской. 14 іюля.

32) 1872 г. 9 марта, девятистишіе (М. П. Погодину) [1]).

33) На смерть юнаго Г-на (Галагана). 2 мая 1869 г.

34) Старымъ друзьямъ. 1866.

35) Пѣсня 1865 г. 10 августа. М. Г.

36) П. А. Кулѣшу. 20 ноября 1856 г. М. Г.

37) 22 дек. 1864 г. Кіевъ.

38) Воспоминаніе 20 генв. 1866. М. Г.

39) Пѣсня. 1865 г. 25 февр. Кіевъ.

Изученіе кобзарства [2]). Усчитать всю пользу, принесенную бывшимъ въ Харьковѣ XII археологическимъ съѣздомъ, разумѣется, нѣтъ никакой возможности, по разнообразію связанныхъ

---

[1]) Съ 17-го по 32-й № стихотворенія—на русскомъ языкѣ, а съ 33-го и до конца—на малорусскомъ.

[2]) Эта статья напечатана въ «Южн. Краѣ» (№ 8414). Въ виду ея интереса, мы считаемъ умѣстнымъ перепечатать ее цѣликомъ.

съ нимъ явленій. Несомнѣнно только, что польза—большая, и, несмотря на значительное число журнальныхъ отчетовъ, далеко еще не выясненная въ главныхъ своихъ частяхъ. Несомнѣнно, что и Харькову, въ особенности харьковскому университету, археологическій съѣздъ пригодился во многихъ отношеніяхъ, преимущественно въ дѣлѣ расширенія знаній и накопленія цѣнныхъ коллекцій по этнографіи и археологіи. Къ несчастью, харьковскій университетъ, по своей хронической тѣснотѣ и бѣдности, не можетъ въ достаточной степени воспользоваться собранными матеріалами; два своихъ новыхъ музея—археологическій и этнографическій, университетъ вынужденъ держать на положеніи двухъ складовъ, для всѣхъ закрытыхъ, по неудобству помѣщенія и нагроможденности матеріала. Все это тѣмъ болѣе досадно, что есть силы, есть свѣдущіе люди, которые могли бы разсортировать все собранное богатство, могли бы установить его въ системѣ, согласно съ современнымъ положеніемъ науки, могли бы освѣтить своими объясненіями, и не достаетъ лишь матеріальныхъ средствъ: досадно тѣмъ болѣе, что людей этихъ и силъ не такъ много, и были годы, когда ихъ совсѣмъ не было—имѣемъ въ виду, напримѣръ, каѳедру по исторіи искусства, которая нынѣ въ Харьковѣ занята ученымъ выдающагося трудолюбія и большихъ познаній, послѣ того какъ была вакантной около тридцати лѣтъ; имѣемъ въ виду многихъ мѣстныхъ спеціалистовъ по русской исторіи, археологіи и архивовѣдѣнію, когда еще такъ недавно въ Харьковѣ обнаруживались по этой части большіе недочеты, а въ 60-хъ годахъ русская исторія не читалась въ университетѣ по нѣсколько лѣтъ, за неимѣніемъ свѣдущихъ людей.

Достойно сожалѣнія, что значительные запасы умственной и нравственной энергіи остаются безъ примѣненія, и, какъ это ни странно, въ приложеніи преимущественно къ университету, по причинамъ весьма разнообразнымъ, въ числѣ которыхъ тѣснота помѣщеній играетъ немаловажную роль.

Харьковскій археологическій съѣздъ далъ большой толчекъ изученію репертуара и быта кобзарей и лирниковъ и, повидимому, послужитъ исходнымъ пунктомъ въ дѣлѣ улучшенія ихъ соціальнаго и профессіональнаго положенія. Въ этомъ отношеніи харьковскимъ археологическимъ съѣздомъ и его достоуважаемымъ предсѣдателемъ графиней П. С. Уваровой сдѣлано много, и ре-

зультаты этой плодотворной работы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе обнаруживаются и въ научной литературѣ, и въ самой жизни. Въ данномъ случаѣ, въ отношеніи кобзарей и лирниковъ наука и жизнь, древность и современность пошли рука объ руку, и предвидятся серіозныя пріобрѣтенія не только въ области знаній, но и въ сферѣ бытового добра и справедливости. Намѣчены пути для облегченія участи многихъ сотенъ несчастныхъ слѣпцовъ, добывающихъ себѣ скромныя средства къ жизни музыкой и пѣніемъ. Обратились къ ихъ подсчету, къ изученію ихъ матеріальнаго положенія; заговорили объ устройствѣ для нихъ спеціальной музыкальной школы, которая, съ одной стороны, должна сохранить лучшіе мотивы ихъ пѣсенъ и мелодій, съ другой—поднять ихъ технику и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ заработокъ и облегчить имъ усвоеніе музыкальнаго кобзарскаго и лирницкаго репертуара.

Еще до открытія въ Харьковѣ археологическаго съѣзда, уважаемый профессоръ Н. П. Дашкевичъ, предсѣдатель кіевскаго Общества Нестора лѣтописца, выразилъ пожеланіе, чтобы харьковскій съѣздъ занялся кобзарями. Предварительный комитетъ издалъ спеціальную программу для собиранія свѣдѣній о кобзаряхъ и лирникахъ. Частью по этой программѣ, частью независимо отъ нея разными лицами предприняты были соотвѣтствующія описанія, большей частью изданныя въ «Трудахъ Предварит. Комитета». Во время самаго съѣзда было прочитано нѣсколько рефератовъ о кобзаряхъ и лирникахъ, и устроенъ былъ общедоступный кобзарскій и лирницкій концертъ, о которомъ въ свое время были подробныя сообщенія въ мѣстныхъ газетахъ. Главное, съѣздъ постановилъ возбудить передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ просьбу объ оказаніи покровительства кобзарямъ и лирникамъ, какъ хранителямъ старины, въ ея лучшихъ музыкальныхъ и поэтическихъ остаткахъ. Начало было положено; интересъ къ кобзарямъ возбужденъ, дѣло изученія пошло расти, а съ нимъ стали отчетливо обнаруживаться и благотворныя послѣдствія ходатайства о покровительствѣ.

Въ научномъ отношеніи лучшимъ плодомъ харьковскаго археологическаго съѣзда по части изученія кобзарства представляется вышедшее недавно изслѣдованіе проф. М. Н. Сперанскаго о кобзаряхъ и лирникахъ, по даннымъ на съѣздѣ матеріаламъ, преимущественно

о талантливомъ молодомъ кобзарѣ Пархоменкѣ, который извѣстенъ по участію въ концертѣ въ Харьковѣ. Проф. Сперанскій подробно останавливается на репертуарѣ Пархоменка. Вообще, какъ сводъ матеріаловъ въ строго научномъ распорядкѣ и освѣщеніи, книга проф. Сперанскаго производитъ хорошее впечатлѣніе и несомнѣнно принесетъ значительную пользу.

Благодаря доброжелательству и энергіи графини П. С. Уваровой, ходатайство о покровительствѣ кобзарямъ и лирникамъ получило успѣшное направленіе. Министръ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве отнесся къ нему сочувственно и запросилъ сначала графиню П. С. Уварову относительно статистическаго матеріала. Графиня Уварова обратилась за справками въ нѣкоторыя южнорусскія ученыя общества, ранѣе собиравшія свѣдѣнія, и въ частности поручила мнѣ составить докладную записку съ соотвѣтствующей фактической мотивировкой состоявшагося на археологическомъ съѣздѣ постановленія, что и было мною исполнено. Я препроводилъ свою объяснительную записку П. С. Уваровой, и графиня дала дѣлу дальнѣйшее движеніе, а что дѣло это подвигается, прямымъ доказательствомъ тому служитъ полученная на этихъ дняхъ мной обстоятельная работа кіевскаго губернскаго статистическаго комитета о кобзаряхъ и лирникахъ кіевской губерніи въ 1903 г., составленная по порученію министра внутреннихъ дѣлъ, на основаніи матеріаловъ, собранныхъ мировыми посредниками и полицейскими чиновниками. Матеріалы эти редактированы опытнымъ лицомъ, г. Доманицкимъ, снабжены имъ маленькой объяснительной статьей, при краткомъ предисловіи г. Ник. Василенка. Въ данномъ трудѣ кіевскаго статистическаго комитета я съ удовольствіемъ нахожу оправданіе и подтвержденіе той мысли, которую я развилъ въ докладной запискѣ, а здѣсь я, между прочимъ, говорилъ, что, по моему мнѣнію, ученыя общества не располагаютъ соотвѣтствующимъ матеріаломъ о кобзаряхъ, не могутъ одновременно производить изслѣдованія въ огромномъ раіонѣ всей южной Россіи и не обладаютъ такими средствами, чтобы широко поставить собираніе матеріаловъ, и что въ этомъ отношеніи Министерство Внутреннихъ Дѣлъ располагаетъ гораздо большими средствами для собиранія соотвѣтствующихъ статистическихъ свѣдѣній одновременно во всѣхъ губерніяхъ съ малорусскимъ населеніемъ, причемъ, нельзя сомнѣваться

въ томъ, что для систематизаціи и изученія собраннаго матеріала въ южно-русскихъ историко-филологическихъ обществахъ найдется достаточно ученыхъ силъ. На дѣлѣ такъ и вышло: большой матеріалъ по кіевской губерніи собранъ органами Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а разработанъ кіевскими учеными. Въ изданіи кіев. стат. комитета есть одинъ большой пробѣлъ — полное умолчаніе о репертуарѣ кобзарей и лирниковъ, что и не входило въ програму, присланную Министерствомъ; но статистическій комитетъ обѣщаетъ восполнить этотъ пробѣлъ послѣдующими изученіями. Репертуаръ кобзарей и лирниковъ, дѣйствительно, требуетъ уже особаго изслѣдованія, по особой програмѣ, и людьми со специальной, ученой подготовкой; такая задача, разумѣется, не могла входить въ цѣли министерской програмы, разсчитанной всецѣло на выясненіе основныхъ вопросовъ, кому, въ какомъ числѣ и въ чемъ можно оказать «покровительство».

Такъ какъ порученіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, навѣрно, распространено на всѣ губерніи съ малорусскимъ населеніемъ, то и изданная кіевскимъ статистическимъ комитетомъ книга можетъ послужить пособіемъ относительно распредѣленія матеріала.

Въ 1881 г., по свѣдѣніямъ кіевскаго попечительства для призрѣнія слѣпыхъ, на огромное число слѣпыхъ въ кіевской губерніи въ 4221 человѣкъ, занимающихся игрой на лирѣ, показано лишь 13. И вотъ, несмотря на признаваемый всѣми упадокъ кобзарства и лирничества, въ 1903 году, по подсчету статистическаго комитета, кобзарей и лирниковъ въ кіевской губерніи оказалось 289. Нужно думать, что кіевская статистика двадцать лѣтъ назадъ сама страдала слѣпотой. Изъ 289 человѣкъ только три кобзаря и 286 лирниковъ. Впрочемъ, эти цифры подлежатъ большому сомнѣнію, такъ какъ лица, собиравшія матеріалъ, повидимому, плохо отличали кобзарей отъ лирниковъ, тѣмъ болѣе, что и въ самой жизни народной обнаруживается иногда смѣшеніе ихъ. Данныя относительно числа кобзарей въ другихъ губерніяхъ такъ мало заслуживаютъ довѣрія, точнѣе—составлены по такимъ ограниченнымъ раіонамъ и въ такой степени случайно, что нѣтъ никакой возможности строить на нихъ какіе-либо выводы, до новаго разслѣдованія, въ родѣ кіевскаго. Такъ, въ харь-

ковской губерніи насчитано всего 32 бандуриста и лирника, но насколько сомнительна эта цифра, видно изъ того, что одинъ лишь И. М. Хоткевичъ въ небольшомъ раіонѣ двухъ уѣздовъ, харьковскомъ и богодуховскомъ, и нѣкоторыхъ прилегающихъ къ нимъ мѣстностяхъ насчиталъ 28 бандуристовъ и 37 лирниковъ. Очевидно, что тутъ точныхъ свѣдѣній нѣтъ, и обстоятельный опросъ по всей губерніи можетъ дать совсѣмъ неожиданныя цифры. Если кіевскую мѣрку приложить ко всѣмъ губерніямъ съ малорусскимъ населеніемъ, то выйдетъ около двухъ тысячъ кобзарей и лирниковъ, число не малое, и, слѣдовательно, вполнѣ умѣстно дальнѣйшее настойчивое изученіе ихъ положенія, и вполнѣ были бы умѣстны немедленныя мѣры по части улучшенія ихъ быта, прежде всего учрежденіе безплатной профессіональной школы для усвоенія кобзарства и лирничества, въ лучшихъ мелодіяхъ и съ наилучшими техническими пріемами. Это будетъ со стороны образованнаго общества достойной отплатой бѣднымъ, слѣпымъ народнымъ музыкантамъ за то, что они въ своей несчастной темнотѣ вынесли изъ глубины прошлыхъ временъ преданія и пѣсни, историческія и религіозно-нравственныя, въ значительной степени содѣйствовавшія развитію мягкихъ и гуманныхъ чувствъ въ массѣ безграмотнаго простого народа. Одинъ изъ мировыхъ посредниковъ, дававшихъ отвѣты на министерскую программу, замѣчаетъ, что въ глазахъ сельскаго люда лирникъ не простой нищій-попрошайка; онъ прежде всего «несчастный», предназначенный судьбою на служеніе Богу, «благочестивый горемыка», и если у крестьянъ такой туманный взглядъ, то интеллигенція должна добавить къ нему литературные и историческіе мотивы и поставить этихъ «несчастныхъ» въ возможно лучшія условія жизни, открыть имъ доступъ въ спеціально для нихъ приспособленную музыкальную школу, поднять ихъ вкусъ, улучшить технику ихъ ремесла и облегчить пути для добыванія средствъ къ жизни всѣми возможными для слѣпца способами.

Проф. **Н. Сумцовъ.**

Страничка изъ жизни духовенства въ старой Малороссіи. *(Село Куренъ, конотоп. у.).* Изъ архивныхъ документовъ Куренской Николаевской церкви, относящихся къ жизни мѣстнаго духовенства, не трудно видѣть, что священно-церковно-служительскія мѣста

при Куренской церкви въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтія замѣщались обычнымъ образомъ. Умиралъ-ли глава семьи, выходилъ-ли по болѣзни или старости за штатъ,—въ томъ и другомъ случаѣ къ епархіальному начальству поступала просьба «предоставить» мѣсто за дочерью «впредь до пріисканія зятя», или же «зачислить» на мѣсто сына. Снисходя къ этимъ просьбамъ, а можетъ быть и руководясь другими какими-либо соображеніями, начальство «предоставляло» и «зачисляло»[1]). При этомъ нельзя не подчеркнуть того обстоятельства, что не только такихъ примѣровъ, чтобы дѣти дьячковъ возвышались до іерейскаго или діаконскаго сана, но даже и такихъ, чтобы пономарскія дѣти занимали дьячковскія должности, за цѣлое столѣтіе по документамъ нѣтъ ни одного; наблюдается иногда только обратное движеніе—сверху внизъ. Въ большинствѣ же случаевъ сынъ дьячка становится тоже дьячкомъ, сынъ священника былъ священникомъ и т. под. Что дѣти причетниковъ становились тоже причетниками, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго: крайняя скудость содержанія низшихъ членовъ причта не позволяла имъ отдавать своихъ дѣтей въ училища; дѣти дьячковъ и пономарей учились дома подъ руководствомъ своихъ отцовъ, а домашняя подготовка являлась крайне недостаточною для того, чтобы получить священство. Вся эта подготовка состояла только въ томъ, что они усваивали такъ называемые «причетническіе предметы», являлись затѣмъ куда слѣдуетъ «къ слушанію», послѣ чего, смотря по степени усвоенія учебной программы, опредѣлялись на мѣста дьячками или пономарями[2]).

[1]) Документы, по которымъ можно прослѣдить унаслѣдованіе дѣтьми отцовскихъ мѣстъ, начинаются только съ 1731 года. Бывшій въ то время въ Куренѣ священникъ Афанасій Кибальчичъ передалъ мѣсто своему сыну Іосифу, который, въ свою очередь, предоставилъ мѣсто зятю, священнику Михаилу Горуновичу. Послѣ Михаила Горуновича (ок. 1815 г.) мѣсто его хотя и было „зачислено“ за сыномъ, но не было занято до 1822 г., т. е. пока сынъ его Александръ не окончилъ семинарію. Въ 1852 году умеръ Ал. Горуновичъ; послѣ его смерти мѣсто было „предоставлено“ за дочерью, къ которой „отыскался“ женихъ только въ 1854 году.

[2]) Обязанности пономарей исполняли иногда люди, не принадлежавшіе къ клиру, напр.—нанятые прихожане. Впрочемъ, нанимались они „не столько за оскудѣніемъ потребныхъ людей, сколько ради прихотей и лакомства священническаго“ (см. Ук. Дух. Конс. 31 дек. 1772 г.). Это практиковалось во многихъ селахъ епархіи. Начальство того однако не

За все время съ 1793[1]) по 1850 годъ по документамъ мы встрѣчаемъ въ Куренѣ только одного дьячка, который учился въ семинаріи. Но и то мы вправѣ сомнѣваться въ его научныхъ познаніяхъ, такъ какъ онъ былъ уволенъ изъ семинаріи «за предосудительные поступки и безуспѣшность въ наукахъ». Всѣ же остальные дьячки были съ домашней подготовкой: одни изъ нихъ поступили на мѣсто только «изучась при отцѣ церковному уставу», другіе—«изучась русской грамотѣ и церковному уставу», третьи—«изучась всѣмъ причетническимъ предметамъ» и т. под.

Причиной такого недостаточнаго образованія дьячковъ и пономарей, опять повторяемъ, была бѣдность содержанія этихъ служителей церкви[2]).

Въ вѣдомости за 1829 годъ[3]) сказано: «содержаніе священно-служителей зависитъ отъ роковой доли отсыпного хлѣба, а церковно-служителей отъ милостиваго подаянія прихожанъ. Жалованья отъ казны никакого. Содержаніе ихъ посредственно». Другими словами—тогда какъ священно-служители получали отъ прихожанъ ежегодно опредѣленное количество хлѣба, дьячки и пономари должны были довольствоваться только тѣмъ, что имъ дадутъ изъ милости, изъ состраданія.

О размѣрѣ «роковщины» документы не говорятъ ничего, но народная память, передавая, что роковая дача существовала въ Куренѣ «издревле», въ то же время опредѣляетъ и ея размѣръ — именно: съ каждаго двора священникъ получалъ по четверику, т. е. и въ Куренѣ священникъ получалъ хлѣба приблизительно постолько же съ каждаго двора, посколько получали и священ-

---

одобряло, такъ какъ „допускаеміи къ отправленію ихъ (пономарскихъ) должностей мужики вовсе не преобучены духовной субординаціи“ (См. Ук. Конот. Дух. Прав. 12 дек. 1832 г.).

[1]) Съ этого года только и имѣются въ церковномъ архивѣ свѣдѣнія объ образованіи духовенства.

[2]) Особенно пономарей, которые „получаютъ денежныхъ доходовъ отъ прихожанъ иногда втрое, а инде и въ пятеро меньше даже дьяковъ, а отъ сего не только отдавать дѣтей въ училище, но и сами себѣ дома пропитать не имѣютъ способовъ и остаются бѣднѣе нищихъ“. (См. Указъ Консист. 1832 г.).

[3]) Болѣе раннихъ документовъ у насъ подъ руками нѣтъ.

ники другихъ селъ[1]). Но какъ видно изъ вѣдомости 1835 года, роковщина отдавалась прихожанами весьма недобросовѣстно, «по возможности», т. е. кто сколько хотѣлъ. Поэтому, въ слѣдующемъ году духовенство вынуждено было обратиться къ суду. Слѣдствіемъ такого оборота со стороны прихожанъ послѣдовало обязательство выдавать причтовый хлѣбъ въ исправности. Вѣдомость этого года между прочимъ говоритъ, что «буде роковщина въ исправности будетъ выдаваема, то для всѣхъ будетъ достаточно. Съ этого же года стали получать опредѣленную (по 1/2 четверика съ двора) роковую дачу и дьячки, до того времени, какъ извѣстно, получавшіе отъ прихожанъ только «милостивное подаяніе». Но положеніе пономарей однако нисколько не улучшилось: они по прежнему обречены пользоваться только лишь «доброхотнымъ подаяніемъ и награжденіями» отъ прихожанъ. Жизнь этихъ членовъ причта была по истинѣ плачевная. Съ одной стороны—«милостивное подаяніе» прихожанами хлѣба, а съ другой—тоже «милостивное и доброхотное» въ полномъ смыслѣ этихъ словъ подаяніе со стороны священниковъ денежныхъ доходовъ дѣлало пономарей почти нищими[2]).

Несмотря, однако, на обязательство отдавать отсыпной хлѣбъ въ должномъ количествѣ, прихожане уже въ слѣдующемъ

---

[1]) Такъ, напр., въ с. Сиволожѣ (Борзен. у.) священникъ получалъ „съ рабочаго вола по четверику, отъ пѣшаго по 5 коп.“; въ с. Хорошемъ Озерѣ (т. у.)—„по четверику съ пары воловъ и по 10 к. съ пѣшаго, дьячки по 3 к. съ хаты“. Свѣдѣнія эти относятся къ 1806 году. См. Ист.-Стат. Оп. Черн. Еп. Арх. Филарета, т. VI.

[2]) Бывшій въ Куренѣ священникъ Іоаннъ Дончевскій (1796—1828 г.) какъ говоритъ молва, особенно притѣснялъ дьячковъ и пономарей; послѣдніе были у него въ числѣ даровыхъ работниковъ. Въ 1828 году Дончевскій за „буйственные поступки“ былъ удаленъ отъ должности. Указомъ консисторіи (1832 г.) было предписано по епархіи, чтобы „благочинные, священники и протоіереи причетниковъ на свои работы по домашнему и хозяйственному быту отнюдь не употребляли подъ строжайшимъ въ противномъ случаѣ прещеніемъ, а вмѣсто того при всякомъ удобномъ случаѣ всемѣрно старались бы пономарей съ дьячками въ положеніи доходовъ всякихъ уравнивать и о семъ внушать бы неупустительно и прихожанамъ, дабы оныхъ несчастныхъ служителей церкви Божіей хотя-бы мало выпутать изъ достойной оплакиванія нищеты и чрезъ то дать церкви возможность имѣть изъ ихъ дѣтей служителей церкви и общества“.

1837 году своего обязательства «не выполняютъ и на половину», вслѣдствіе чего «для бѣдствующаго причта содержаніе скудно». А когда въ 1844 году назначено было причту казенное жалованье[1]), то многіе прихожане отъ роковой дачи начали совершенно отказываться. Въ вѣдомости 1849 года по этому поводу пишется такъ: «дача рокового датка, положенная въ пособіе жалованью, производится въ самомъ маломъ количествѣ и то только въ половинѣ прихода; прочіе же прихожане уклоняются отъ рокового датка, почему и содержаніе причта въ хлѣбѣ неудовлетворительно, а при неурожаѣ даже скудно»[2]).

Судя по документамъ, роковщина не выдавалась полностью до самаго 1877 года, когда, вслѣдствіе надѣленія причта нужной землею, совершенно прекратилась.

Сообщ. **Иванъ Егоровъ.**

Какъ молятся наши старики-крестьяне. Недавно мнѣ удалось записать дословно молитву одного 70-лѣтняго крестьянина изъ с. Каплúвки, Хотинскаго уѣзда, Данкивской[3]) волости, Антона Козака, который о себѣ разсказывалъ слѣдующее: Отець мій—чоловикъ захожáлый, прыйшовъ сюды зъ Нимеччыны[4]), якъ полякы ся збунтувалы[5])... москали ходылы на смыреные, и якъ звидты забиралыся, то сказалы: «Хто жалае идить зъ намы», то тоди багато прыйшло сюды, бо тамъ бида була—паны сыльно мучылы людей роботою»...

---

[1]) Священнику—160 руб., діакону—70 руб., дьячку—36 и пономарю—30 руб. въ годъ.

[2]) Впрочемъ, такой участи подвергся не одинъ только куренскій причтъ. Такъ же, напр., случилось и въ селѣ Есмани, глухов. уѣзда, гдѣ роковщина послѣ 1844 года собиралась только въ половину, но и то съ „трудомъ и позоромъ". (См. Ист-Ст. оп. Черн. Еп. Арх. Филарета).

[3]) Оффиціально приняты здѣсь молдавскія названія селъ: с. Данкоуцы, волость Данкоуцкая, Романкоуцкая, а народъ (малороссы)—называетъ Данковська вол., Данкивци, Романкивци, Васькивци, а не Васькоуцы, Ходоровци, а не Ходороуцы.

[4]) Т. е. изъ Галичины, которую бессарабцы называютъ Нимеччыной.

[5]) Очевидно, здѣсь говорится о польскомъ возстаніи 1830 года, что подтверждается тѣмъ, что Антонъ Козакъ родился уже *въ Капливкѣ.*

Вотъ самый текстъ молитвы съ сохраненіемъ характерныхъ особенностей мѣстнаго нарѣчія «руснаковъ».

«За молытву Сьватыхъ Отецъ Нашыхъ, Господы прыйдитъ [1]) до насъ, веселы́тса въ насъ, очы́ститъ душу нашу. Прыйдимо поклонимса Царевы нашому Богу, прыйдимо, поклонимса и прыпадемо Хрысту Царевы Богу нашому. Сьватый Боже, Сьватый Крипкый, Сьватый Безсмертный помылуйте мене. Слава Отцу и Сыну и Духу и ныни и присное ви́кы ви́комъ, а́минь. Пресьватая Тройце, помылуйте мене. Оче нашъ, оже есы въ небесахъ, да сьватытся имня Твое, да прыйде царство Твое небесне, да буде воля Твоя, яко на небесахъ и на земны, хлибъ нашъ нашушный дайте намъ денесъ, оставы́ намъ довжныкомъ нашымъ и не веды насъ оскушéного, избавы́ насъ облукавого, а́минь.—Матеръ Божа, чесни́щою херувымъ,родчую сущую Богородычку. Богородычко, Тебе, Диво, велычаемо, Тоби ся поклопяемо—Вирую въ едынóго Бога Суса Хрыста и Сына Божого народного, Отца рожденого, нагла́щую пророкы одыну́ю и сьватую себорную напостольску церкву. Исповидую хрещеные всихъ грыховъ мóихъ. Чаю оскресеные мертвыхъ и жызныхъ, оду́щую вика́ викóмъ, аминь. Господы ослаби́тъ, Господы прости́тъ мене, согрѣшеные мóе невольное же вольныхъ мóцыхъ сéмня и прости́тъ яко ва́ры Богъ чоловика любецъ.—Сьватый Отче Ныколаю, скорый помошныку, заступитъ мене, борони́тъ мене видъ панскои ка̀рносты, видъ людскои ненавысты, заступи́тъ мене до кинца жытя мóго.—Першый артыкулъ: растворывъ небо и землю и невыдымо добрымъ людемъ платы́тъ (замисть «пла́тыть»), а злыхъ пеклом караемо. Другый арты́кулъ: О, Тройце сьватая! Третый арты́кулъ: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ пры сóби идéнъ Богъ. Четвертый арты́кулъ: и стався Сусъ, Сынъ Божый, чоловикомъ и давса мучыты на хресты прыбыты за насъ гришныхъ.—Маемо десятеро Божыхъ прыказаный. Перше прыказаня: абысь не мавъ инчыхъ богивъ, бо есть истынъ Богъ. Втóре: не называй Бога надаремне. Трете: сьваткуй-день сьватый и недилю. Четверте: шануй отца-матиръ свóю. Пьяте: не вбый.

---

[1]) Характерно, что къ Богу и св. Николаю обращается въ молитвѣ на „Вы", а не на „Ты".

Шесте: не вкрадь. Семе: не жулой свидкомъ пальчывымъ [1]) прыблыжымо. Десяте: не пожадай ни вола, ни осла, ни судныци, ни хрещеныя ере помазаныя, трете харысту покута ее мажаху».

Эта «молитва» лишній разъ можетъ подтвердить, что отсутствіе Св. Писанія на малорусскомъ языкѣ составляетъ огромный тормазъ для просвѣщенія народа въ духѣ истиннаго христіанства. Вѣдь старики, подобные Антону Козаку, встрѣчаются сплошь и рядомъ, и обучаютъ своихъ дѣтей подобнымъ «молитвамъ». Правда, въ настоящее время, съ развитіемъ школьнаго обученія, часть дѣтей изучаетъ молитвы въ школѣ, по печатнымъ руководствамъ, но вредъ отъ такого изученія все-таки очень великъ, такъ какъ молитвы эти написаны на славянскомъ языкѣ, непонятномъ для народа. При такихъ условіяхъ народъ, не понимая точнаго смысла молитвъ, будетъ коверкать ихъ на разные лады. Смѣемъ думать, что отъ перевода священныхъ книгъ на малорусскій языкъ религіозность малорусскаго народа нисколько не пострадала бы, а сдѣлалась бы только болѣе сознательной, осмысленной.

Вл. Яблоновскій.

Текущія извѣстія.

Ходатайство о постановкѣ памятника Т. Г. Шевченку въ Кіевѣ. Въ Золотоношскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи послѣдней сессіи (15—18 сент. 1904) между прочимъ обсуждался докладъ Управы «О сооруженіи памятника поэту Т. Г. Шевченку». Докладъ этотъ выраженъ былъ въ такой формѣ.

25 февраля 1914 года истекаетъ 100 лѣтъ со дня рожденія народнаго украинскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченка. Этотъ славный въ исторіи малороссійской литературы день слѣдовало-бы ознаменовать сооруженіемъ памятника поэту, грустная муза котораго

---

[1]) Т. е. фальшивымъ, ложнымъ. Непонятныхъ словъ Антонъ Козакъ не могъ объяснить, самъ не знаетъ. Этой молитвѣ научился онъ отъ своего отца.

Молитва къ св. Николаю создалась еще при крѣпостномъ правѣ, „за панщины."

близка и понятна какъ простолюдину малороссу, думы и чувства котораго она воплотила въ поэтическія формы, создала ему пѣсню, составляющую и нынѣ гордость Малороссіи, такъ и интеллигенту, которому она, кромѣ пѣсни, кромѣ поэтическихъ образовъ, дала простой и чистый, какъ сама поэзія Тараса Григорьевича, украинскій литературный языкъ.

Помимо нравственнаго долга передъ памятью Т. Г. Шевченка, выступить съ иниціативой сооруженія памятника ему у золотоношскаго земства есть еще и формальный поводъ. 22 года тому назадъ Н. С. Кулябка вошелъ въ полтавское губернское земское собраніе съ предложеніемъ ассигновать 1000 рублей на образованіе капитала, за счетъ % съ котораго могла-бы исправляться и содержаться въ порядкѣ могила поэта. Предложеніе это встрѣтило сочувствіе и Собраніе, ассигновавъ для этой надобности 500 руб. и открывъ, кромѣ того, подписку въ полтавской губерніи, постановило передать образовавшійся такимъ путемъ капиталъ золотоношской земской управѣ, прося ее озаботиться поправкою могилы поэта Шевченка, согласно предсмертному его желанію.

На ассигнованные губернскимъ земствомъ 500 руб. и собранные имъ по подпискѣ 180 руб. золотоношская земская управа, въ лицѣ бывшаго предсѣдателя ея И. В. Тоцкаго, въ періодъ съ 1883-го по 1886-й годы исправила могилу, на которой впослѣдствіи почитателями Тараса Григорьевича былъ поставленъ надгробный памятникъ, составляющій пока единственное вещественное проявленіе общественнаго вниманія къ памяти великаго малороссійскаго поэта. Заботы о поддержаніи могилы и памятника и по настоящее время лежатъ на золотоношскомъ земствѣ, въ распоряженіи котораго состоитъ для этой надобности капиталъ въ суммѣ 237 руб. 94 коп.

Полагая, что мысль о сооруженіи памятника родному поэту встрѣтитъ сочувствіе золотоношскаго земскаго Собранія, управа позволяетъ себѣ предложить ему:

1) Образовать для этой надобности спеціальный капиталъ, путемъ ежегоднаго ассигнованія по 100 руб.; 2) испросить разрѣшеніе на открытіе при золотоношской земской управѣ подписки съ этой-же цѣлью; 3) избрать коммиссію для выработки проекта памятника и исполненія другихъ дѣйствій по сооруженію его.

Мѣстомъ постановки памятника управа полагала-бы избрать г. Кіевъ.

Докладъ этотъ почти единогласно (за исключеніемъ одного голоса) былъ принятъ весьма сочувственно, при чемъ въ коммиссію оказались избранными: предсѣдатель управы С. В. Лукашевичъ и гласные—И. В. Лучицкій и В. П. Науменко.

Родственники Т. Г. Шевченка. Подъ этимъ заглавіемъ напечатана въ «Биржев. Вѣдом.» (№ 458) статья И. К. Пархоменка, въ которой онъ разсказываетъ о встрѣчѣ своей въ этомъ году съ двумя родичами нашего славнаго кобзаря: одинъ изъ нихъ—троюродный племянникъ Григ. Лаврент. Шевченко, а другой—внукъ родной сестры кобзаря—Бойко. Послѣдній, находясь въ настоящее время въ Черниговской больницѣ, въ отдѣленіи душевно-больныхъ, намъ хорошо извѣстенъ съ его горестной судьбой. Описаніе встрѣчи съ нимъ г. Пархоменка ничего особенно интереснаго не представляетъ, почему мы и не будемъ воспроизводить ее. Что-же касается Григ. Лавр. Шевченка, то его разсказы касаются воспоминаній о встрѣчахъ съ Т. Г. Шевченкомъ, которыя мы перепечатываемъ цѣликомъ.

Путешествуя въ этомъ году по разнымъ губерніямъ Россіи, я побывалъ и въ своей «Черниговщинѣ», гдѣ незабвенный поэтъ Тарасъ Шевченко когда-то имѣлъ «щирыхъ» друзей.

Родные берега красавицы Десны и живописно-уютный древній Новгородъ-Сѣверскъ—стоятъ въ той же неприкосновенной и архаической красотѣ, въ какой я зналъ ихъ еще въ пору дѣтства.

Въ Шосткѣ, первой желѣзнодорожной станціи отъ Пироговки по направленію къ Конотопу, мнѣ удалось въ одной семьѣ встрѣтить популярную въ губерніи личность, Григорія Лаврентьевича Шевченка, родственника поэта.

Сѣдой, съ подстриженной бородкой, съ карими привѣтливыми глазами, симпатичный старикъ охотно вступилъ со мной въ разговоръ. И даже попозировалъ мнѣ: я сдѣлалъ съ него карандашный набросокъ.

— Давно-ли вы въ черниговской губерніи?—распрашивалъ я.

— А якъ же... все время, сколько живу на свѣтѣ. Мнѣ уже больше семидесяти лѣтъ; беззубый совсѣмъ,—отвѣчалъ онъ съ добродушной улыбкой.

— А гдѣ ваше постоянное мѣсто жительства?

— Въ Глуховѣ. Тамъ я уже тридцать третій годъ. А сюда пріѣхалъ только рояли чинить. Я ихъ по всей губерніи чиню.

— Знакомы съ этимъ дѣломъ?

— Ого!...—Онъ съ гордостью ухмыльнулся.—На этомъ дѣлѣ чорта съѣлъ. Самъ дѣлаю рояли. Вотъ Дробышевскому сдѣлалъ, не нахвалится...

— Говорятъ, вы родственникъ Тараса Григорьевича?

— А якъ же: его батько и мой дѣдъ были двоюродными братьями.

— Вы его видѣли?

— Тараса Григорьевича? бачывъ. Мнѣ тогда было лѣтъ двадцать съ чѣмъ-то. У Забѣллы это случилось, въ хуторѣ Сорокѣ, около Борзны.

По лицу старика пробѣжала улыбка, чуть замѣтно вздрагивали сѣдые подстриженные усы. Я залюбовался имъ: какой симпатичный хорошій дидъ!

— Помню, какъ онъ пріѣхалъ изъ Борзны на лошадяхъ Забѣллы,—говорилъ старикъ съ оживленіемъ.—Въ армякѣ, въ барашковой шапкѣ. Не могу только вспомнить, когда это было, весной или осенью. Холодновато было и грязно. У Забѣллы тогда были гости: помѣщикъ Кандыба, шаповаловскій священникъ и оттуда же становой приставъ Безухій. Позвалъ меня Забѣлло въ свою компанію и подвелъ къ Тарасу Григорьевичу.—«Дывысь, твой дядько вернувсь. Бачь—якый». А ему сказалъ: «Це Лаврентіевъ сынъ, тоби племянныкъ». Тарасъ Григорьевичъ меня поцѣловалъ и, узнавъ, что я уже женатъ, шутѣйно ругнулъ, потомъ сталъ разспрашивать о родичахъ. За столомъ Тарасъ Григорьевичъ разсказывалъ, какъ онъ былъ въ ссылкѣ. «Першъ посадылы мене у якусь яму, хай-бы вона була згынула! и надъ ней поставылы чорного, якъ сатана въ пекли, сторожа зъ горбатымъ носомъ и зъ мяломъ въ рукахъ, доглядать, шобъ, часомъ бувае, я не втикъ. А той—знай соби—ходе по-надъ ямой, та, якъ дурень, мяломъ махае. И хочъ-бы тоби слово зъ устъ выпустывъ,—неначе воды въ ротъ набравъ. Должно буть ему не велѣно було зо мною балакать. А потымъ того поперлы мене на Кавказъ [1]), де я цилыхъ девять рокивъ вирой и правдой служывъ Царю и отечеству». «Та видали жъ, видали»,—смѣялся становой, намекая на портретъ Тараса Григорьевича въ солдатской шинели, въ кандалахъ и при кавказской обстановкѣ, съ надписью: «Якъ бачыте»,—который тутъ же на стѣнѣ, и висѣлъ. Этотъ портретъ Тарасъ Григорьевичъ нарисовалъ и какимъ-то хитрымъ путемъ прислалъ Виктору Николае-

---

[1]) Очевидно, разсказчикъ понятіе о Кавказѣ расширяетъ очень далеко.

Ред.

вичу съ Кавказа какъ разъ въ то время, когда отъ всѣхъ почему-то скрывалось, гдѣ онъ и что съ нимъ, и въ особенности, что онъ въ солдатахъ. Тарасъ Григорьевичъ на минуту поднялъ глаза къ портрету, и я замѣтилъ, какъ его брови слегка шевельнулись, и дрогнули сѣдоватые усы. «Кандыба!» хлопнулъ онъ вдругъ Кандыбу по плечу, да такъ, что тотъ ажъ пригнулся, «давай выпьемъ»! «Не пью», отказался тотъ. Тарасъ Григорьевичъ разсмѣялся. «Оттака рожа, та щобъ не пыла—не вирю»! «Ну, давай, колы не виришь», согласился Кандыба. И выпили.

— Хорошо выпили?

— О-о... здорово выпили! въ особенности, Безухій: тотъ въ концѣ концовъ ажъ подъ столъ свалился.

— А Тарасъ Григорьевичъ какъ?

— Ничего. Онъ крѣпче всѣхъ оказался. Ѣлъ все маринованные огурцы, да хвалилъ за нихъ хозяйскую экономку. Подмаргивалъ ей. А она, чортово зелье, и красавица была, цыганка!... Пѣла хорошо! Такъ славно, чортово зелье, пѣла, что ажъ...

Григорій Лаврентьевичъ замолчалъ и, очевидно, отдался воспоминаніямъ о пѣсняхъ цыганки.

— Что вы еще помните о Тарасѣ Григорьевичѣ?—спросилъ я.

— Пожалуй, что ужъ больше ничего. Это вотъ все, что удержалось въ моей сѣдой головѣ. А было много кой-чего въ ней да повылѣзло, забылъ. Только самого Тараса Григорьевича ни на минуту не забывалъ. Такъ врѣзался въ память, что живымъ стоитъ предъ моими глазами и теперь. И голосъ его до сихъ поръ слышу.

Ты не лукавыла зо мною,
Ты другомъ, братомъ и сестрою
Сироми стала. Ты взяла
Мене, маленького, за руку
И въ школу хлопця одвела
До пьяного дьяка въ науку

— Меня только удивляло,—добавилъ старикъ,—и до сихъ поръ не знаю, какъ случилось, что его отецъ попалъ въ крѣпостные. Весь нашъ родъ козацкаго званья, и дѣдъ Тараса Григорьевича, родной братъ моего прадѣда, былъ козакъ.—

Я позавидовалъ старику. Онъ видѣлъ Тараса Григорьевича, говорилъ съ нимъ, сохранилъ въ памяти его образъ и до сихъ поръ слышитъ его голосъ.

Вечеромъ я слушалъ малороссійскія пѣсни. Въ домѣ, противъ того, гдѣ я остановился, собралась интеллигентная молодежь. Сильный дѣвичій голосъ запѣвалъ слова Шевченка:

На що мени чорни бровы,
На що кари очи,

а за ней остальные хоромъ подхватывали:

На що лита молодіи,
Весели, дивочи.

И чудилось, что гдѣ-то тутъ, близко, стоитъ и слушаетъ, и думаетъ свои думы самъ Тарасъ Григорьевичъ. Стоитъ такимъ, какимъ я видѣлъ его въ Петербургѣ, у Данилы Лукича Мордовцева, на большущемъ портретѣ—во весь ростъ, съ непокрытой головой, съ кобзой въ рукѣ.

Чествованіе памяти М. А. Максимовича. Въ столѣтнюю годовщину со дня рожденія М. А. Максимовича (3 сент. 1804 г.), кромѣ цѣлаго ряда періодическихъ изданій, посвятившихъ памяти покойнаго болѣе или менѣе обширныя статьи, помянули его тѣмъ или другимъ способомъ и нѣкоторыя общественныя учрежденія. Такъ, Кіевскій университетъ, въ которомъ М. А. Максимовичъ былъ первымъ ректоромъ, отслужилъ панихиду въ университетской церкви. Историческое общество Нестора-Лѣтописца въ Кіевѣ посвятило памяти его особое засѣданіе 12 сентября, гдѣ были прочитаны слѣдующіе доклады: 1) «М. А. Максимовичъ, его личность и заслуги передъ наукой этнографіи»—сообщилъ членъ Общества В. П. Науменко; 2) «Труды Максимовича по литературѣ и языкознанію»—сообщ. проф. Лобода; 3) «Заслуги Максимовича, какъ историка»—сообщ. проф. П. В. Голубовскій; 4) «Письмо Максимовича къ Кулишу»—сообщ. членъ Общества И. М. Каманинъ. Почтило также память М. А. Максимовича, какъ своего земляка-золотоношца, Золотоношское земское собраніе послѣдней сессіи: по предложенію гласнаго В. П. Науменка, собраніе единогласно постановило учредить въ с. Прохоровкѣ, гдѣ бо́льшую часть своей жизни прожилъ Максимовичъ и гдѣ находится его могила, народную безплатную библіотеку-читальню его имени.—Тамъ-же, въ с. Прохоровкѣ, на Михайловой

горѣ, 3-го сентября устроено было и скромное, семейное поминовеніе его: въ присутствіи сына М. А. Максимовича, небольшого круга родныхъ и близкихъ знакомыхъ, мѣстнымъ священникомъ отслужена была на могилѣ его панихида.

Малорусское слово въ оффиціальныхъ телеграммахъ. Во многихъ газетахъ было помѣщено слѣдующее извѣстіе, касающееся современныхъ событій войны. «Начальникомъ Кубанской области и наказнымъ атаманомъ Кубанскаго козачьяго войска, по словамъ «Кавказа», получена изъ Либавы отъ его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михайловича слѣдующая телеграмма: «Атаману Кубанскаго козачьяго войска съ товарищи и войску. «Гей, не дывуйте, добріи люде, шо на Вкраини повстало». Только что зачисленный въ списки русскаго флота крейсеръ «Кубань», въ день перваго подъема военнаго флага, шлетъ свой привѣтъ славнымъ потомкамъ запорожцевъ—защитникамъ родины и вѣры, твердо обѣщаетъ поддержать честь славнаго имени, которое крейсеръ носитъ».

Въ отвѣтъ на эту телеграмму были посланы наказнымъ атаманомъ телеграммы Его Императорскому Высочеству Великому Князю Александру Михайловичу съ выраженіемъ искренней признательности и горячихъ пожеланій скорѣйшей славной боевой дѣятельности родного крейсера и командиру крейсера «Кубань», капитану 2 ранга Маньковскому, заканчивающіяся слѣдующими словами: «Маемо певну надію, що видъ васъ, юнакы, ни одынъ ворогъ не вкрыется. Рубайте имъ мечемъ головы зъ плечей, а решту топить водою».

Еще о церковныхъ поученіяхъ на малорусскомъ языкѣ. Въ № 9 нашего журнала мы напечатали, на основаніи отчета преосвящ. Амвросія, викарнаго епископа Кременецкаго, о проповѣдяхъ его на малорусскомъ языкѣ. Въ дополненіе къ этому прибавимъ теперь, что, какъ сообщаетъ «Почаевскій Листокъ» (№ 34-й, 22 авг. 1904 г.), наканунѣ праздника Успенія, 14 августа, преосвященный Амвросій говорилъ за поздней обѣдней проповѣдь на малорусскомъ языкѣ.—Кромѣ того, 29 авг. въ Кременцѣ торжественно хоронили сына мѣстнаго протоіерея, только что окончившаго курсъ Петерб. Дух. Академіи, Иларіона Туркевича. Въ похоронахъ принималъ участіе преосвященный Амвросій и все Кременецкое духовенство. Говорилось

много рѣчей; въ числѣ другихъ говорилъ и родной братъ умершаго, священникъ русской миссіи въ Сѣв. Америкѣ, Венедиктъ Туркевичъ. Его живое, одушевленное слово, на малор. языкѣ, произвело особенно сильное впечатлѣніе. Отрывокъ изъ него приведенъ въ статьѣ, посвященной памяти умершаго Иларіона Туркевича и помѣщенной въ 27 № «Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей».

По поводу такихъ случаевъ малорусскихъ церковныхъ поученій газ. «Русь» (№ 282) замѣчаетъ: «Поученія на малорусскомъ языкѣ— большое новшество. До сихъ поръ священниковъ обязывали говорить или, вѣрнѣе, считывать свои проповѣди не иначе какъ по-русски. Прихожане, бесѣдующіе со своимъ пастыремъ обыкновенно по-малорусски, въ церкви вдругъ слышали его русскую рѣчь, съ цѣлымъ рядомъ непонятныхъ для нихъ словъ, и проповѣдь не производила никакого впечатлѣнія. Вопросъ языка еще очень новъ для насъ и въ немъ мы боимся сдѣлать шагъ въ сторону отъ привычныхъ тропъ. Думаемъ, для успѣховъ русской государственности и самого русскаго языка и литературы было бы полезнѣе всего побольше имѣть вѣры и въ живую силу русскаго языка, и въ воспитательную и побѣждающую силу русской литературы. Русскій языкъ нужно проводить, какъ средство объединенія государства; но нигдѣ не навязывать. Побольше вниманія къ бытовымъ условіямъ мѣстностей и побольше свободы самому русскому слову...

Памятникъ и могила Котляревскаго. Въ ужасномъ состояніи находится могила поэта Котляревскаго въ Полтавѣ.

Намогильный памятникъ поэта обновленъ, приведенъ въ болѣе или менѣе надлежащій порядокъ, вокругъ обнесена небольшая бѣленькая оградка. Но дѣло въ томъ, что кладбище со стороны Екатерининской ул. совершенно не огорожено, и памятникъ, такимъ образомъ, находится у самой дороги, отдѣленной отъ него небольшой канавой; канава эта у самаго памятника служитъ (жутко сказать) «отхожимъ мѣстомъ»—надо полагать, для кладбищенскихъ молодцовъ и проходящей мимо простонародной публики... Мало того, что ровъ, но и самая ограда вокругъ памятника поэта обращена въ такое же самое «отхожее мѣсто», такъ что отъ зловонія и чувства гадливости, отвращенія не у многихъ хватитъ силъ подойти къ этой святынѣ Украины...

Памятникъ поэта обезображенъ также тѣмъ, что вокругъ него проведены телефонныя проволоки. («Екатер. Лист. № 390»).

Открытіе школы имени И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. Въ началѣ сентября состоялось торжество открытія школы имен. Котляревскаго во временномъ наемномъ помѣщеніи, на т. н. Бересковкѣ. Въ 12 часовъ дня тамъ былъ отслуженъ молебенъ. На молебнѣ присутствовали нѣкоторые гласные, а также всѣ ученики и ученицы новой школы. За чаемъ, предложеннымъ собравшимся, з. м. городского головы Г. И. Маркевичъ передалъ выраженное ему начальникомъ губерніи сожалѣніе о невозможности быть на открытіи, въ виду отъѣзда изъ города, и пожеланіе его сіятельства развитія и процвѣтанія новому разсаднику народнаго просвѣщенія въ Полтавѣ. Пока открывается лишь младшее отдѣленіе; комплектъ учащихся, опредѣленный въ 40 человѣкъ, уже полонъ, тѣмъ не менѣе продолжаютъ ежедневно поступать новыя просьбы, которыя, конечно, приходится отклонять. Значительный процентъ зачисленыхъ дѣтей, принадлежитъ къ окрестному населенію. Вообще школа въ этомъ мѣстѣ будетъ больше обслуживать уѣздъ, нежели городъ.

Въ будущемъ году закончится постройка зданія для школы имени Котляревскаго на Подолѣ, а открытая на Бересковкѣ школа, тѣмъ не менѣе, нужно думать, будетъ продолжать свое существованіе, хотя бы уѣздное земство и не согласилось взять на себя ея содержаніе.

Результаты базара-гулянья „Сорочинскій ярмарокъ“ [1]. Въ устроенное распорядителями гулянья засѣданіе участниковъ послѣдняго, для выслушанія отчета, собралось 60—70 лицъ, т. е. почти всѣ принимавшіе въ той или иной формѣ участіе въ гуляньѣ. Выяснилось, что чистая выручка отъ гулянья достигаетъ 1040—1050 р. Тутъ-же въ собраніи выражены нѣкоторыя пожеланія, формулируемыя въ запискѣ устроителей, переданной городск. управѣ для представленія думѣ, въ такомъ видѣ: сборъ съ гулянья долженъ поступить исключительно на художественную отдѣлку зданія для школы имени Котляревскаго въ украинскомъ стилѣ, а 10%, если будутъ остатки, должны составлять фондъ на устройство при школѣ музея имени Котляревскаго.

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ № 9, отд. 2-й, стр. 92—96.

Училище имени Богдана-Хмельницкаго. Вслѣдствіе представленія кіевскаго учебнаго округа, по возбужденному уполномоченными общества крестьянъ с. Субботова, чигиринскаго уѣзда, ходатайству о присвоеніи мѣстному двухклассному училищу наименованія—«Субботовское имени Богдана Хмѣльницкаго двухклассное министерское училище», министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено присвоить названному училищу просимое наименованіе.

Портретъ Мазепы. Ходятъ слухи, что въ слободкѣ Сыроваткѣ, харьковской губ., у одного изъ крестьянъ найденъ портретъ гетмана Мазепы. Портретъ писанъ масляными красками и носитъ всѣ черты старой кисти. На портретѣ имѣется надпись древнимъ церковно-славянскимъ шрифтомъ: „Ясновельможный гетманъ Иванъ Степановъ Мазепа“. Какъ извѣстно, районъ шведской войны очень близко подходилъ къ Сумамъ, хотя военныя дѣйствія происходили преимущественно въ сосѣднихъ уѣздахъ: лебединскомъ и ахтырскомъ. Въ Сумахъ сохранилось преданіе о пребываніи здѣсь императора Петра I, Меньшикова и др. Все это даетъ возможность предполагать, что найденный портретъ относится ко времени гетмана Мазепы и, что весьма возможно, писанъ съ оригинала. („Полт. Вѣстн.“ № 572).

Къ тысячелѣтію г. Переяслава. Въ г. Переяславѣ возникъ вопросъ о праздновании тысячелѣтія этого города. Но затѣмъ явились затрудненія по вопросу о томъ, къ какому именно времени отнести празднованіе этого юбилея. Мнѣнія историковъ о времени основанія Переяслава сильно расходятся: основаніе его относятъ то къ временамъ Владиміра Святого, то къ самому началу X вѣка, то (и это ближе всего къ истинѣ) къ временамъ до-историческимъ, какъ и основаніе Кіева, Новгорода, Чернигова и др., которые, безъ сомнѣнія, возникли во время глубочайшей древности, еще до появленія на Руси князей-варяговъ. Въ виду этого Полтавская ученая архивная коммиссія обратилась къ Историческому обществу Нестора Лѣтописца съ ходатайствомъ обсудить и разрѣшить вопросъ, когда надлежитъ праздновать тысячелѣтіе Переяслава. Общество Нестора-Лѣтописца постановило просить высказаться по этому вопросу своихъ членовъ: автора „Исторіи Переяславской земли“ Вас. Г. Ляскоронскаго, автора очер-

ковъ Переяславской старины А. В. Стороженка и профессора русской исторіи П. В. Голубовскаго.

Правда-ли это? Въ „Бирж. Вѣд.“ (№ 458) И. К. Пархоменко, разсказывая о своемъ посѣщеніи въ этомъ году Чернигова, между прочимъ говоритъ о музеѣ В. В. Тарновскаго и жалуется на слишкомъ большой формализмъ, примѣняемый къ посѣтителямъ его.

«Жаль только, говоритъ онъ, что о существованіи этого интереснаго музея, проживъ въ Черниговѣ болѣе недѣли, я узналъ лишь наканунѣ своего отъѣзда, и то случайно, и попалъ въ него за полчаса до закрытія.

Обратился, было, я къ живущему при музеѣ смотрителю съ просьбой, чтобъ онъ разрѣшилъ мнѣ осмотрѣть музей съ шести часовъ вечера, когда, какъ гласитъ вывѣшенное въ музеѣ объявленіе, въ музей допускаются лица, желающія въ немъ „заниматься“, но смотритель предложилъ мнѣ пойти въ управу и принести оттуда письменное разрѣшеніе.

— Да, вѣдь теперь уже три часа, а въ управѣ занимаются до двухъ; я тамъ никого не застану. Завтра же я уѣзжаю изъ Чернигова. И, если вы не окажете мнѣ любезности и не позволите осмотрѣть музей сегодня, я лишусь громаднаго удовольствія и при томъ удобнаго случая дать въ печати нѣсколько интересныхъ строкъ о немъ.

— Принесите мнѣ изъ управы бумагу,—стоялъ на своемъ смотритель,—тогда допущу, а такъ не желаю».

Правда-ли это?—приходится спросить намъ отъ себя.

Ученые труды мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ, представленные къ полученію золотой медали. На предложеніе Высочайше учрежденнаго комитета по завѣдыванію Московскимъ музеемъ прикладныхъ знаній рекомендовать авторовъ, достойныхъ быть награжденными золотой медалью за научно-литературные труды по сельскому хозяйству, Полтавское сельско-хозяйственное Общество представило на-дняхъ помощника директора мѣстнаго опытнаго поля С. Ф. Третьякова за составленную имъ книгу: „О кормовыхъ травахъ“ и другія научныя труды и *землевладѣльца полтавской губерніи Е. Х. Чикаленка* за цѣлый рядъ популярныхъ брошюръ по сельскому хозяйству,

изданныхъ имъ почти въ количествѣ 200 тысячъ экземпляровъ на малорусскомъ и молдавскомъ языкахъ (на послѣднемъ языкѣ издано Бессарабскимъ губернскимъ земствомъ).

Новые труды книгоиздательства „Викъ“. Кіевское книгоиздательство „Викъ“ выпускаетъ одинъ за другимъ превосходные сборники разсказовъ и стихотвореній современныхъ малороссійскихъ писателей; сборники большей частью, богато украшены талантливо исполненными иллюстраціями. Недавно выпущенъ въ продажу огромный литературный сборникъ на украинскомъ языкѣ „На вичну память Котляревському“, посвященный памяти родоначальника и творца новѣйшей украинской литературы. Въ этомъ юбилейномъ изданіи участвуютъ своими произведеніями множество лучшихъ украинскихъ писателей, какъ напримѣръ: Мордовець, Мырный, В. Потапенко, Самійленко, Славинськый, Стефаныкъ, Тобилевичъ (Карпенко-Карый), Леся Украинка, Иванъ Франко, Чернявськый, Яновська, Г. Барвинокъ, Билоусенко, Бобенко, Винниченко, Бордулякъ, Волохъ, Грабовськый, Вороный, Грынченко (Чайченко), Грыгоренко, Доманыцькій, Доброхольскій, Кобрыньска, Коныськый, Коцюбинськый, Левицькый, Маковей и др.

Новый украинскій альманахъ. Въ Одессѣ печатается и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ украинскій альманахъ «Багаття» подъ редакціей И. Липы. Въ альманахѣ этомъ принимаютъ участіе слѣдующіе авторы: Волохъ, Вороный, Вороньскивськый, Гринченко, Гротъ, Днипрова Чайка, Карманскій, Кибальчичъ, Кобыляньска, Коваленко Гр., Колцунякъ, Левицькый Мод., Лепкый, Лозинськый, Луцькый, Мандычевськый, Маковей, Максименкова, Мырный, Олесь, Павленко, Плющъ, Пятка, Полтавка Нат., Романова, Ткаченко, Хоткевичъ, Чернявськый, Яновська, Франко.

По постановленію Ученаго Комитета Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, утвержденному г. министромъ 24 минувшаго іюля, составленныя В. И. Василенко брошюры: 1) «Къ вопросу о толковомъ словарѣ Украинской народной терминологіи», и 2) «Опытъ толковаго словаря народной технической терминологіи по

полтав. губ. (отдѣлы I, II, III—кустарные промыслы, сельское хозяйство и землевѣдѣніе, поговорки и изреченія), *допущены* въ библіотеки подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній.

К. А. Тобилевичъ. *(Некрологъ).* 9-го сентября, въ 9 часовъ утра въ имѣніи извѣстнаго малорусскаго драматурга И. К. Карпенка-Караго «Надеждовкѣ», елисаветградскаго уѣзда, херсонской губ., скончался простой крестьянинъ Карпъ Адамовичъ Тобилевичъ.

Это имя станетъ особенно дорого всѣмъ любителямъ малорусскаго театра, если они узнаютъ, что скончавшійся на 87 году своей трудовой жизни старецъ не кто иной, какъ родной отецъ талантливаго тріумвирата И. К. Карпенка-Караго, Н. К. Садовскаго и А. К. Саксаганскаго.

Болѣе полувѣка тому назадъ этотъ простой «хохолъ» своимъ недюжиннымъ умомъ дошелъ до того, что дѣтямъ надо дать образованіе, чтобы изъ нихъ вышли люди.

Будучи самъ неграмотнымъ, не зная другой работы, кромѣ работы хлѣбопашца, онъ постарался вывести своихъ дѣтей на дорогу, и мы видимъ на его даровитыхъ сыновьяхъ, насколько онъ въ этомъ успѣлъ.

Этому «хлѣборобу» могъ позавидовать любой отецъ.

Знавшіе покойнаго отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ рѣдкаго ума. Онъ былъ, если можно такъ выразиться, ходячей энциклопедіей народной мудрости.

Обладая колоссальной памятью, К. А. былъ живымъ хранилищемъ народной поэзіи, сказаній, легендъ и пр.

Умеръ онъ совершенно неожиданно, такъ какъ до конца дней сохранилъ крѣпость тѣла и духа, и посѣтившій его въ Надеждовкѣ внукъ, поручикъ Юрій Тобилевичъ, писалъ въ Екатеринославъ своему отцу Карпенку-Карому отъ 7 сентября, что «дѣдушка живъ и здоровъ».

И. А. Загорскій. *(Некрологъ).* Въ Екатеринославѣ скончался одинъ изъ лучшихъ малорусскихъ комиковъ *Иванъ Ананіевичъ Загорскій*, игравшій въ послѣднее время въ труппѣ А. К. Саксаганскаго и Н. К. Садовскаго.

И. А. Загорскій, происходившій изъ потомственныхъ дворянъ г. Бобринца, херсонской губерніи, родился 14-го ноября 1858 года. Свою артистическую дѣятельность покойный началъ въ труппѣ Михайлова-Муравьева, откуда перешелъ въ г. Маріуполь, въ труппу Шаповалова. Пробывъ здѣсь до 1889 года, онъ перешелъ на малорусскую сцену и поступилъ въ труппу М. Л. Кропивницкаго, гдѣ подвизался нѣсколько лѣтъ, пока, въ 1900 году, корифеи малорусской сцены И. К. Карпенко-Карый Н. К. Садовскій, А. К. Саксаганскій и М. Л. Кропивницкій не соединились въ одну труппу. Съ тѣхъ поръ И. А. оставался все время въ труппѣ А. К. Саксаганскаго и Н. К. Садовскаго. Въ ноябрѣ 1903 года И. А. Загорскій серьезно заболѣлъ и никакъ уже не могъ оправиться. Своей добротой и отзывчивостью покойный снискалъ себѣ въ средѣ товарищей и сослуживцевъ прочную любовь и уваженіе. У публики И. А., въ теченіе 20-ти лѣтъ сценической дѣятельности переигравшій массу ролей изъ русскихъ и малорусскихъ пьесъ, пользовался вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. *Годъ 9, Кіевъ 1903 г.*

Составъ «Ежегодника» тотъ же, что и въ прошломъ году, только оффиціальная часть носитъ на себѣ характеръ большей дѣловитости. Такъ, въ этомъ отчетѣ нѣтъ тѣхъ desiderata, которыя раньше помѣщались изъ года въ годъ (и—вѣроятно не выполнялись); но за то изъ теперешняго отчета видно, что совѣтъ коллегіи является настоящимъ хозяиномъ своего дѣла, обративши вниманіе какъ на матеріальныя средства заведенія, такъ и на его духовное развитіе: составлена изъ членовъ совѣта особая коммиссія для улучшенія и приведенія въ порядокъ обширнаго хозяйства коллегіи, при чемъ понадобилось совѣту выступать съ ходатайствомъ въ подлежащія сферы объ учрежденіи новой должности помощника директора по хозяйственной части. До удовлетворенія этого ходатайства совѣтомъ сдѣлано слѣдующее: составленъ инвентарь, улучшена бухгалтерія, усиленъ контроль, сокращены расходы, а потому и увеличились доходы. Учебно-воспитательная дѣятельность совѣта только намѣчена: рѣшено пригласить 2-хъ помощниковъ воспитателей—француза и нѣмца—для практическаго ознакомленія воспитанниковъ съ этими языками; задумано пересмотрѣть инструкцію по учебно-воспитательной части и опредѣлено «для развитія самостоятельнаго педагогическаго дѣла въ Россіи» (§ 2 Устава Коллегіи) издавать съ 1905 г. спеціальный органъ «Педагогическая мысль».

Правленіе—по словамъ Ежегодника—«разсматривало всѣ текущія дѣла коллегіи съ надлежащею тщательностью и осмотрительностью». Изъ этой фразы не видно, положимъ, чтó въ минувшемъ году внесъ учебно-воспитательный персоналъ въ жизнь школы, но все же она утѣшительна.

Количество воспитанниковъ уменьшилось и въ этомъ году: къ 1903 г. ихъ было 62, теперь 57 (30 стипендіатовъ и 27 своекоштныхъ). По сословіямъ, къ какимъ принадлежатъ воспитанники, коллегія по прежнему остается школóю людей привилегированныхъ: изъ 57 воспит. 32—дѣти дворянъ, 12—городскихъ сословій, 9—духовнаго званія, 2 сельскихъ обывателей и 2 иностранца.

Главу подъ заглавіемъ «учебный годъ» можно оставить безъ разсмотрѣнія, такъ какъ она представляетъ перепечатку изъ отчетовъ прежнихъ лѣтъ, со старыми разсужденіями, въ которыхъ трудновато понимаются нѣкоторыя соображенія; напр., уроки танцевъ введены для выработки «навыка къ свободнымъ, ловкимъ и изящнымъ движеніямъ», а между тѣмъ уроки эти не обязательны, и Ежегодникъ не даетъ данныхъ, сколько воспитанниковъ учится танцовать. Ничего новаго не говорятъ главы «учебное дѣло» и «учебныя пособія».

Что касается финансовой стороны коллегіи, то тутъ сказалась работа совѣта: въ отчетномъ году изъ имѣній коллегіи (11545 дес.) получено 65899 р., т. е. на 4252 р. больше прошлогодняго, хотя и расходъ по этимъ имѣніямъ возросъ съ 23381 р. до 27120 р., т. е. почти на 4 т. р. больше, чѣмъ въ прошломъ году. Доходовъ по коллегіи было 148076 р., а расходовъ 80843 р. Слѣдуетъ думать, что доходовъ было бы значительно больше, если бы арендная плата за земли коллегіи была болѣе подходящею къ современнымъ цѣнамъ. Но видно, что коллегія благотворитъ своихъ арендаторовъ, какъ она благотворитъ своекошныхъ воспитанниковъ, взымая отъ нихъ ежегодно за обученіе и содержаніе по 750 р., а тратя на каждаго тысячу руб.

Отдѣлъ неоффиціальный складывается изъ слѣдующихъ частей:

I. Труды преподавателей. Здѣсь напечатано начало статьи А. Степовича, обѣщанной еще въ прошломъ году; «изъ этнографическаго матеріала» съ листикомъ нотъ. Приведено 6 малорус-

скихъ пѣсенъ и ноты къ нимъ. Далѣе идетъ Puschkiniania В. Каллаша, занимая довольно обширное мѣсто въ Ежегодникѣ (отъ 225 до 420 стр.).

II. Матеріалы. Въ этомъ отдѣлѣ перепечатаны изъ Ежегодника прошлаго года «свѣдѣнія о бывшихъ коллегіатахъ съ тѣми же ошибками, на какія указано въ прошломъ году; 2) приведенъ списокъ тѣхъ же коллегіатовъ по выпускамъ; 3) помѣщенъ некрологъ врача И. И. Янченка (воспит. 11 выпуска); 4) списокъ всѣхъ лицъ, служившихъ въ коллегіи со дня ея открытія по 1901 г. (почему не до 1904 г.)?

б) Письма, воспоминанія и замѣтки.

«Письмо гр. Д. А. Толстаго къ Г. П. Галагану о томъ, что онъ не можетъ быть на открытіи коллегіи.

2) Письмо В. Я. Шульгина съ отказомъ отъ предлагаемаго ему мѣста директора коллегіи, потому что—по мнѣнію автора письма—«созданный коллегіумъ по самому свойству своему и цѣли—отыскивать лучшее—будетъ колоть глаза рутинѣ и потому станетъ въ положеніе eclesiae militantis. А вести эту борьбу прійдется директору. Вѣдь для этого нуженъ человѣкъ свѣжій, не утомленный и не потратившій желчи на изданіе «Кіевлянина».

3) Письмо А. С. Воронова о томъ, что опасенія Григ. Пав. получить награду за открытую имъ коллегію не сбудутся, хотя «Д. А. (Толстой) и И. Д. (Деляновъ) не понимаютъ, почему могла бы быть непріятна награда».

4) Четыре письма директора Григорьева (отъ 1872 г.) изъ Покорщины, гдѣ лѣтомъ проживали воспитанники и воспитатели на дачѣ. Авторъ подробно описываетъ образъ жизни, занятія, удовольствія воспитанниковъ, веденіе хозяйства и пр.

5. Некрологъ бывшаго воспитателя коллегіи П. П. Ермакова.

6) Оглавленіе статей Ежегодника съ 1900 г.

7) Три фотографіи; изъ нихъ двѣ—библіотеки коллегіи и одна изразцовыхъ печей въ Покорщинѣ.

8) Уставъ вспомогательной кассы для служащихъ въ коллегіи при выходѣ ихъ въ отставку. Это очень пріятная новинка, подражать которой слѣдовало бы всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, такъ какъ государственная пенсія слишкомъ мала; по этому

уставу, напр., директоръ, кромѣ государственной пенсіи, получаетъ за 25 лѣтъ изъ коллегіи ажегодно 1 т. р., а воспитатель 800 р.

Заканчивается этотъ отдѣлъ тремя страницами опечатокъ, что можетъ быть поставлено на видъ корректору, а особенно, когда будетъ издаваться журналъ и когда корректура будетъ находиться въ тѣхъ же рукахъ.

Таково содержаніе Ежегодника. Нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что составитель Ежегодника бросилъ перепечатываніе журнальныхъ отзывовъ объ Ежегодникѣ. Если бы онъ пересталъ перепечатывать невѣрныя свѣдѣнія о бывшихъ воспитанникахъ, а вмѣсто того побольше знакомилъ бы съ внутреннею жизнію того заведенія, какое—по словамъ В. Я. Шульгина—отыскиваетъ лучшее, то Ежегодникъ доставлялъ бы богатый матеріалъ для всѣхъ, кому дорого воспитаніе юношества. Теперь же эта 32-листная книга все-таки скудна учебно-воспитательнымъ матеріаломъ.

Н. Ш.

---

1) **Ворци за мріи**. *Драма на 5 дій И. А. Тогобочнёго. Выдано Вс. И. Гуртомъ. Харьковъ, 1903. № 13; стр. 1—139; in 16⁰. Цина 10 и 50 коп.*

2) **М. С. Терещенко**. *Орыся, драма въ 4 діяхъ. Черкассы, 1903, 1—94, in 16⁰. Цѣна 25 коп.*

3) **А. М. Грабина**. *«Мужычкы». Жартъ въ 1-й діи. Кіевъ, 1904, 1—35, in 16⁰. Цѣна 20 к.*

4) **Хома Воецъ**. *Въ кого серце щыре, той въ несчастяхъ гыне. Опера у чотырехъ діяхъ и пъяты картынахъ. Кіевъ, изданіе Т. Губанова, 1904, 1—108, in 16⁰. Цѣна 15 коп.*

Цѣлая серія драматическихъ произведеній: и драмы, и водевиль, и даже опера... Abondance des richesses! Но перейдемъ къ нимъ по порядку.

Г. Тогобочній—извѣстный драматическій писатель, пьесы котораго (кромѣ данной, напр. «Жыдивка выхрестка») давно уже извѣстны на украинской сценѣ. Драма «Борци за мріи» можетъ быть отнесена къ разряду пьесъ идейныхъ, заслуживающихъ извѣстнаго вниманія, и если бы не нѣкоторые крупные недо-

статки, то ее можно было бы поставить на ряду съ лучшими пьесами нашихъ немногихъ почтенныхъ драматурговъ. Однимъ изъ такихъ крупныхъ недостатковъ является все 4-ое дѣйствіе, гдѣ выведенъ, въ качествѣ носителя правды и всеобщаго благодѣтеля, земскій начальникъ,—фигура болѣе чѣмъ идеальная (въ томъ видѣ, какъ она изображена въ пьесѣ), благодаря чему въ нереальности цѣлаго дѣйствія никто не можетъ сомнѣваться. Очевидно, неловкость эту созналъ впослѣдствіи и самъ авторъ (или издатель), сдѣлавшій примѣчаніе: «Здебильшого 4-та дія зовсимъ не ставыться». Этакъ пожалуй и лучше! Мы же, съ своей стороны, подали бы благой совѣтъ не ставить еще и пятаго дѣйствія,—по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь. Вообще пьеса въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ возбуждаетъ живѣйшій интересъ, напоминая содержаніемъ отчасти «Розумный и Дурень» и «Бурлаку» Карпенка-Караго; третье дѣйствіе, въ волости—съ идеальнымъ, честнымъ, неподкупнымъ писаремъ, говорящимъ почему-то только по-русски, портитъ уже первоначальное впечатлѣніе; четвертое, какъ мы упомянули, совершенно не реально, и въ пятомъ, въ общемъ вяломъ и скучномъ, вся соль въ мелодрамѣ, въ которой повторяется старая исторія Каина съ Авелемъ. Если бы авторъ потрудился, по указанію людей опытныхъ, значительно реставрировать свою пьесу, она могла бы имѣть несравненно большій успѣхъ, чѣмъ въ настоящемъ своемъ видѣ.

Драма г. Терещенка «Орыся» принадлежитъ къ категоріи тѣхъ литературныхъ произведеній, о которыхъ въ нашихъ интересахъ, лучше совсѣмъ умолчать: «шкода тратыть пѐра и папиръ». Это какая то ахинея, неизвѣстно почему названная украинской драмой, въ которой взведенъ тяжкій поклёпъ на ни въ чемъ неповинныхъ предъ г. Терещенкомъ украинскихъ дивчатъ, парубковъ и почтенныхъ старыхъ людей. А если къ этому прибавимъ еще милыя потуги на остроуміе, въ родѣ: «марнополька... чы... малахонька», «градушыльныкы» и т. п., то можемъ лишь выразить искреннее сожалѣніе, что писатели, подобные г. Терещенку, не переводятся, а пьесы ихъ «къ представленію дозволены» такого-то дня и числа... Впрочемъ, послѣднее еще не такъ опасно: г. Терещенко можетъ питать полную увѣренность въ томъ, что пьеса его не будетъ поставлена нигдѣ и никѣмъ въ мірѣ, исключая, конечно, случаевъ съ людьми психически ненормальными...

Г. Грабина написалъ «Мужычкы», «жартъ въ 1-й діи». Онъ уже много лѣтъ «жартуетъ» съ украинской литературой, снабжая ее въ нестерпимомъ количествѣ то собственными изготовленіями, то перекройками—напр., изъ Квитки-Основьяненка «Панъ-Халявскій». Въ данномъ случаѣ онъ, вѣроятно, плѣнился лаврами Чехова и пожелалъ обезсмертить себя насчетъ украинскихъ «мужычкивъ».

Останавливаться на «Мужычкахъ» не станемъ, и перейдемъ прямо къ «оперѣ» г. Хомы Бойця, имѣющей передъ другими операми прежде всего то преимущество, что заглавія ея хватило бы, по меньшей мѣрѣ, на пять оперъ: «Въ кого серце щыре, той въ несчастяхъ (sic!) гыне». Второе удобство этой оперы то, что партитуръ для нея не имѣется, поэтому—то, что полагается, по расписанію автора, пѣть, пой себѣ, какъ тебѣ больше нравится. Третья же цѣнная особенность этой оперы та, что собственно никакой оперы вовсе нѣтъ, такъ какъ авторъ не ясно себѣ представляетъ, что́ такое опера. Въ сущности, мы имѣемъ здѣсь драму со множествомъ пѣсней, но пѣсней не народныхъ, а все отъ чрева авторскаго, почему, вѣроятно, послѣдній и принялъ свое драматическое твореніе за оперу. Нельзя, впрочемъ, не сознаться, что нѣкоторыя изъ стихотвореній г. Бойця совсѣмъ недурны: стихъ легкій, безъискусственный, хотя языкъ иногда значительно портитъ довольно пріятное впечатлѣніе; изъ такихъ стихотвореній можемъ отмѣтить: «Ой у поли тамъ на воленьци» (стр. 15—16), «Ой майнула зиронька, та горою впала!» (стр. 48—49), «Доле, ты, доле наша убогая!» (стр. 75), «Ой зъ-за лису, лису темного» (стр. 89—90). Содержаніе драмы совсѣмъ не оригинально, дѣйствія въ ней крайне мало, финалъ мелодраматическій. Параллельно съ внутренними достоинствами идутъ и внѣшнія; прежде всего языкъ: «*выдъ* показуе юлыцю», «сховалось за выдъ», «по́казъ першый», писарь говоритъ «*лысяво*» (льстиво), очи и зори «стухлы» словно «болячка» или зерновой хлѣбъ, напр., просо; «тяжко здыхае» (т. е. зитхае). Но обложка драмы—верхъ совершенства: нашъ слабый языкъ не въ состояніи передать всей прелести потрясающей картины, гдѣ у убитаго писаря льется изъ бокового кармана алой струей кровь, а совершившій преступленіе (изъ-за любви, конечно) герой въ традиціонныхъ синихъ шароварахъ,

красномъ поясѣ, брылѣ и неизвѣстнаго фасона малорусской сорочкѣ, опустивъ руки по швамъ, умилительно устремилъ взоръ къ небу!

Въ общемъ же, какъ эта Губановской фирмы quasi-опера, такъ и упомянутыя драмы и жартъ, исключая впрочемъ драмы Тогобочнёго, являются тѣми сорными травами, «кукилемъ и зиноватью» на нашей драматической нивѣ, которыя неизбѣжно произрастаютъ на всякомъ полѣ со слабой культурой... Наша же обязанность предостерегать каждаго отъ вреднаго зелья...

В. Д.

На чуже посягны, то й свое выставъ. *Составилъ козакъ Е. С. Копылъ. Москва, 1904, 1—32.*

Довольно приличное по внѣшности изданіе Сытина не такъ прилично по содержанію, какъ это и можно было ожидать по аналогіи съ иными изданіями той же фирмы. Авторъ, повидимому мало вкушавшій горькій плодъ науки, простой козакъ, почувствовалъ литературный зудъ и посему обогатилъ нашу литературу новымъ произведеніемъ, въ которомъ, однако же, не сказалъ ничего новаго. Сюжетъ разсказа мы уже имѣемъ въ «Перекотыполе» Квитки-Основяненка, и разница лишь та, что у Квитки свидѣтелемъ убійства является блуждающій полевой злакъ, а у козака Копыла—орелъ; развязка и тамъ, и здѣсь та же самая.. Впрочемъ, отсюда не обязателенъ выводъ, что новѣйшій нашъ *писатель* почерпнулъ вдохновеніе изъ произведенія Основьяненка: онъ повидимому въ какихъ бы то ни было литературныхъ знакомствахъ не повиненъ, и свое произведеніе сочинилъ вполнѣ оригинально, какъ ему Богъ на душу положилъ. Въ виду этого къ нему не слѣдуетъ прилагать какихъ-либо требованій относительно художественныхъ достоинствъ, чистоты языка и т. п.,—онъ во всемъ оригиналенъ и вполнѣ безхитростенъ. Природой ему, очевидно, опредѣленъ проповѣдническій талантъ, а всяческой морали у него—неисчерпаемый кладезь, которая, какъ извѣстный сокъ анчара, такъ й каплетъ «сквозь его кору» Въ проповѣдническомъ пылу авторъ не замѣтилъ, какъ самъ себя предалъ анаѳемѣ, ополчившись на мнимаго своего собесѣдника за его сомнѣніе въ томъ,

что «може то зовсѣмъ и не орелъ бувъ, а такъ щось друге въ образи орла», и высказавъ пріятную увѣренность, что то «можовинъ самъ янголъ бувъ», г. писатель разражается по адресу «такыхъ умныкивъ» слѣдующей грозной филиппикой: «Учыця, учыця, а тоди ни къ Богу свичка, ни къ чорту ожогъ; такъ тилькы отъ тіеи стины одскочывъ, а до другои не пряставъ, наче ягня, котре вылучыцця зъ ватагы и блее середъ поля» (стр. 32). Да, можно пожелать и автору больше «не блеять середъ поля»...

В. Д.

С. Русова. Малорусскія женщины XVI и XVII вѣка. *(Сборникъ „Къ свѣту", стр. 205—219).*

Лѣтомъ текущаго года вышелъ въ Петербургѣ прекрасно изданный большой научно-литературный сборникъ «Къ свѣту», подъ редакціей Ек. П. Лѣтковой и Ѳ. Д. Батюшкова. Изданіе сборника принадлежитъ Комитету Общества доставленія средствъ С.-Петербургскимъ высшимъ женскимъ курсамъ. Этимъ, конечно, объясняется, что приведенная въ заголовкѣ нашей замѣтки статья С. Русовой «посвящается малорусскимъ слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ», какъ сказано въ пояснительной, заскобочной, припискѣ къ статьѣ. И дѣйствительно, малорусская женщина 16-го и 17-го вѣка носитъ на себѣ отпечатокъ той сильной духовно, энергичной по натурѣ и идейной по убѣжденіямъ личности, которая можетъ во всѣ вѣка составлять гордость предковщины. Г-жа Русова въ превосходно составленномъ очеркѣ обрисовала, на основаніи извѣстныхъ уже въ печати матеріаловъ, картину общественно-семейнаго положенія женщины въ Малороссіи и дала иллюстрацію этой картины въ образахъ женщинъ, выступающихъ героинями въ историческихъ народныхъ пѣсняхъ (Маруся Богуславка, Бондаривна), а, главнымъ образомъ, отмѣченныхъ на страницахъ исторіи съ характерными чертами въ ихъ личной судьбѣ. Среди этихъ послѣднихъ рѣзко выдѣляются: Марья Борзобогатовна Красенская, съ такимъ достоинствомъ давшая бракоразводную запись въ 16 вѣкѣ, могущую сдѣлать честь и современной намъ семьѣ; Гальжка Гулевичевна, учредительница Кіево-Братской школы, завѣщавшая всѣ остатки своего иму-

щества на просвѣтительныя учрежденія; Раина Могилянская, основательница Мгарскаго и Густынскаго монастырей, тогдашнихъ разсадниковъ просвѣщенія въ Малороссіи. Кромѣ этихъ, такъ сказать, героинь духа, проходятъ предъ нами и героини активныхъ дѣйствій—то въ роли «властныхъ гетманшъ» (Анна Золотаренко, третья жена Богдана Хмельницкаго), то въ роли энергичныхъ предводительницъ военныхъ отрядовъ (Софія Ружинская). Наконецъ, выступаетъ на сцену и эта несчастная красавица, Ганна Монтовтъ, перенесшая въ своей жизни столько противоположностей и разныхъ злоключеній, что образъ этотъ можетъ послужить темой интереснѣйшаго историческаго романа на семейно-общественной подкладкѣ.

Представивъ въ очень живомъ, популярномъ изложеніи всѣ эти образы, С. Русова имѣла полное основаніе закончить свою статью слѣдующими словами: «на современныхъ намъ малорусскихъ женщинахъ, толпами наполняющихъ всѣ аудиторіи высшихъ курсовъ, на нашихъ современныхъ беззавѣтныхъ носительницахъ лучшихъ идеаловъ науки и жизни лежитъ великій долгъ донести эти идеалы во всей ихъ чистотѣ до самой той массы обезличеннаго, придавленнаго тяжелыми условіями существованія населенія того самаго Полѣсья, Приднѣпровья и Черноморья, гдѣ Бондаривна и Маруся Богуславка совершали свои подвиги женской гордости и любви къ родинѣ, гдѣ Гальжка Гулевичъ, Раина Могилянская высоко поднимали знамя національной независимости и просвѣщенія».

В. Н.

Отъ Правленія Общества имени Т. Г. Шевченка.

Общество имени Т. Г. Шевченка имѣетъ своею цѣлью оказывать помощь учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ г. С.-Петербурга уроженцамъ Южной Россіи, выдавая имъ ссуды или безвозвратныя пособія. Въ истекшемъ 1903 году такихъ денежныхъ пособій было выдано 72 лицамъ на сумму 2940 руб., но гораздо большему числу нуждавшихся въ пособіи было отказано за неимѣніемъ въ кассѣ Общества средствъ для выполненія въ полной мѣрѣ своихъ задачъ. Въ кругъ послѣднихъ входитъ устройство дешеваго общежитія и столовой,—въ чемъ давно уже ощущаютъ потребность кліенты Общества, открывшаго съ этою цѣлью спеціальную подписку среди своихъ членовъ. Поступившія на этотъ предметъ пожертвованія по 1 января 1904 г. составили сумму около 1.250 рублей, крайне недостаточную для осуществленія задуманнаго предположенія. Для увеличенія этого спеціальнаго фонда общее собраніе членовъ Общества имени Т. Г. Шевченка въ засѣданіи 11-го апрѣля текущаго 1904 г. рѣшило воспользоваться пожертвованіемъ А. Я. Ефименко, которая предоставила Обществу право на изданіе сборника своихъ сочиненій по исторіи Южной Руси. Принявъ съ благодарностью это пожертвованіе, Общество постановило издать сочиненія А. Я. Ефименко въ пользу фонда на устройство общежитія и столовой.

Въ виду того, однако, что имѣющихся въ распоряженіи Общества средствъ для этого изданія недостаточно, Общество остановилось на мысли, для покрытія недостающей суммы, просить о поддержкѣ членовъ общества и другихъ лицъ, на сочувствіе и помощь которыхъ въ данномъ случаѣ можно было бы разсчитывать. Помощь можетъ быть оказана или въ видѣ но-

выхъ пожертвованій въ фондъ на устройство общежитія и столовой для учащихся, или въ видѣ безпроцентной ссуды Обществу на изданіе сочиненій А. Я. Ефименко, чистый доходъ отъ продажи которыхъ, за покрытіемъ долга по ссудамъ, предназначенъ на увеличеніе названнаго фонда.

Сборникъ сочиненій А. Я. Ефименко издается въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ: «*Южная Русь*». *Очерки, изслѣдованія и замѣтки Александры Ефименко, члена Императорскаго Русскаго Географическаго, Московскаго Психологическаго, Кіевскаго Юридическаго Обществъ и почетнаго члена Полтавской ученой архивной коммиссіи.* Каждый томъ будетъ имѣть около 25 печатныхъ листовъ. Въ нихъ войдутъ слѣдующія статьи:

Томъ I. Очерки изъ исторіи Правобережной Украины. Малорусское дворянство и его судьба. Южнорусскія братства. Копные суды въ лѣвобережной Украинѣ. Народный судъ въ Западной Руси. Дворищное землевладѣніе въ Южной Руси. Архаическія формы землевладѣнія у Германцевъ и Славянъ. Крестьяне-данники въ Литовской Руси.

Томъ II. Бѣдствія евреевъ въ Южной Руси XVII вѣка. Изъ исторіи борьбы малорусскаго народа съ поляками. Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. Турбаевская катастрофа. Архіерейскій подарокъ. Два намѣстника. Обличитель Богдана Хмельницкаго. Старинная одежда и принадлежности быта слобожанъ. Малорусскій языкъ въ школѣ. Философъ изъ народа. Личность Г. С. Сковороды, какъ мыслителя. Націонализмъ по Соловьеву. По поводу украинофильства. Литературныя силы провинціи (В. Б. Антоновичъ). Котляревскій въ исторической обстановкѣ. По поводу 40-лѣтняго юбилея Т. Г. Шевченка. Украинскій элементъ въ творчествѣ Н. В. Гоголя.

Лица подписавшіяся на изданіе до 1 ноября 1904 г., уплачиваютъ *3 рубля за оба тома*. По выходѣ изданія въ свѣтъ цѣна будетъ повышена.

Какъ подписную плату, такъ и пожертвованія въ фондъ на устройство общежитія и столовой и ссуды на изданіе сочиненій А. Я. Ефименко, просятъ высылать секретарю Общества имени Т. Г. Шевченка *Петру Матвѣевичу Саладилову С.-Петербургъ, Адмиралтейская наб., д. 6, кв. 34.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.
